

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Тимошечкина Елена Михайловна

**Раскулачивание крестьянства
в Борисоглебском округе
Центрально-Чернозёмной области
(первая половина 1930 г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор М.Д. Карпачёв

Воронеж – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Введение.....	3
Глава 1. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО в первой половине 1930 г.....	31
§ 1. Социально-экономическое состояние Борисоглебского округа в конце 1920-х – начале 1930-х гг.....	31
§ 2. Решения партийно-государственного руководства страны о ликвидации кулацких хозяйств и организационная деятельность местных органов власти по их реализации	46
§ 3. Конфискация имущества у кулацких хозяйств.....	72
§ 4. Присвоение имущества раскулаченных.....	87
§ 5. Использование изъятой у кулаков собственности.....	97
§ 6. Выселение раскулаченных в Северный край.....	118
§ 7. Расселение кулаков на специально отведённых земельных участках.....	139
Глава 2. Взаимоотношения власти и крестьянства в период проведения ликвидации кулацких хозяйств	162
§ 1. Противодействие крестьянского населения раскулачиванию.....	162
§ 2. «Перегибы» при раскулачивании и устранение их властью.....	197
§ 3. Работа местных органов власти с жалобами о раскулачивании.....	223
Заключение.....	253
Список использованных источников и литературы.....	260
Приложение.....	288

Введение

Актуальность темы исследования. Раскулачивание крестьянства в начале 1930-х гг. в СССР как научная проблема сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Обусловлено это тем, что, несмотря на обширную историографию, многие вопросы данной темы недостаточно полно и обстоятельно изучены. Кроме того, долгие годы эта тема освещалась в рамках официальной концепции, в соответствии с которой проблемы коллективизации деревни и «ликвидации кулачества как класса» трактовались как выдающиеся победы советского строя. Поэтому многие выводы историков были необъективны и до сих пор вызывают острые дискуссии. Отдельные аспекты темы ранее излагались или схематически, или вообще не затрагивались и стали разрабатываться только в последние десятилетия. Вот почему воссоздание полной и правдивой картины одного из драматических периодов отечественной истории остаётся актуальной научной задачей.

Степень изученности проблемы. Данная тема исследуется на протяжении уже более полувека и отечественными и зарубежными учёными. Она нашла отражение как в общих трудах по истории коллективизации, так и в специальных работах. В отечественной историографии можно выделить три периода, отличающиеся по интенсивности изучения проблемы и научным подходам: с 1930 г. до середины 1950-х гг., с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. по настоящее время.

Первые статьи и брошюры о ликвидации кулачества появились в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Они были написаны партийными и советскими работниками в агитационно-пропагандистских целях, поэтому не могут считаться научно-исследовательскими. Между тем, содержащийся в них фактический материал позволяет проследить основные этапы выработки новой политики по отношению к кулачеству¹.

С середины 1930-х гг. идеологические и тематические рамки исторических исследований были определены «Кратким курсом истории ВКП(б)». Первые

попытки обобщения итогов борьбы коммунистической партии за социалистические преобразования сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса предприняли Я. Никулихин и С.Н. Красавин². М.Я. Залесский, исследуя налоговую политику, показал, что налоговое обложение не только сдерживало рост экономической мощи кулацких хозяйств, но и служило основанием для последующего их раскулачивания³.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. интерес учёных к изучению истории коллективизации возрастает. Находясь под влиянием партийно-государственной идеологии, согласно которой колхозный строй являлся одним из важнейших факторов победы в Великой Отечественной войне, историки давали коллективизации исключительно положительную оценку. Отечественная историография пополнилась рядом научно-популярных и исследовательских работ. В научный оборот были введены новые архивные источники, материалы периодической печати, статистические данные, расширился круг исследуемых вопросов, в том числе и касающихся ликвидации кулачества. Из работ, появившихся в эти годы, следует отметить монографии Г.Е. Глезермана «Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР», Б.А. Абрамова «Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса», М.А. Краева «Победа колхозного строя в СССР»⁴. Г.Е. Глезерман излагает теоретические положения проблемы классов и классовой борьбы в СССР. Б.А. Абрамов впервые систематически осветил проблему ликвидации кулачества как класса, но ограничился только отдельными фактами, относящимися к началу 1930 г. По мнению М.А. Краева, кулачество ликвидировалось подлинно революционными методами, а меры борьбы с ним в разных районах были различны. Однако конкретным материалом это не подтверждено. Первые исследования по данной теме на материалах Центрального Черноземья провёли Н.М. Черноморский и Г.К. Плющев⁵. Авторы утверждали, что основная масса крестьянства поддержала меры против кулаков. В то же время они отмечали широкий масштаб «перегибов», допущенных при раскулачивании.

Историки, находясь в жёстких идеологических рамках и руководствуясь догматами об объективной необходимости ликвидации кулачества, о позитивной реакции большинства крестьянства, о положительных итогах аграрной политики для судеб деревни, фактически не внесли ничего нового в разработку проблемы. А литература тех содержала бедный конкретно-исторический материал.

Со второй половины 1950-х гг. начинается второй период в советской историографии. Увеличилось количество работ по данной теме, повысился их научный уровень. Многие исследования отличает широкая источниковедческая база, критический подход к источникам. Появляются специальные исследования, основанные на документальных материалах партийных и государственных архивов. Начало конкретно-историческому изучению названной темы положили статьи П.В. Семернина и В.К. Медведева⁶. Работа С.П. Трапезникова отражала официальную концепцию коллективизации и раскулачивания⁷. Интерес представляют также исследования Ю.А. Мошкова, Ф.М. Ваганова, Ю.С. Кукушкина, И.Я. Трифонова⁸. В них рассматриваются основные этапы развития классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период, раскрываются формы этой борьбы, освещается деятельность партийных и советских организаций. По вопросу о времени начала ликвидации кулачества историки имели различные точки зрения. Так, Б.А. Абрамов, М.А. Краев, И.Я. Трифонов, Ю.А. Мошков, Ю.С. Кукушкин считали, что это произошло во второй половине 1929 г. В.К. Медведев, И.И. Слинко, И.С. Степичев, Ф.А. Каревский, Н.Я. Гущин на примере отдельных районов показали начало ликвидации кулацких хозяйств в конце 1929 г., т.е. со времени перехода к сплошной коллективизации⁹. По мнению Ю.А. Мошкова, юридическим основанием для частичной экспроприации кулачества до принятия январско-февральских постановлений ЦК ВКП(б) и Советского правительства служили постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». «Хотя эти меры, – пишет автор, – касались лишь заготовок, они на практике послужили

той юридической основой, которая позволила уже со второй половины 1929 г. начать частичную экспроприацию кулачества»¹⁰. 61 статья УК РСФСР, как считает Ф.А. Каревский, применялась осенью 1929 г. не только для изъятия хлеба, но и в качестве «механического раскулачивания»¹¹.

Изучаются и новые вопросы по данной проблеме, например, депортация кулаков, их трудовое перевоспитание и дальнейшая судьба¹². А.П. Финаров отмечал, что вопрос о раскулачивании обсуждался на батрацко-бедняцких собраниях с участием представителей общественных организаций и середняцкого актива, что экспроприация кулачества проходила при непосредственном участии крестьянства. По утверждению автора, партия и правительство проявляли заботу о переселенцах, а кулаки из мест выселения бежали лишь для того, чтобы заниматься вредительской деятельностью в промышленности и сельском хозяйстве¹³.

Стержневой работой по рассматриваемой проблеме, отражавшей официальную концепцию коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, являлась монография С.П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос»¹⁴. Историкам были поставлены в жёсткие идеологические и тематические рамки.

В конце 1960-х – первой половине 1980-х гг. отечественная историография пополнилась научными трудами высокого исследовательского уровня. Это, прежде всего, работы В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого и И.Я. Трифонова¹⁵. Содержательная часть исследований охватывала целый комплекс вопросов таких, как анализ аграрной политики советского государства конца 1920-х – начала 1930-х гг., оценка сложных социальных процессов, происходивших в крестьянстве накануне сплошной коллективизации, характеристика форм и методов сопротивления кулаков, освещение выработки политики ликвидации кулачества, массовых крестьянских волнений, выселение кулаков.

Сделанные историками выводы не выходили за рамки официальной концепции: экспроприация кулацких хозяйств была обоснована и неизбежна, процессы коллективизации и раскулачивания взаимосвязаны, репрессии власти вы-

званы сопротивлением кулаков, их депортация являлась вынужденной и достаточно гуманной мерой, выселенные кулаки перевоспитывались, их обеспечивали работой, жильём, медицинской помощью, воссоздана довольно радужная картина спецпереселенцев. В то же время исследователи отмечали, что раскулачивание зачастую проводилось до начала коллективизации и являлось средством её ускорения¹⁶.

Дискуссионным был вопрос о периодизации раскулачивания. Н.А. Ивницкий выделяет два этапа: конец 1929–1930 гг., 1931–1932 гг. По его мнению, начало частичной экспроприации кулачества относится не ко всей второй половине 1929 г., а лишь к осени – зиме 1929 г., так как «злостные саботажники и спекулянты, к которым применялись чрезвычайные меры, вплоть до продажи с торгов их имущества, могли быть выявлены только после того, как в сентябре планы районных заготовок сообщались сельсоветам для раскладки заданий по отдельным хозяйствам»¹⁷. «Трудящиеся массы крестьянства, осуществлявшие сплошную коллективизацию, – пишет автор, – ещё в конце 1929 г. явочным порядком стали сгонять кулаков с земли, отбирать у них скот, сельскохозяйственный инвентарь и требовать от Советской власти выселения наиболее злостных кулаков, мешавших колхозному строительству»¹⁸. В коллективном труде «Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории» была предложена иная периодизация процесса раскулачивания: конец 1929 г. – весна 1930 г., весна 1931 г., весна 1932 г. – осень 1933 г.¹⁹

Итогом научной разработки основ, сущности и последствий социально-классовой политики в отношении крестьянства в 1920-е – 1930-е гг. стало издание второго тома «Истории крестьянства СССР. Истории советского крестьянства»²⁰. В нём содержится богатейший документальный материал.

Историографическому обзору литературы посвящены статьи В.И. Погудина, В.П. Данилова, М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина, А.М. Чинчикова, Л.М. Зак²¹.

Данная тема изучалась и на материалах Центрального Черноземья. Прежде всего, следует отметить монографию П.Н. Шаровой «Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.)»²². Написан-

ная на большом фактическом материале, она не утратила своей научной ценности и сегодня. В ней впервые приведены данные о масштабах раскулачивания в ЦЧО, отмечаются допущенные перегибы. Однако нельзя согласиться с утверждением автора, что раскулачивание было поддержано широкими крестьянскими массами.

Официальная советская концепция коллективизации представлена в коллективном труде «Историография крестьянства Центрального Черноземья. 1917–1980 гг.»²³. Отдельные аспекты данной проблематики отражены и в ряде других работ²⁴. Историками введены в научный оборот разнообразные материалы центральных и местных партийных архивов, периодической печати, статистические данные. Однако сделанные авторами выводы сегодня требуют переосмысления. Так, И.М. Чвикалов писал: «В годы массового колхозного движения беднейшее крестьянство в союзе с середняком показало свою сплочённость и твёрдую решимость вести непримиримую борьбу с деревенскими эксплуататорами»²⁵.

В конце 1980-х гг. начинается третий период в историографии проблемы, который продолжается по настоящее время. Для него характерно изменение концептуальных подходов исторических исследований, обусловленное кризисом советской государственности. Рассекречивание большого массива архивных материалов значительно расширило документальную базу исследований. Начался пересмотр событий советской истории с позиций историзма и объективности. Проблема коллективизации и ликвидации кулачества как класса вызвала дискуссию в научном сообществе²⁶. Появляются сборники статей, авторы которых кардинально меняли устоявшиеся в советской историографии оценки событий 1920-х–1930-х гг.²⁷. Одним из первых критически переосмыслил последствия социалистических преобразований в деревне историк В.П. Данилов. Им был сделан вывод о насильственном и антигуманном характере сплошной коллективизации, раскулачивания и депортации крестьян²⁸. Критическая оценка коллективизации и раскулачиванию дана В.П. Даниловым и Н.А. Ивницким

в вводной статье сборника документов и материалов «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг.»²⁹.

Наибольший интерес представляют работы Н.Л. Рогалиной, Н.В. Тепцова, Н.А. Ивницкого, Н.Я. Гущина³⁰. Н.Л. Рогалина исследовала масштабы репрессий, негативные последствия проводимой властью аграрной политики: массовые недовольства крестьян, голод. Автор приходит к выводу, что «раскулачивание превращалось в основной метод ускорения коллективизации, выступало не столько её результатом, сколько причиной»³¹. Используя документальные источники, Н.Л. Рогалина показывает удручающую картину трудоустройства и быта выселенных крестьян. Приведённые в книге факты указывают на то, что большинство спецпереселенцев были добросовестными и способными тружениками. По мнению исследователя, наступило время отказаться от мифа о так называемом «трудовом перевоспитании бывших кулаков». «Именно «раскулаченные крестьяне», – пишет автор, – вынесли на своих плечах тяжесть освоения огромных необжитых районов»³².

Н.В. Тепцов раскрывает содержание, формы и методы раскулачивания, даёт оценку масштабов раскулачивания крестьянских хозяйств. Как считает историк, крупной сельской буржуазии не было, а «были крестьяне, пользовавшиеся большими земельными площадями и применявшие наёмный труд», «часть их не приняла нововведений в деревне, сопротивлялась им», в разряд же «кулаков» и «врагов народа» попадали совсем другие люди³³.

Н.А. Ивницкий в своей монографии «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)» показывает насильственный характер государственной политики в деревне. Большое внимание автор уделяет исследованию сопротивления крестьянства. Если раньше он писал о борьбе «озлобленного кулачества» против коллективизации, то теперь более объективно раскрывает причины недовольства различных слоёв крестьянского населения, характеризует разнообразные формы сопротивления, как пассивные, так и активные, обстоятельнее освещает сложную политическую обстановку в деревне. Историком сделаны статистические обобщения. По его подсчётам, в 1930 г. произошло 13 756 мас-

совых выступлений, в которых участвовали 3 369 730 человек, т.е. в 10 раз больше, чем в 1929 г. Это, по мнению автора, свидетельствует об участии в сопротивлении коллективизации и раскулачиванию широких масс крестьянства, а не только его зажиточной части. Историк считает, что «раскулачивание и репрессии превращались в основное средство коллективизации, становясь главным методом ускорения её темпов». Исследователь в своей работе приходит к выводу, что «насильственное выселение миллионов людей не могло быть оправдано: оно не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени»³⁴.

Н.Я. Гущин также утверждает, что «насилие над крестьянами» и «голое раскулачивание» практиковалось почти повсеместно и использовалось как средство подстёгивания коллективизации, процент экспроприированных крестьянских хозяйств был почти одинаково высоким как в районах сплошной коллективизации, так и в районах, где она ещё не проводилась, «постановления, инструкции и особенно практические указания, следовавшие сверху вниз, ориентировали не на ограничение, а на безудержное развязывание насилия»³⁵. По мнению автора, в советской историографии сильно преувеличено участие кулаков в актах террора, «саботаже», «бандитизме» и восстаниях, среди сопротивлявшихся власти преобладали середняки и бедняки³⁶.

Весомый вклад в разработку проблем аграрной истории 1930-х гг. внёс И.Е. Зеленин³⁷. Исследователь, основываясь на большом количестве ранее неизвестных документов, раскрывает механизм осуществления политики «ликвидации кулачества как класса», показывает её «антикрестьянский, открыто репрессивный характер». По мнению историка, ликвидация кулачества «значительно опережала коллективизацию, стимулируя её экономически (передача колхозам средств производства и имущества раскулаченных хозяйств) и психологически (фактор «последнего предупреждения» и устранения единоличников)»³⁸.

Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев исследует мурманский учёный В.Я. Шашков³⁹. Он вводит новые хронологические рамки этого

процесса, выделяя в нём четыре этапа: 1930, 1931, 1933–1940 гг., 1945–1952 гг. Автор верно считает, что политика сплошной коллективизации и раскулачивания стала социальной и экономической катастрофой. Между тем, с предложенным им тезисом, что форсированного раскулачивания противников колхозного строя не получилось и что раскулачивание вместо трёх лет растянулось на четверть века, согласиться нельзя. Репрессивная система, как отмечает Е.Н. Герман, «довольно «успешно» справлялась с массовой «ликвидацией» неугодных в деревне»⁴⁰.

Тема выселения кулаков обстоятельно представлена в работах В.Н. Земскова⁴¹. Им впервые приведены статистические данные о численности спецпереселенцев и их составе. Картину тяжёлых лишений, которым были подвергнуты переселенцы в северных краях, воссоздал Л.И. Гинцберг. Это – и нехватка жилья, и детская смертность, и неудовлетворительное снабжение продуктами, и издевательства начальников. По мнению автора, с помощью депортаций власть решала задачу обеспечения рабочей силой отдалённые регионы страны⁴². Что раскулачивание являлось средством решения проблемы аграрного перенаселения, считают и другие исследователи⁴³.

Критика советской концепции коллективизации и раскулачивания дана В.М. Самосудовым в монографии «Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х гг.)»⁴⁴.

Рядом исследователей изучаются отдельные аспекты данной темы. Налогообложение как средство раскулачивания показано в работах А.Г. Галямовой, М.Н. Глумной, В.А. Ильиных⁴⁵. Искажение масштабов массовой смертности от голода в 1933 г., недоучёт людских потерь выявлены Е.А. Осокиной⁴⁶. В.Б. Жиромская занимается подсчётом жертв политических репрессий 1930-х гг.⁴⁷ Участие спецслужб в осуществлении политики в деревне исследуют В.Ф. Зима, В.И. Михеев⁴⁸. Этим органам власти, по мнению авторов, была отведена центральная роль при проведении репрессивных мероприятий. Первой же жертвой политических репрессий, как считает А.Н. Сахаров, было именно крестьянство⁴⁹. Г.Ф. Доброноженко раскрывает понятие «кулак» и показывает свою мето-

дологию анализа этой социальной группы. По мнению историка, что необходимо отказаться от использования терминов «кулаки» и «сельские эксплуататоры» как синонимов. Согласно её концепции, «кулаки» – «это не социально-экономическая группа сельской буржуазии, а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по социально-политическим мотивам»⁵⁰.

В исторической литературе до сих пор нет единой точки зрения о времени начала раскулачивания. Так, И.Е. Плотников, Е.А. Кирьянова, А.Н. Сахаров считают, что ликвидация кулачества началась зимой – весной 1930 г. По мнению Н.А. Ивницкого, И.В. Чемоданова, О.Н. Мигущенко, раскулачивать начали ещё в конце 1929 г.⁵¹

После рассекречивания в 1990-е гг. большого массива документов, хранящихся в центральных и местных архивах, появилась существенная источниковая база для исследования ранее замалчиваемой в советской историографии темы сопротивления крестьянства коллективизации и раскулачиванию. Современными историками выявлены многочисленные факты противодействия крестьян раскулачиванию в разных регионах страны⁵². Проанализировав формы и масштабы крестьянского сопротивления, авторы отмечают, что борьба крестьянства с властью имела всеобщий характер и активно велась в большинстве районов страны. Историки отказались от односторонней трактовки массовых выступлений как кулацких и наметили новый подход к их оценке. Так, В.Я. Шашков пишет, что в конце 1920-х гг. не кулак объявил войну Советской власти, а Советская власть объявила войну кулаку⁵³. Между тем, сведения о волнениях крестьян ещё не полные. Как отмечает И.Е. Плотников, историкам «ещё предстоит проанализировать характер выступлений, их политическую направленность, специфику в различных регионах страны, степень участия в них отдельных слоёв крестьянства»⁵⁴.

В последние десятилетия на материалах отдельных регионов страны проводятся всё новые диссертационные исследования. Авторами вводятся в научный оборот новые источники, преимущественно местных архивов, обозначают-

ся новые аспекты темы, предпринимаются попытки выделения особых черт изучаемых событий⁵⁵.

Из современных историков Центрального Черноземья, занимающихся разработкой темы, особо следует отметить П.В. Загоровского. Им впервые проведено комплексное исследование целого блока проблем социально-политической истории Центрального Черноземья во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг., показаны методы и последствия коллективизации сельского хозяйства, раскулачивания, проанализированы политические настроения населения⁵⁶. По мнению автора, аграрная политика партийно-государственного руководства СССР противоречила интересам большинства крестьянства и вызвала активное движение протеста. П.В. Загоровский впервые воссоздал ужасающую картину массового голода. Как верно считает историк, к голоду в ЦЧО в первой половине 1930-х гг. привело изъятие продуктов питания у крестьян⁵⁷. В своём исследовании он приходит к выводу о превращении «административного насилия и массовых репрессий в наиболее употребимые формы отношений государства к сельскому населению»⁵⁸.

Предпосылки и осуществление коллективизации в Центральном Черноземье в 1929–1933 гг., основываясь на документах, относящихся к Тамбовской области, исследует С.А. Есиков. Автор считает, что для власти раскулачивание было средством преодоления сопротивления крестьян. По его мнению, итогом раскулачивания являлось ускоренное формирование «армии принудительного труда – армии дешёвой и мобильной рабочей силы для промышленных строек, лесозаготовительных работ, освоения необжитых районов»⁵⁹. Историком изучена реакция на события 1930-х гг. рабочих-двадцатипятидесятитысячников⁶⁰.

Критериям определения зажиточности крестьянства посвящена статья С.А. Есикова и В.В. Канищева⁶¹. Этот вопрос до сих пор является дискуссионным. Как считают авторы, необходимо учитывать влияние естественных факторов на благосостояние крестьян, а также выявлять, какими путями отдельные хозяйства достигли зажиточного состояния.

Данная проблема рассматривается на материалах Центрального Черноземья и в ряде других работ⁶². Проведение коллективизации и ликвидации кулачества в районах, ныне входящих в состав Липецкой области, исследует Е.А. Панова. В своей работе она приходит к выводу о том, что безразличие центральной и местной власти к человеческой жизни, указывает на преступность самой политики «ликвидации кулачества как класса»⁶³. О.Л. Шашковой показан механизм проведения репрессивных мер в отношении различных социальных групп населения Центрального Черноземья, в том числе и крестьянства. По её мнению, он был обусловлен не только наличием секретных инструкций, исходивших чаще всего от органов власти, не обладавших законодательными правами, но и распространением «двойных стандартов политического поведения, когда признавались и многие демократические принципы и считалось возможным использование различных способов их фактического несоблюдения»⁶⁴.

Исследование ряда аспектов данной проблемы на материалах Борисоглебского округа ЦЧО начато автором диссертации.

Интерес к российской истории периода 1920-х–1930-х гг. проявляют и западные историки. Изучением проблем коллективизации активно занимались Эдвард Карр, Алек Ноув, Моше Левин, Ричард Дэвис⁶⁵. В их работах коллективизация представлена не только как неизбежная составляющая процесса модернизации страны, но и как «меньшее из зол», выпавших на долю деревни в результате жестокого подавления государством массового крестьянского сопротивления в начале 1930-х годов. С 1960-х годов в зарубежной историографии утверждается новое направление в советологии – школа социальных историков. Появляются исследования о настроении сельского населения, о его взаимоотношении с властью в ходе осуществления коллективизации. В центре внимания учёных – роль и место крестьянства в аграрных преобразованиях. Среди работ по данной проблеме следует отметить книгу Шейлы Фицпатрик «Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня»⁶⁶. Автор анализирует поведение российского крестьянства, рассматриваются способы его борьбы с государством.

Большой общественный и научный резонанс вызвала работа английского исследователя Роберта Конквеста «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом»⁶⁷. Автор называет преступной саму идею коллективизации, а созданную колхозную систему определяет как неотъемлемый атрибут тоталитарного режима. В исследовании показаны крайне жёсткие методы осуществления коллективизации, катастрофические последствия этой политики, в частности, голод, массовое недовольство сельского населения внедрявшимися изменениями в уклад жизни, сделана попытка подсчёта погибших советских граждан в ходе реализации аграрной политики.

Андреа Грациози охарактеризовал отношения между властью и крестьянством в годы коллективизации как «величайшую крестьянскую войну». Автор приводит значительный статистический материал: в 1930 г. произошло 13 754 случаев крестьянских волнений, т.е. в десять раз больше, чем в 1929 г., кроме того, было около 4 тысяч актов индивидуального террора, в том числе 1 200 убийств, которыми крестьяне отвечали на произвол, чинимый над ними, более чем в 7 380 случаях беспорядки направлены против коллективизации, в 2 339 – против арестов или высылки «антисоветских элементов»⁶⁸. Грациози пишет: «Растущее сопротивление наверняка стало главным фактором, убедившим советское руководство поспешить с чрезвычайными мерами. Установка была на нейтрализацию крестьянства путём уничтожения его верхушки (раскулачивания) и объединения как можно большего числа семейств в сравнительно немногих крупных коллективных хозяйствах (коллективизации)»⁶⁹.

Существенный вклад в разработку темы внесла Линн Виола. Она раскрывает роль ОГПУ в организации и проведении массовых депортаций крестьян в начале 1930-х годов, показывает межведомственную борьбу между ОГПУ и НКВД. Автор отмечает, что во властных структурах, отвечающих за проведение депортации, царил хаос⁷⁰. Социальный протест крестьянства она объясняет с позиций не столько классовой, сколько гражданской войны в деревне. По её мнению, крестьянский террор позволял власти «поддерживать состояние на-

силственности государственных кампаний и объяснять применение репрессий к самому крестьянству»⁷¹.

Ряд зарубежных историков изучают различные аспекты темы на региональном уровне⁷². Следует отметить известного социолога Теодора Шанина, основателя новой исследовательской традиции – рефлексивного крестьяноведения. Результатом его проекта стала реконструкция судеб российского крестьянства⁷³. Автобиографии сельских семейств, записанные в семнадцати регионах страны, позволяют взглянуть на события давних лет глазами очевидцев. Эти семейные истории являются фактически универсальным первоисточником для изучения коллективизации и раскулачивания. Наибольший интерес западные учёные проявляют к таким проблемам, как репрессии против крестьянства и деятельность ОГПУ⁷⁴.

Итак, отечественная историография исследуемой темы представлена двумя составляющими: советской и постсоветской или современной российской. Для каждой из них характерны свои подходы в решении научных задач, определённый круг вопросов, представляющий интерес, свой вклад в разработку темы. Несмотря на идеологизированность исследований, недостаточную объективность в оценках, неизученность целого ряда вопросов, в целом нельзя умалять вклад в разработку темы советских историков. Их заслуга, прежде всего, в том, что они ввели в научный оборот большой массив фактического материала, создали задел для новых изысканий, для решения новых задач и проблем. А качество написания отдельных работ, скрупулёзность и обстоятельность исследований, научная стилистика изложения могут и сейчас являться примером для современных учёных.

За последние десятилетия изменились методологические подходы исследований, произошла кардинальная переоценка событий. В советской историографии раскулачивание рассматривалось в соответствии с марксистско-ленинской теорией о классовой борьбе как необходимое условие проводимых в деревне социалистических преобразований. Современные исследователи придерживаются единой точки зрения, что исторической необходимости в прове-

дении раскулачивания не было, что при ликвидации кулацких хозяйств преобладали насильственные методы, что раскулачивание не разрешило экономических проблем, а сельскому хозяйству в целом был нанесён существенный урон. Вся кампания по раскулачиванию представляется как величайшая трагедия российского крестьянства.

Накопленный учёными разных поколений, как отечественными, так и зарубежными, багаж результатов исследований – это тот фундамент, который позволит воссоздать действительно объективную картину раскулачивания без какого-либо идеологического давления или временного конъюнктурного ажиотажа, без оглядки на современные политические реалии. Историографический анализ показывает, что несмотря на наличие обширной исторической литературы по проблеме ликвидации кулачества в СССР, продолжение разработки данной темы на основе введения в научный оборот нового массива документов, их более глубокого анализа и осмысления в соответствии с современным концептуальным подходом необходимо. До сих пор не достаточно обстоятельно раскрыто участие местных органов власти в проведении раскулачивания, исследованы методы и средства ликвидации кулацких хозяйств, показаны взаимоотношения власти и крестьянства, установлены масштабы репрессивных мер против зажиточных крестьян в отдельных регионах страны, в том числе и в Центральном Черноземье, что не позволяет достичь полноты изученности темы и в целом по стране.

С учётом этого автором выдвинута следующая **цель исследования**: рассмотрение проведения раскулачивания крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Чернозёмной области в первой половине 1930 г.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- осветить деятельность местных органов власти по организации раскулачивания;
- раскрыть формы и методы, применявшиеся для ликвидации кулачества (конфискация имущества, выселение в Северный край, расселение на специально выделенные земельные участки);

– показать роль органов ОГПУ, милиции, прокуратуры, суда в ликвидации кулацких хозяйств;

– исследовать протестные действия крестьянского населения, определить их причины, формы, значение;

– установить масштабы допущенных при проведении раскулачивания «перегибов» и эффективность мер, принятых властью, для их устранения;

– проанализировать результаты начального периода раскулачивания.

Объектом исследования является российское крестьянство в эпоху коренной реконструкции социально-экономического уклада деревни в начале 1930-х гг.

Предметом исследования избран процесс ликвидации кулачества в первой половине 1930 г. в Борисоглебском округе ЦЧО, возникшее в связи с этим противостояние власти и крестьянства, итоги раскулачивания.

Территориальные рамки исследования включают в себя бывший Борисоглебский округ Центрально-Чернозёмной области, созданный в 1928 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК об образовании в РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения. В его состав вошли Борисоглебский уезд и ряд волостей Тамбовского и Усманского уездов бывшей Тамбовской губернии, Новохопёрский уезд и ряд волостей Бобровского уезда бывшей Воронежской губернии⁷⁵. На 1 января 1930 г. округ занимал территорию в 16 506,6 квадратных километров. В настоящее время территория Борисоглебского округа ЦЧО входит в состав Воронежской, Тамбовской и Липецкой областей Российской Федерации.

Борисоглебский округ – это типичный аграрный регион России. На материалах данного региона можно хорошо исследовать социально-экономические и политические процессы, сыгравшие ключевую роль в дальнейшей судьбе русской деревни, проследить общие тенденции практической реализации политики ликвидации кулачества как класса, а также выявить региональную специфику этого процесса. Изучать данный регион важно и потому, что он в первые годы советской власти был охвачен крестьянскими волнениями. Следовало вы-

яснить, как борисоглебское крестьянство отнеслось к политике «раскулачивания» и как складывалась его дальнейшая судьба. Заняться исследованием побудило также то обстоятельство, что этот регион слабо отражён в историографии.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину 1930 г. Нижней границей является январь 1930 г., когда в Борисоглебском округе началось массовое раскулачивание. Завершается исследование июлем 1930 г., так как, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г., Борисоглебский округ, как территориально-административная единица, наряду с другими округами был упразднён. К этому времени раскулачивание в округе уже состоялось. Это – начальный период раскулачивания, наиболее интенсивный по темпам ликвидации кулацких хозяйств. Изучение данного периода даёт широкое представление о том, какими методами осуществлялась ликвидация кулачества, как отнеслось к раскулачиванию крестьянское население, как эта кампания в целом отразилась на политической обстановке в деревне, каковы были масштабы раскулачивания в исследуемом регионе. В это время в полную меру проявились проблемы и противоречия, характерные негативные явления, обозначились наиболее используемые властью способы их разрешения, устранения и пресечения. В работе кратко освещён и предшествующий период – конец 1920-х гг., позволяющий раскрыть выработку политики ликвидации кулачества как класса и социально-экономическое состояние Борисоглебского округа накануне массового раскулачивания.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы историзма и объективности. Материалы в диссертации рассматриваются конкретно-исторически, в связи с другими явлениями и событиями, показываются причинно-следственные связи. Для раскрытия темы использовались и общенаучные методы (индукция-дедукция, анализ-синтез) и специально-исторические (хронологический, сравнительный, описательный). Для сравнительного анализа по районам округа количества кулацких хозяйств, количества хозяйств, первоначально раскулаченных, признанных неправильно раскулаченными и восстановленных, использовалась компьютерная графика. Комплексное

применение этих методов содействовало достижению наибольшей результативности исследования.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные материалы и архивные документы, которые можно разделить на несколько групп.

К первой группе источников относятся законы и нормативные акты центральной власти, которыми определялся порядок проведения ликвидации кулачества как класса. Это, в основном, уже опубликованные материалы⁷⁶.

Вторую группу источников составляют делопроизводственные документы государственных учреждений и партийных организаций областного, окружного и районного уровней. Это большой массив документов, выявленный нами преимущественно в фондах Государственного архива Воронежской области и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области. Он впервые вводится в научный оборот. В данной группе можно выделить следующие подгруппы: документы организационно-распорядительного характера (директивные письма, телеграммы, положения, инструкции, направленные партийными и государственными органами в нижестоящие инстанции); протокольная документация (протоколы заседаний президиумов облисполкома, окрисполкома, райисполкомов, комиссий, бюро райкомов ВКП(б), партийных собраний и пленумов); деловая переписка (отношения, докладные записки должностных лиц); информационные документы (сводки, сообщения от низовых звеньев власти); отчётные документы (отчёты, доклады секретарей райкомов, председателей райисполкомов, заведующих районными финансовыми отделами, секретаря окружкома, председателя окрисполкома, заведующего окружным финансовым отделом, окружного прокурора и др. в вышестоящие инстанции). Изучение этих очень разнохарактерных по содержанию документов позволило всесторонне показать деятельность местных органов власти по организации и проведению раскулачивания, наиболее полно раскрыть механизм всего процесса раскулачивания, установить его темпы, масштабы и итоги.

В третью группу источников включены документы, отражающие политическую обстановку в деревне. Это информационные сводки окружного отдела

ОГПУ, полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО, информационные сводки областного, окружного административного отдела, районных административных отделений, докладные записки, отчёты, сводки судебно-следственных органов и прокуратуры, материалы следственных дел, жалобы крестьян о раскулачивании. Только несколько документов являются опубликованными⁷⁷, значительное же большинство выявлено нами в фондах Государственного архива Воронежской области, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, Государственного архива Российской Федерации и впервые вводится в научный оборот. Из материалов следственных дел особый интерес для данного исследования представляют анкеты арестованных, показания арестованных и свидетелей, обвинительное заключение, постановление «тройки». В жалобах крестьян содержатся подробные сведения о губительных последствиях раскулачивания для их семей, даётся обоснование несправедливости репрессивных мер к ним. Тщательный анализ этих документов позволил показать наиболее характерные для данной местности формы противодействия крестьянского населения раскулачиванию, воссоздать достаточно полную и объективную картину крестьянских волнений, произошедших в округе в январе-феврале 1930 г., раскрыть их причины и мотивы, характер, политическую направленность, трагические последствия для их участников.

К четвёртой группе источников относятся публикации в местной периодической печати – областной газете «Коммуна», в окружной газете «Колхозная правда», в «Известиях» обкома ВКП(б) ЦЧО. Это разножанровые материалы: резолюция пленума обкома партии, статьи и выступления руководителей страны, области, округа, должностных лиц, письма читателей, корреспонденция с мест, публицистические заметки и рассказы. По этим материалам хорошо прослеживаются изменения в установках центральной власти: от «ударов» по кулаку до борьбы с «перегибщиками». Публикации в печати являются важным дополнением к официальным документам, так как содержат сведения о конкретных фактах раскулачивания, о конкретных людях, как подвергшихся раскулачиванию, так и осуществлявших ликвидацию кулацких хозяйств. Это при-

даёт изучаемым событиям яркую эмоциональную окраску, что немаловажно для получения более объективного и всестороннего представления о ликвидации кулачества как о сложном и противоречивом процессе.

Существенную роль сыграли и беседы автора исследования с очевидцами событий, с родственниками раскулаченных. Их воспоминания содержат уникальный материал, столь необходимый для воссоздания правдивой картины раскулачивания и глубокого осмысления этого полного драматизма события.

Таким образом, нами выявлен, изучен и проанализирован широкий круг информационно насыщенных документов и материалов, позволивший решить поставленные научные задачи, обстоятельно и доказательно раскрыть исследуемую тему.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые на основе как опубликованных, так и неопубликованных материалов комплексно исследуется проблема практической реализации политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО. В работе подробно раскрывается деятельность местных органов власти по организации и проведению раскулачивания, показывается динамика конфискации имущества и её результаты. Обстоятельно освещаются такие малоизученные аспекты темы, как присвоение имущества раскулаченных, бесхозяйственное отношение к изъятой у кулаков собственности, принятие различными органами власти мер по пресечению нарушений действующего законодательства при проведении раскулачивания. Впервые приведены данные об итогах начального периода раскулачивания в Борисоглебском округе, показан масштаб «перегибов» в исследуемом регионе. Уточнены сведения об итогах раскулачивания в первой половине 1930 г. и в целом по ЦЧО. Исследование вводит в научный оборот ранее неизвестные материалы о противодействии широких слоёв крестьянского населения раскулачиванию. Рассмотрены наиболее характерные для данной местности формы сопротивления раскулачиванию. Впервые воссоздана объективная картина массовых крестьянских выступлений, произошедших в округе в январе-феврале 1930 г. Определены причины и мотивы протестных действий крестьян. Дана им

оценка как проявлению крестьянской солидарности и взаимопомощи. Установлены имена первых жертв политических репрессий 1930-х гг. среди крестьянского населения Борисоглебского округа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории российского крестьянства, по истории Центрального Черноземья и разработке отечественных курсов по проблемам новейшей отечественной истории, а также в педагогической деятельности. Статья «Присвоение имущества раскулаченных в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1930 гг.», опубликованная в журнале «Вопросы истории», включена в программу дисциплины «Политическая культура России XX века» в Государственном университете – Высшая школа экономики.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документо-ведения ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет». Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 15 публикациях автора, общим объёмом 8 п.л., в том числе в 3-х рецензируемых научных изданиях: журналах «Вопросы истории», «Российская история», «Родина». Основные результаты работы были предложены автором на рассмотрение научной общественности на международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века» (Коломна, 2009), на XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования» (Рязань, 2010), на шести региональных научных конференциях: «Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния» (Воронеж, 2009), «Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов» (Воронеж, 2010), «Власть и общество: взаимодействия и конфликты» (Воронеж, 2011), «Столица и провинция: история взаимоотношений» (Воронеж, 2012), «Государство и общество:

взаимодействие и противостояние (Воронеж, 2013), «Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия» (Воронеж, 2014).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Раскулачивание являлось важнейшим компонентом политики сплошной коллективизации крестьянских хозяйств. Без ликвидации кулацких хозяйств советское государство не могло осуществить социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

2. Политика ликвидации кулачества как класса не имела всеобщей поддержки у крестьянского населения, её проведение обеспечивали различные органы власти, в том числе ОГПУ, милиция, прокуратура, суды.

3. Раскулачиванию в Борисоглебском округе сопротивлялись не только зажиточные крестьяне, а и середняки и бедняки.

4. Массовые крестьянские волнения были вызваны насильственными действиями власти в отношении зажиточных крестьян и являлись выражением крестьянской взаимопомощи.

5. Раскулачивание привело к частичной утрате производительных сил и средств производства в деревне, к экономическому спаду.

6. В самой политике ликвидации кулачества как класса были заложены основы для многочисленных беззаконий в ходе её практической реализации.

¹ Комаров Н. Лицо классового врага. Классовая борьба в деревне во время перевыборов сельских Советов в 1929 г. Л., 1929; Азизян А. Аренда земли и борьба с кулаком. М.-Л., 1929; Федин П. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929 г.; Варейкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; Хатаевич М. О ликвидации кулачества как класса. Самара, 1930; Эйхе Р.И. Ликвидация кулачества как класса. Новосибирск, 1930; Лаговиер Н.О., Роднянский А.К. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М., 1930; Сиротинин П.Н. Кулак отступает с боем. М.-Л., 1931.

² Никулихин Я. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке. М., 1934; Красавин С.Н. Первые итоги сплошной коллективизации // На аграрном фронте. 1934. № 12.

³ Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940.

⁴ Глезерман Г.Е. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; Абрамов Б.А. Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952; Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

⁵ Черноморский Н.М. Начало сплошной коллективизации в Тамбовском округе ЦЧО (1929–1930 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1947; Плющев Г.К. Борьба за коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в Курском округе (1928–1930 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1949.

- ⁶ Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4; Медведев В.К. Ликвидации кулачества в Нижне-Волжском крае // История СССР. 1958. № 6.
- ⁷ Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965.
- ⁸ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966; Ваганов Ф.М. КПСС в борьбе за ускорение темпов социалистического строительства (1927–1929 гг.). М., 1967; Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1932). М., 1968; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- ⁹ Медведев В.К. Ликвидация кулачества как класса в Нижне-Волжском крае // История СССР. 1958. № 6. С. 9–28; Слинко И.И. Социалистична перебудова и технична перебудова сільського господарства України в 1927–1932. Киев, 1961; Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966; Каревский Ф.А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье // Исторические записки, т. 80, М., 1967. С. 82–103; Гуцин Н.Я. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне // Социальная структура населения Сибири. Новосибирск, 1970; Гуцин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.) : курс лекций, прочит. в Новосибир. гос. ун-те. Новосибирск, 1972.
- ¹⁰ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. С. 64.
- ¹¹ Каревский Ф.А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье // Исторические записки, т. 80, М., 1967. С. 89.
- ¹² Трапезников С.П. Исторический опыт колхозного строительства в СССР и его международное значение // Коммунист. 1958. № 5; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959; История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии / отв. ред. М.П. Ким. М., 1963.
- ¹³ Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 14.
- ¹⁴ Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. М., 1967.
- ¹⁵ Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 4. Вологда, 1976. С. 102–134; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня : население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня : социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
- ¹⁶ Коллективизация сельского хозяйства в СССР : пути, формы, достижения. Краткий очерк истории / М.А. Вылцан [и др.]. М., 1982.
- ¹⁷ Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁸ Там же, с. 209.
- ¹⁹ Коллективизация сельского хозяйства в СССР : пути, формы, достижения. Краткий очерк истории / М.А. Вылцан [и др.]. М., 1982.
- ²⁰ История крестьянства СССР. История советского крестьянства. В пяти томах / Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986.
- ²¹ Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1958. № 9; Данилов В.П. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Вопросы истории. 1960. № 8; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. М., 1961; Зак Л.М. Строительство социализма в СССР : историографический очерк. М., 1971; Чинчиков А.М. Советская историография социалистических

преобразований сельского хозяйства СССР (1917–1969 гг.). М., 1971; Зеленин И.Е. Проблемы коллективизации сельского хозяйства в СССР в новейшей советской историографии // История СССР. 1978. № 1. С. 74–91.

²² Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963.

²³ Историография крестьянства Центрального Черноземья 1917–1980 гг. / под ред. А.В. Лосева. Воронеж, 1980.

²⁴ Очерки истории Воронежской области. Т. 2. Эпоха социализма / под ред. Е.Г. Шуляковского. Воронеж, 1967; Лосев А.В. Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1967; Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917–1967) / отв. ред. А.В. Лосев. Воронеж, 1967; Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства. 1917–1977 гг. / науч. ред. А.В. Лосев, В.И. Логунов. Воронеж, 1977; Палабугин В. Великая революция в деревне (Коллективизация сельского хозяйства в Липецкой области) // Политическая агитация. 1977. № 21; Историография крестьянства Центрального Черноземья 1917–1980 гг. / под ред. А.В. Лосева. Воронеж, 1980; Чвикалов И.М. О становлении социалистического образа жизни крестьянства Центрального Черноземья // Становление и развитие социалистического образа жизни в советской деревне. Воронеж, 1982; Чвикалов И.М. Советская деревня : партийные организации, Советы, комсомол. Воронеж, 1985.

²⁵ Чвикалов И.М. О становлении социалистического образа жизни крестьянства Центрального Черноземья / Становление и развитие социалистического образа жизни и советской деревни. Воронеж, 1982. С. 96.

²⁶ Коллективизация : истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.

²⁷ Переписка на исторические темы : диалог ведёт читатель / сост. В.А. Иванов. М., 1989; Урок даёт история / под. общ. ред. В.Г. Афанасьева, Г.Л. Смирнова ; сост. А.А. Ильин. М., 1989; Историки спорят : 13 бесед / под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1989; Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. Сборник / сост. В.В. Поликарпов. М., 1990.

²⁸ Данилов В.П. Коллективизация : как это было // Урок даёт история. М., 1989. С. 138–182; Данилов В.П. Коллективизация // Переписка на исторические темы : диалог ведёт читатель. М., 1989. С. 355–400.

²⁹ Документы свидетельствуют : из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989.

³⁰ Роголина Н.Л. Коллективизация : уроки пройденного пути. М., 1989; Тепцов Н.В. Аграрная политика на крутых поворотах 20–30-х годов. М., 1990; Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании // Кентавр. 1992. № 3/4. С. 46–62; Тепцов Н.В. В дни великого перелома : история коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям, 1929–1930 годы. М., 2002; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933). М., 2000; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; Гуцин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.) : методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.

³¹ Роголина Н.Л. Коллективизация : уроки пройденного пути. М., 1989. С. 121.

³² Там же, с. 180.

³³ Тепцов Н.В. Аграрная политика на крутых поворотах 20–30-х годов. М., 1990; Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании // Кентавр. 1992. № 3/4. С. 46–62; Тепцов Н.В. В дни великого перелома : история коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям, 1929–1930 годы. М., 2002.

³⁴ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 148–163.

- ³⁵ Гушин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.) : методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 101.
- ³⁶ Там же, с. 107.
- ³⁷ Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 г.) // История СССР. 1990. № 6. С. 31–49; Зеленин И.Е. «Революция сверху» : завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939 : политика, осуществление, результаты. М., 2006.
- ³⁸ Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 г.) // История СССР. 1990. № 6. С. 43.
- ³⁹ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954 гг.) : дис. ... докт. ист. наук. М., 1995; Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–1933 гг. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 150–156; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930–1954 гг. Мурманск, 1996; Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000; Шашков В.Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004.
- ⁴⁰ Герман Е.Н. Советская и российская историография «раскулачивания» : этапы и тенденции (1930–1990-е годы) // Гуманитарный ежегодник. Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Вып. 1. Новосибирск, 2002. С. 68.
- ⁴¹ Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) // СОЦИС. 1990. № 11. С. 5–19; Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД СССР) // СОЦИС. 1991. № 1. С. 3–17; Земсков В.Н. Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165; Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы // СОЦИС. 1991. № 10. С. 3–21; Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147; Земсков В.Н. Заключённые в 30-е гг. (демографический аспект). Статистические данные о репрессиях // СОЦИС. 1996. № 7; Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 1930-е годы : численность, расселение, состав // Население России в XX веке. М., 2000.
- ⁴² Гинцберг Л.И. Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условия их существования в северных краях (по материалам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) и «комиссии Андреева» // Отечественная история. 1998. № 2. С. 190–196.
- ⁴³ Никольский С.А. Власть и земля. (Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября). М., 1990; Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в. // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 34–46; Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х гг. (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44.
- ⁴⁴ Самосудов В.М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х гг.). Омск, 1998.
- ⁴⁵ Галямова А.Г. К вопросу об адаптации зажиточного крестьянства в период коллективизации (на материалах юго-восточных районов Татарстана конца 1920-х – начала 1930-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда. 2001. С. 320–329; Глумная М.Н. К вопросу об определении категории единоличных крестьянских хозяйств, облагаемых сельхозналогом в индивидуальном порядке в СССР в 1930-х гг. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда. 2001. С. 329–339; Ильиных В.А. Выявление хозяйств, относимых к кулацким, в ходе налоговых кампаний конца 1920-х–1930-х гг. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 339–351.
- ⁴⁶ Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года : сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.

- ⁴⁷ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
- ⁴⁸ Зима В.Ф. Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. 2003. № 4. С. 177–183; Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х–начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 77–93.
- ⁴⁹ Сахаров А.Н. 1930 : год «коренного перелома» и начало Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40.
- ⁵⁰ Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулак» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2. С. 92.
- ⁵¹ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; Чемоданов И.В. Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации? // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 161; Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Чернозёмной области 1928–1934 гг.). М., 2008.
- ⁵² Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области : 1928–1934. Воронеж, 1995; Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20–30-х гг. // Отечественная история. 1998. № 2; Плаксин В.Н. Сталинизм и агрономическая интеллигенция : как делались дела. Ч. 1. Воронеж, 2003; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933. М., 2000; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. (пер. с англ.). М., 2001; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне : социальная история Советской России в 1930-е годы : деревня. М., 2001; Зима В.Ф. Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. 2003. № 4; Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929–1932 годы) : монография. Рязань, 2006.
- ⁵³ Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930–1954 гг. Мурманск, 1996. С. 260.
- ⁵⁴ Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20–30-х гг. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 75.
- ⁵⁵ Кирьянова Е.А. Социально-экономические и политические процессы в деревне в 1933–1937 гг. (по материалам Московской, Рязанской и Тульской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 1994; Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929–1940 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; Мальцева И. Социально-политические преобразования советской власти в западносибирской деревне. Отношение к ним крестьянства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002; Якоб В.В. Коми крестьянство в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005. Коломиец К.А. Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; Кобец О.В. Сопrotивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2006; Климук Я.А. Политика «раскулачивания» и сопротивление алтайского крестьянства в 1928–1931 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008; Раков А.А. Раскулачивание крестьян Южного Урала : 1930–1934 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2011.
- ⁵⁶ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области, 1928–1934. Воронеж, 1995.
- ⁵⁷ Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998.
- ⁵⁸ Загоровский П.В. Социально-политическое развитие сельского населения центрально-чернозёмного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. С. 31.

- ⁵⁹ Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье : предпосылки и осуществление : [монография]. Тамбов, 2005.
- ⁶⁰ Есиков С.А. «Великий перелом» и рабочий класс // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991. С. 80–81.
- ⁶¹ Есиков С.А., Канищев В.В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо-и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860–1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений. Вологда, 2001. С. 6–9.
- ⁶² Мигущенко О.Н. Поиск выхода. Дискуссии 20-х годов по вопросам о направлениях экономического и социального развития государства. Курск, 1998; Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Чернозёмной области 1928–1934 гг.). М., 2008; Гончаренко Ю.И. Под прессом «великого перелома» // «Русская провинция». Записки краеведов / сост. : Р.В. Андреева, Р.В. Воронникова. Воронеж, 1992. С. 180–207; Михеев В.И. Сопротивление курского крестьянства политике большевиков в 1918–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998; Кротова Т.А. Раскулачивание тамбовского крестьянства (1929–1934 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; Олиферовская И.В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации : 1927–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.
- ⁶³ Панова Е.А. Политика «ликвидации кулачества как класса» и её проведение в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1932 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2007. С. 20.
- ⁶⁴ Шашкова О.Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и её последствия (на материалах Центрального Черноземья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. С. 26–27.
- ⁶⁵ Ноув Алек Экономическая история СССР. М., 1969; Карр Эдвард Русская революция от Ленина до Сталина, 1917–1929 [пер. с англ. Л.А. Черняховской]. М., 1990; Карр Эдвард История Советской России. М., 1990; Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы // История СССР. 1991. № 4. С. 198–210; Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка : механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108; Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве 1931–1933 // Отечественная история. 1998. № 6. С. 95–132; Левин Моше Советский Век. М., 2008.
- ⁶⁶ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы : деревня. М., 2001.
- ⁶⁷ Конквест Р. Жатва скорби : советская коллективизация и террор голодом. London, 1988.
- ⁶⁸ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР : большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001.
- ⁶⁹ Там же, с. 46.
- ⁷⁰ Виола Л. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. М., 1999. С. 114–162.
- ⁷¹ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А.В. Бардина. М., 2010.
- ⁷² Altrichter Helmut Die Bauern von Tver: vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. Munchen, 1984; Фэйнсод Мерл Смоленск под властью Советов / пер. с англ. Л.А. Кузьмина. Смоленск, 1995; Смоленщина на страницах американской исторической литературы / под ред. Е.В. Кодина и Майкла Хики. Смоленск, 2000; Сталинизм в российской провинции : смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под общей ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 1999.
- ⁷³ Рефлексивное крестьяноведение : десятилетие исследования сёл России / под ред. Т. Шанина. М., 2002.

⁷⁴ Stalinismus : neue Forschungen und Konzepte / Stefan Plaggenborg (Hrsg). Berlin, 1998.

⁷⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 24.

⁷⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5 : 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Документы свидетельствуют : из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989; Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г.: сборник документов / отв. ред. В.П. Данилов, А. Красильников. Новосибирск, 1992; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000.

⁷⁷ Неизвестная Россия. XX век : альманах / сост. : В.А. Козлов, С.М. Завьялов. М., 1992; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2003; Советская деревня глазами ВЧК–ОПТУ–НКВД. 1918–1939 : документы и материалы. В 4 томах / Т. 3. кн. 1 (1930–31 гг.) / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000; «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8, ч. 2 : 1930 г. М., 2008.

Глава 1. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО в первой половине 1930 г.

§ 1. Социально-экономическое состояние Борисоглебского округа в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

В 1928 г. на территории ранее существовавших Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской губерний, а также Раненбургского уезда Рязанской губернии, Волынского и Шиловского уездов Тульской губернии по постановлению президиума ВЦИК и СНК РСФСР была создана Центрально-Чернозёмная область¹. Определён был и состав округов ЦЧО². Исследуемый нами Борисоглебский округ находился на востоке области. Он граничил на севере и северо-востоке с Тамбовским, на севере и северо-западе с Козловским, на западе с Усманским и Острогожским, на юге юго-западе с Россошанским округами и на юге и юго-востоке с Нижне-Волжским краем (см. приложение 1)³. Территория округа включала в себя Борисоглебский уезд и ряд волостей Тамбовского и Усманского уездов бывшей Тамбовской губернии, Новохопёрский уезд и ряд волостей Бобровского уезда бывшей Воронежской губернии⁴.

По данным переписи 1926 г., в округе проживало 815 911 человек, из них в сельской местности – 766 458 человек (94 %), в городах – 49 453 человек⁵. На 1 сентября 1929 г. население Борисоглебского округа исчислялось в 945 452 человека и состояло из следующих групп: городское население, не связанное с сельским хозяйством – 37 328 человек; городское население, ведущее сельское хозяйство – 14 104 человека; сельское население, ведущее индивидуальное хозяйство – 838 564 человека; сельское население, ведущее индивидуальное хозяйство и юридически состоящее членами колхоза – 24 976 человек; сельское население, ведущее коллективное и индивидуальное хозяйство – 25 618 человек; сельское население, ведущее коллективное хозяйство – 4 862 человека⁶.

На 1 января 1930 г. Борисоглебский округ занимал территорию в 16 506,6 кв. км. – 5-е место после Тамбовского, Россошанского, Елецкого и Орловского округов ЦЧО (см. приложение 2)⁷. В составе округа было 13 районов: Алеш-

ковский, Архангельский, Борисоглебский, Верхне-Карачанский, Елань-Коленовский, Жердевский, Мордовский, Новохопёрский, Песковский, Русановский, Таловский, Токарёвский, Щученский (см. приложение 3). Наиболее крупными по территории являлись Борисоглебский, Елань-Коленовский, Таловский, Щученский, Токарёвский, Песковский и Архангельский районы. Самый маленький район – Жердевский, в два раза меньше Борисоглебского района. Всего в округе было 281 сельсовет, 1 673 населённых пункта. Проживало 815 911 человек (см. приложение 4)⁸. Меньше населения было только в Острогжском, Льговском и Старо-Оскольском округах ЦЧО. Плотность сельского населения в Борисоглебском округе – одна из низких в области – 47 человек на кв. км., при средней по ЦЧО – 54 человека на кв. км.⁹ Более населённой являлась северная часть округа: Мордовский, Токарёвский, Жердевский, Русановский районы, менее населённой – южная часть: Елань-Коленовский и Новохопёрский районы¹⁰. Среди населения по национальному составу преобладали русские – 93,6 %, украинцы составляли 5,9 %, а остальные национальности (немцы, евреи) – 0,3 %¹¹.

Административным центром округа являлся город Борисоглебск с населением в 39 тысяч человек. Располагаясь ближе к восточной границе, он имел хорошую железнодорожную связь со всеми районами округа. Через Мордовский, Токарёвский, Жердевский, Русановский, Алешковский и Борисоглебский районы проходила железная дорога Орёл–Грязи–Сталинград, которая в узловой станции Поворино перекрещивалась с другой железнодорожной линией Пенза–Харьков, идущей через Песковский, Новохопёрский, Елань-Коленовский и Таловский районы.

Главным занятием населения округа было сельское хозяйство. Широкие предпосылки для этого создавали благоприятные почвенные и климатические условия. Рельеф округа – это равнина с сильно развитой овражной сетью. Здесь протекают река Хопёр, её приток Ворона и несколько других речек и ручьёв: Савола, Карачан, Алабужка, Чигорак, Мордовка и другие. Речная сеть равномерно покрывает всю территорию. Основное направление водоразделов – с се-

вера и северо-востока на юг и юго-запад. Характерными природными явлениями были засушливая весна, дождливые конец лета и начала осени. Зимой и осенью господствовали южные и юго-западные ветры, летом – западные, северо-западные и северные, весной – юго-восточные, несущие с собой сухой воздух степей и приводящие к весенним засухам. Весной и летом выпадал град, который наносил крупный вред десяткам тысяч десятин посева, садам и огородам¹².

В северо-западной части округа, расположенной по линии Щучье–Жердевка, преобладал мощный чернозём. К северо-западу от этой линии увеличение количества осадков и понижение температуры вело к выщелачиванию из почв ряда ценных питательных веществ, а по направлению к юго-востоку уменьшение осадков и повышение температуры – к уменьшению промачивания почвы осадками и сохранению минеральных питательных веществ. Недостаток влаги снижал густоту растительности, что, в свою очередь, уменьшало мощность почвы и содержание в ней органических веществ. К югу от линии Щучье–Жердевка до линии Анна–Макарово–Большая Грибановка–Большие Алабухи расположена южная часть мощного чернозёма с несколько пониженным качеством почв. К югу от линии Анна–Большие Алабухи до юго-восточных границ округа находилась зона обыкновенного чернозёма с наименее производительными почвами при выраженном засушливом климате. В речных долинах с повышенной увлажнённостью были почвы более северного типа: выщелоченный чернозём, слабо подзолистые почвы. Такие же почвы были и в лесах. В степных западинах происходило чрезмерное накопление солей, это вело к образованию солонцов. Солонцы встречались и на склонах балок, где обнажаются пласты горных пород с повышенным количеством солей. Их площадь была невелика, но встречались они часто небольшими пятнами. Выщелоченные почвы занимали более значительные участки вдоль линии наиболее крупных рек – Хопра, Вороны, Савалы, Битюга и Осерета¹³.

Вся земля в округе 1 529 320 дес. (2 060 502 га), согласно данным земельного управления окрисполкома, распределялась по угодьям (в десятинах и гектарах)¹⁴:

усадыбы	7 785 дес. (8 636 га)
пашня	1 122 173 дес. (1 234 390 га)
сенокос	74 875 дес. (82 362 га)
выгон	43 022 дес. (47 324 га)
леса и кустарники	123 243 дес. (135 566 га)
сады и огороды	1 154 дес. (1 269 га)
прочая удобная	7 341 дес. (8 075 га)
итого удобной	1 450 299 дес. (1 943 522 га)
неудобной	106 026 дес. (116 528 га)

Из 1 234 390 га пашни использовалось 83 % (1 009 832 га), а 17 % были бросовыми и пришедшими в негодное для ведения сельского хозяйства состояние землями. Окружное руководство считало, что следовало принять все меры для их восстановления¹⁵. В округе было много, с одной стороны, неудобной земли (7,1 %), а, с другой стороны, – полевой и приусадебной пашни (75,85 %). В области пашня занимала от 70 до 80 % всей используемой крестьянством земельной площади. В Перспективном плане развития народного хозяйства Борисоглебского округа на 1928–1933 гг. отмечалось, что распаханность угодий здесь достигла больших размеров, поэтому увеличить пашню можно было только за счёт освоения неудобных земель, развивая, например, мелиорацию¹⁶.

Главной отраслью сельскохозяйственного производства являлось полеводство. По данным выборочного обследования, проведённого весной 1927 г., в округе выращивались следующие культуры (в тыс. га)¹⁷:

Ржи	Пшеницы	Ячмен	Овса	Крупяных Гречихи Проса	Бобов горох фасол чечев.	Подсол	Свекла	Травы	Проч	Итого посева	Пара	Итого затр. земли
297,2	8,9	2,6	108,6	142,5	9	62,5	1,5	0,6	22,4	655,8	354	1009,8
Что в % % отношении к общему количеству посева будет												
29,4	0,8	0,2	10,7	14,1	0,9	6,2	0,1		2,2	64,6	35,4	100 %

Основное направление посевных площадей, как видно из таблицы, – ржано-просо-овсяное. Главной технической культурой был подсолнечник, занимавший 6,2 % пашни, хотя при наличии в округе сахарных заводов больше вы-

ращиваться должна свёкла. Но поскольку эти заводы, имея низкую производительность, обладали крупными сельскохозяйственными угодьями, крестьяне сеяли свёклу в ограниченном количестве. Расширению свеклосеяния в округе могло способствовать восстановление Эртильского завода, увеличение производительности Покровского и Грибановского заводов¹⁸. Посевы ржи охватывали весь округ, озимой и яровой пшеницы – юг и юго-восток. Овёс был распространён на севере округа и в юго-западной части, подсолнух занимал больше половины округа, за исключением Мордовского района¹⁹.

Районы специализировались на возделывании определённой продукции. Так, свёклу выращивали в Борисоглебском, Мордовском, Щученском районах; картофель – в Новохопёрском, Верхне-Карачанском; масличный подсолнечник – в Песковском, Борисоглебском, Алешковском, Русановском, Новохопёрском, Елань-Коленовском, Архангельском, Таловском; овёс – в Мордовском, Токарёвском, Жердевском; чечевицу – в Алешковском, Борисоглебском районах. Коневодством занимались в Таловском, Щученском, Алешковском, Жердевском районах. Крупный рогатый скот молочного направления разводили в Борисоглебском районе, мясного направления – в Песковском, Елань-Коленовском и Таловском районах. Повсеместно засеивались наиболее устойчивые чистосортные культуры, как продовольственного, так и технического значения²⁰. Сады в округе занимали 5 384 га, огороды – 5 714 га. Основное направление этих отраслей было потребительское²¹. С развитием семеноводства огородничество приобретало промышленное значение²².

В целом Борисоглебский округ можно охарактеризовать как зерново-подсолнечно-коневодный с большой площадью таких зерновых культур, как рожь и овёс, и возможностью выращивать в южной части пшеницу. Кроме коневодства, развивалось и свиноводство²³. Окружным руководством была поставлена задача доведения малоценных продовольственных культур до потребительских размеров и замена их наиболее ценными рыночными и техническими культурами²⁴.

Основной формой землепользования являлась община. Хуторов и отрубков в округе было мало, но в некоторых районах, например, в Елань-Коленовском и Таловском, где в начале века осуществлялось Столыпинское землеустройство, их имелось большое количество²⁵. По колхозному движению Борисоглебский округ занимал в ЦЧО первое место. Посевная площадь колхозов округа составляла в 1928 г. 17,1 % от общеобластной площади колхозных посевов при удельном весе населения округа в 8 % от населения области²⁶. Колхозы объединяли 3,7 % крестьянских индивидуальных хозяйств округа²⁷. Земельный фонд колхозов составлял 4,3 % общего количества земли в округе или 4,8 % всей площади крестьянских земель. Обеспеченность землёй коллективных хозяйств была выше, чем индивидуальных. Это объясняется тем, что колхозы занимали бывшие помещичьи земли, и значительная часть колхозов образовалась в мелких посёлках, имевших повышенную норму землепользования²⁸. В округе насчитывалось 776 объединений: 11 сельхозкоммун, 78 артелей, 280 товариществ по обработке земли, 214 машинных товариществ, около 193 различных товариществ (посевных, универсальных, поселковых, животноводческих, маслодельно-сыроваренных, коневодных, птицеводных, пчеловодных, семенных). Эти объединения были невелики: по количеству членов – в среднем 55–80 человек, по площади – 100–135 десятин. Основной задачей, как считало окружное руководство, являлось их укрупнение как за счёт слияния однородных объединений, так и за счёт включения в них нового населения²⁹. Согласно пятилетнему плану развития народного хозяйства Борисоглебского округа, к концу 1929 г. там должно было быть коллективизировано 5 % крестьянских дворов (8 779)³⁰. В 1930 г. колхозы и машинные товарищества должны были объединить 9 610 дворов, 53 322 едока (6 % всего населения), 77 653,8 га пашни и 100 950 га всей земли (6,25 % всей площади). Один колхоз в среднем должен был иметь 15,7 дворов, 87,1 едока, 126,8 га пашни. Таким образом, площадь пашни в колхозах должна была приблизиться к 150–160 га, т.е. к той величине, которая областной властью считалась оптимальной³¹.

В 1928 г. в округе имелось 173 846 индивидуальных крестьянских хозяйств. В одном хозяйстве в среднем было 5,03 едока³². На 1 душу сельского населения приходилось в среднем до 1,5 га пашни, а вместе с другими сельскохозяйственными угодьями – 2,4 га. Одно крестьянское хозяйство имело в среднем пашни 6,5 га, всей земли (без лесов) – 8,7 га. Обеспеченность землей по отдельным районам и сельсоветам колебалась от 3,5 до 0,7 га на едока³³. На одно хозяйство и одного едока приходилось в среднем следующее количество угодий (в га)³⁴:

В среднем по округу	Всей земли	Из неё						
		Удобной	Полевой пашни	Приусадебной пашни огорода и сада	Сенокоса	Выгона	Леса и кустарник	Неудобной
На 1 х-во	9,4	8,7	6,8	0,4	0,4	0,3	0,8	0,7
1 едока	1,9	1,7	1,4	0,08	0,08	0,06	0,16	0,1

Размер посева являлся основным показателем экономической мощи крестьянских хозяйств, главным критерием их группировки. Соотношение различных групп крестьянских хозяйств округа, согласно данным окружного земельного управления, было следующим (в %)³⁵:

	1926–27 г.	1927–28 г.	1928–29 г.
Без посева и с посевом до 0,09 га	1,52	2,16	1,46
С посевом от 0,10-2,09 га	27,19	25,97	20,52
2,10–4,09 га	40,28	37,43	37,31
4,10-6,09 га	20,74	21,59	23,08
6, 10-8, 09 га	7,13	8,49	9,15
8,10-10,09 га	2,05	2,76	3,04
10,10-16,09 га	0,95	1,40	1,94
16,10 и выше	0,14	0,20	0,25
	100	100	96,75

Как видим, количество беспосевных крестьянских хозяйств и хозяйств, имевших посева до 2 га, сократилось на 7 %. Самой большой группой являлись крестьяне, имевшие посева от 2 до 4 га. На 1–3 % увеличилось количество крестьянских хозяйств с посевами от 4 до 10 га. Число хозяйств, имевших посева

от 10 до 16 га и свыше 16 га, возросло почти в два раза, при этом их было мизерное количество – всего 0,25–1,94 %.

Экономическое состояние крестьянских хозяйств отражает и количество имевшегося у них скота и инвентаря. По данным статистического обследования, весной 1927 г. в округе было лошадей 121 648 голов, из них рабочих старше 4-х лет – 76 793, до 4-х лет – 12 047, гулевых в рабочем возрасте – 1 743, от 1 года до рабочего возраста – 12 738, жеребцов до 1 года – 18 327, волов – 20 784, из них рабочих – 15 591, третьяков – 5 193³⁶.

Об обеспеченности хозяйств и пашни тяговой силой даёт представление таблица, составленная окружным земельным управлением³⁷:

Приходится лошадей в рабочем возрасте и волов, в переводе на лошадей		Всего требуется тягов. силы для обеспеч. всей удоб. земли	Имеется тракторов в переводе на лошадь	Имеется раб. скота в переводе на лошадь	Не достаёт
На 100 х-в	На 100 г. удоб. зем.				
60,9	50,3	194 352 лош. силы	411 х 8 3 288	102 966	87 498 гол.
следовательно, не обеспечено 39,1 хозяйство		100 %	1,6	53,3	45,1 %

Как видим, около 40 % крестьянских хозяйств не имели лошадей или волов. Всего не доставало 45 % тяговой силы. Крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах было следующее количество³⁸:

Быки стар. 2 лет	Коров	Нетели ст. 2 лет	Бычки старше 1 ½ г	Подтёлки от 1 до 1 ½ г.	Бычки до 1 ½ г.	Телят
3 445	139 095	7 456	3 651	19 922	9 281	94 443

Количество подтёлок (19 922 голов) составляет 14,3 % от числа коров, что указывает на продолжающийся рост численности крупного рогатого скота. Но из-за отсутствия достаточной кормовой базы он мог вскоре прекратиться. Незначительные размеры луговых угодий (6,7 % от пашни), трёхпольный севооборот, дающий скоту только солому, сдерживали не только качественный, но и количественный рост коровьего стада³⁹. В Перспективном пятилетнем плане

развития народного хозяйства Борисоглебского округа отмечалось, что кормовой вопрос «довольно остро стоит». На одно крестьянское хозяйство приходилось в среднем 0,4 га слабо урожайного и низкого качества естественного сенокоса, 0,12 га посевного сенокоса, 0,32 га посева кормоклубных плодов, всего 0,84 га кормовой площади. Так как одно хозяйство в среднем имело 8 голов скота, кормов высокого качества не хватало⁴⁰. В рационе кормления скота преобладала зимой солома и летом паровое разнотравье, что вело к малой продуктивности. Для расширения кормовой продукции окружное руководство считало необходимым реорганизовать полеводство, увеличив травосеяние и посев корнеплодов⁴¹.

Крестьянские хозяйства недостаточно были обеспечены и инвентарём. Всего в округе имелось 92 378 сох, 42 789 плугов, 96 414 борон, 4 130 сеялок, 3 929 жнеек, 1 337 сенокосилок, 919 конных грабель, 7 520 молотилок, 8 330 веялок и сортировок⁴². В 1928 г. на 100 га пашни приходилось следующее количество инвентаря⁴³:

Сох	Плугов	Борон		Сеялок	Жаток	Молотилок	Веялок и сортировок
		жел.	дер.				
7,5	3,9	1,1	7,0	0,4	0,3	0,1	0,7

Руководство округа так характеризовало положение дел с инвентарём: «Мы еле-еле обеспечиваем 32 % потребности. Нет сомнения, что необеспеченной и тяговой силой и мёртвым инвентарём остаётся беднота, отсюда вся неотложность упорядочения и развития работы ККОВ (комитетов крестьянской общественной взаимопомощи – *Е.Т.*), и вновь во всей широте встаёт вопрос коллективизации»⁴⁴. На 100 га необходимо было иметь плугов – 8; сеялок – 1,6; уборочных машин (жаток, лобогреек и сноповязалок) – 1, молотильных машин – 0,4. Следовало приобрести 46 886 плугов, 12 776 сеялок, 8 527 уборочных машин, 2 870 молотильных машин. Зерноочистка производилась машинами на 59,7 %, чтобы очистить весь семенной материал, необходимо было завести 7 801 машину. В округе насчитывалось 606 тракторов, из них 564 находились в

совхозах и колхозах, 25 – у единоличников, 17 – у кредитных товариществ и комитетов крестьянской общественной взаимопомощи⁴⁵. Из-за отсутствия и дороговизны прицепных орудий трактора использовались не на полную мощность, а из-за недостаточной подготовленности обслуживающего персонала часто ломались и простаивали. Техпомощь оказывали только две ремонтные мастерские. Находясь в Борисоглебске и в Новохопёрске, почти в одном восточном углу округа, они не могли своевременно обслужить все трактора⁴⁶.

По данным статсправочника ЦЧО за 1928 г., Борисоглебский округ по обеспеченности скотом и инвентарём находился на предпоследнем месте, опережая лишь Козловский округ⁴⁷. Окружное руководство рассчитывало увеличить конский состав путём кредитования бедняцкого населения⁴⁸. Максимальное использование машин, по мнению власти, можно было достичь только при организации коллективных хозяйств.

Об экономическом состоянии крестьянских хозяйств даёт представление документ окрплана от 25 декабря 1929 г. «Основной капитал единоличных крестьянских хозяйств». По данным Госстраха за 1929/30 г., по стоимости строений выделялись следующие группы:

крупные хозяйства	19 250 хоз. (13 %) по 1 589 руб.	30, 6 млн. (34 %)
средние хозяйства	35 550 хоз. (24 %) по 714 руб.	25,4 млн. (28 %)
мелкие хозяйства	93 330 хоз. (63 %) по 360 руб.	33,6 млн. (38 %)
Итого	148 130 хоз. (100 %) по 605 руб.	89, 6 млн. (100 %)

Как видим, стоимость строений в крупных хозяйствах в 2 раза больше, чем в средних, и в 4,4 раза больше, чем в мелких. Одно крестьянское хозяйство в среднем имело строений на сумму в 546 рублей.

Стоимость скота исчислялась в 41,7 млн. руб.: лошадей – в 17,3 млн. руб., крупного рогатого скота – в 17,6 млн. руб., овец и коз – в 5,8 млн. руб., свиней – в 1,0 млн. руб. У одного хозяйства в среднем было скота на 254 рубля. Стоимость инвентаря выражалась в 3,8 млн. рублей.

Общая стоимость построек, скота, птицы, инвентаря представлена в таблице:

	млн. руб.	руб. на х-во
Постройки	89,6	546
скот	41,7	254
птица	1,1	6
инвентарь	3,8	23
Итого	136,2	829

Таким образом, собственность индивидуальных крестьянских хозяйств оценивалась более чем в 136 млн. рублей. Одно хозяйство в среднем имело собственность на сумму в 829 рублей⁴⁹.

Крестьянские хозяйства, которые облагались налогом в индивидуальном порядке, зачислялись в кулацкие. Согласно данным финансовых органов по учёту плательщиков единого сельхозналога, из 164 084 единоличных крестьянских хозяйств, имевшихся в округе осенью 1929 г., индивидуально обложенными являлись 2 848 хозяйств (19 025 едоков)⁵⁰. В районах было следующее количество плательщиков индивидуального сельхозналога⁵¹:

районы	число хоз-в	число едоков
Алешковский	133	1 009
Архангельский	181	1 395
Борисоглебский	306	1 806
В. Карачанский	259	1 696
Елань-Коленовский	186	1 283
Жердевский	234	1 574
Мордовский	106	648
Новохоперский	206	1 219
Песковский	184	1 189
Русановский	194	1 157
Таловский	344	2 213
Токарёвский	298	2 001
Щученский	217	1 833
Итого	2 848	19 023

Как видно из данных таблицы, хозяйств, обложенных индивидуальным налогом, больше всего насчитывалось в Таловском районе (2,6 % от всех крестьянских хозяйств, имевшихся в районе)⁵². Таловский район был одним из землеобеспеченных районов округа. На 1 хозяйство там приходилось 8,42 га пашни, тогда как в среднем по округу – 6,5 га⁵³. Это, безусловно, сказалось на социаль-

но-имущественном положении его населения. В районе имелись целые посёлки, где безлошадных хозяев было единицы, а в основном преобладали крестьяне, имевшие 3–4 лошади, 3–4 коровы, 2–3 свиней, несколько штук овец, приличные дома, надворные постройки, крупный сельхозинвентарь⁵⁴.

Количество крестьянских хозяйств, облагавшихся сельхозналогом в индивидуальном порядке, в округе постоянно увеличивалось. Такую динамику отражает «Сводка о числе кулацких хозяйств, обложенных с/х налогом по состоянию на 1/XII 1929 г.», составленная окружным финансовым отделом⁵⁵:

Районы	Привлечено в 28/29 г.		Привлечено в 29/30 г.			Всего	
	хоз-в	%	На 1/IX		После1/X	хоз-в	%
			хоз-в	%			
Алешковский	61	0,6	133	1,3	17	150	1,6
Архангельский	110	0,8	181	1,4	130	311	2,5
Борисоглебский	329	1,7	306	1,6	87	393	2,0
В. Карачанский	217	1,8	259	2,2	24	283	2,3
Елань-Коленовский	75	0,7	186	2,1	73	259	2,9
Жердевский	138	1,3	234	2,2	30	264	2,4
Мордовский	86	0,6	106	1,0	171	277	2,5
Новохоперский	156	1,5	206	2,0	110	316	3,1
Песковский	45	0,4	184	1,5	82	266	2,1
Русановский	124	0,9	194	1,6	69	263	1,9
Таловский	153	1,2	349	2,7	25	374	2,9
Токарёвский	35	0,2	298	1,7	215	513	3,0
Щученский	168	1,4	217	1,8	63	280	2,3
Итого	1 696	1,1	2 853	1,8	1 096	3 949	2,4

Эти данные, на наш взгляд, можно считать достоверными. Аналогичные сведения за 1928–1929 гг., за 1 сентября 1929 г. содержат и другие документы, например, «Сводка результатов учёта кулацких хозяйств для обложения с/х налогом в 1929/30 году в порядке 28 ст. закона»⁵⁶, «Сводка предварительных данных дополнительного привлечения в порядке ст. 28 закона о с/х налоге кулацких хозяйств»⁵⁷. Кроме того, по указанным в них сведениям видно, как тщательно учитывались новые хозяйства, обложенные в индивидуальном порядке. За один месяц, с 1 сентября по 1 октября 1929 г., в Борисоглебском округе было дополнительно индивидуально обложено ещё 1 096 крестьянских хозяйств. К 1 декабря 1929 г. кулацкими считались 3 949 хозяйств – 2,4 % от всех крестьян-

ских хозяйств. Наибольшее их количество было в Токарёвском – 513, Борисоглебском – 393 и Таловском районах – 374 (см. приложение 5). В ряде районов число кулацких хозяйств за год увеличилось очень значительно. Например, в Елань-Коленовском, Мордовском – более чем в 3 раза, в Песковском – более чем в 5 раз, а в Токарёвском – более чем в 14 раз.

Об экономическом состоянии кулацких и зажиточных хозяйств можно судить по документу, подписанному 26 января 1930 г. членом окрплана, заведующим окрстатотделом, заведующим сельскохозяйственной секцией окрстатотдела, заведующим окргосстрахом, временно исполняющим должность заведующего налоговым п/отделом окружного финансового отдела⁵⁸:

Ориентировочная стоимость имущества кулацких и зажиточных хозяйств
(в тысячах рублей)

	Кулацкие хозяйства	Зажиточные хозяйства	Итого
Число хозяйств	3 949	1 796	5 745
% ко всем хозяйствам	2,4 %	1,1 %	3,5 %
Стоимость строений (с пром. завед.)	21 600	6 106	27 706
Стоимость скота и птицы (поголовье на май 1929 г., цены зимы 1929/30 г.)	2 105	1 654	3 759
Сельхоз. инвентарь	1 482	325	1 807
Потребительские предметы (мебель, одежда, обувь, транспорт и пр. утварь)	4 344	1 347	5 691
Итого	29 531	9 432	38 963

Как видно по этим данным, стоимость имущества кулацких хозяйств, прежде всего, строений, инвентаря, потребительских предметов в 3–4 раза больше, чем стоимость имущества зажиточных хозяйств.

Стоимость имущества в среднем на одно хозяйство представлена в таблице
(в рублях)⁵⁹:

	кулацкие хозяйства	зажиточные хозяйства
Строение	5 470	3 400
Скот и птица	533	921
С/х инвентарь	375	181
Потребительские предметы	1 100	750
Итого	7 478	5 252

На одно кулацкое хозяйство по сравнению с зажиточным хозяйством приходилось собственности больше на 2 тыс. рублей. А скота и птицы у кулаков было меньше на 400 рублей. Это объяснялась наличием «безлошадных» кулацких хозяйств, получающих нетрудовые доходы от неземледельческих заработков: промыслов, ростовщичества, торговли.

Сведения об экономическом положении кулацких хозяйств непосредственно перед раскулачиванием для данного исследования имеют важное значение. Они указывают, чем владели крестьяне, которые, по мнению власти, являлись помехой для кардинального переустройства деревни, и чего они должны были вскоре лишиться.

Борисоглебский округ являлся крупным пунктом по торговле, по развитию промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырьё. Этому способствовали удобные связи с потребляющими рынками, соседство с такими богатыми житницами, как северная часть Дonyaины и западная часть бывшей Саратовской губернии. До середины XIX века лес, хлеб и сало отправлялись из Борисоглебска в черноморские порты по Хопру, а затем по Дону лишь в половине. Построенная в 60-х гг. XIX века Сталинград–Грязненская железная дорога связала город с северными и северо-западными потребляющими рынками, с Балтийскими портами и даже заграничными рынками (Кёнигсбергом). Протяженность железнодорожной линии в округе была 430 км. (23,5 км. на 1000 кв. км.), грунтовых дорог – 7 405 км. (261 км. на 1000 кв. км.), шоссейных дорог – всего 11,5 км. (0,64 км. на 1000 кв. км.). Состояние шоссейных дорог было крайне неудовлетворительное⁶⁰.

Наличие водной энергии содействовало устройству с давних времён по рекам Хопру и Вороне крупных водяных мельниц. С 90-х г. XIX века с началом применения паросиловых установок в мукомольной и маслoбойной промышленности были построены крупные паровые мельницы и маслoзаводы. Промышленный оборот на душу населения выражался в 24 руб., из них 4,7 руб. давало мукомолье и 4,3 руб. – маслoбойное дело. Такой оборот обеспечивался широкой сетью кредитных и посреднических учреждений. В Борисоглебске

имелись отделения госбанка, 4 отделения коммерческих банков, их агентства при станциях, а также оживлённая хлебная биржа⁶¹.

За годы Первой мировой и гражданской войн хозяйство оказалось сильно расстроеным. Частые мобилизации жителей и конского состава, продрозвёрстка, неурожай 1921 г. отрицательно отразились на сельском хозяйстве. Изношенными стали промышленные предприятия, которые работали без остановок, без замены частей и ремонта. Несмотря на то, что после революции многим из них сделали капитальный ремонт, изношенность, например, паросилового хозяйства определялась в 60 %. В течение 1920-х гг. шло, хотя и медленное, восстановление промышленности. Борисоглебский округ занимал в ЦЧО первое место по мукомольной отрасли. Восемь мельниц Союз-хлеба, семь промкомбината, одна Центросоюза и одна Коопхлебосоюза в 1927–1928 гг. дали продукцию на 11 млн. руб. (15,6 % всей продукции областного мукомолья), что составляло в среднем на душу населения 12 руб. 10 коп. при 6 руб. 44 коп. по ЦЧО. По другим отраслям промышленности окружные показатели были ниже среднеобластных. Так, шесть маслобойных заводов в 1927–1928 гг. выработали продукцию на 3 млн. руб., что составляло 7,9 % областной продукции; продукция четырёх винокуренных заводов составляла 4,8 %, двух сахарных заводов – 3,7 %, полиграфической промышленности – 2,6 %. Всего валовая продукция крупной промышленности в 1927–1928 гг. исчислялась в 19 млн. руб., на душу населения – в 20 руб. 65 коп. при 30 руб. в среднем по области⁶².

Промышленность округа базировалась почти исключительно на сельскохозяйственном сырье. В связи с ростом посевов технических культур (подсолнуха, свёклы, картофеля) окружным руководством было намечено строительство маслобойного, двух сахарных и крахмало-паточного заводов. Наличие лесов ценных пород являлось базой для обозного завода. Разведение крупного рогатого скота и свиней содействовало увеличению в 4 раза производства восстановленной консервной фабрики и загрузке построенной беконной фабрики Госторга⁶³.

В округе была развита кустарная промышленность, хотя слабее, чем в северо-восточных, северных и западных частях ЦЧО. Её валовая продукция исчислялась в 20 млн. руб. в год, 12 млн. руб. приходилось на мелкую мукомольно-крупяную отрасль. Кроме того, имелись сапожная, деревообделочная и вязальная отрасли. Наметился рост кустарно-кирпичной промышленности, в 1928–1929 гг. планировалось запустить ещё 8 мелких кирпичных заводов. Всего в кустарной промышленности в 1926–1927 гг. было занято 14 658 человек, из них только 541 человек (3,7 %) являлись кооперированными. Артели плохо снабжались сырьём, особенно дефицитным, слабым был и сбыт их продукции. В округе имелись широкие возможности для дальнейшего развития таких отраслей, как деревообделочной, ввиду наличия подходящего лесного материала, гончарной, на базе отличных сортов глин, и кирпично-черепичной. Это могло частично восполнить дефицит государственной промышленности⁶⁴.

Итак, Борисоглебский округ ЦЧО – это характерный регион европейской России, где проходили типичные процессы в жизни русского крестьянства. Значительный удельный вес аграрного сектора экономики определял особую роль крестьянства в развитии этого края. Здесь хорошо просматриваются элементы традиционной крестьянской среды. Для данного региона характерно безусловное преобладание крестьянской общины и это преобладание наложило свою специфику на восприятие крестьянством мероприятий советской власти по кардинальному переустройству деревни.

§ 2. Решения партийно-государственного руководства страны о ликвидации кулацких хозяйств и организационная деятельность местных органов власти по их реализации

Главной стратегической задачей СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было создание мощной государственной экономики. Необходимость форсированной модернизации страны И.В. Сталин объяснял так: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁶⁵. Однако в условиях аграрного перена-

селения и преобладания единоличных хозяйств в аграрном секторе экономики осуществление технической модернизации было невозможно. Бесперебойное снабжение отечественной промышленности материальными и людскими ресурсами, по мнению партийно-государственного руководства страны, могла обеспечить только коллективизация крестьянских хозяйств. Между тем, значительная часть зажиточных крестьян и середняков не желала обобществлять имеющиеся у них средства производства и другое имущество. Намеченные властью мероприятия по кардинальной реконструкции сельского хозяйства стали срываться. Чтобы пресечь оказываемое крестьянством сопротивление и побудить его основную массу вступить в колхозы и не допустить срыва первого пятилетнего плана, была развернута крупномасштабная государственная кампания по ликвидации кулачества как класса. Идеологическим обоснованием новой политики была теория классовой борьбы, согласно которой для построения социалистического общества следовало уничтожить кулачество – последний эксплуататорский класс.

Прежде чем раскрыть содержание этой политики, выясним, кто такой кулак, против которого была направлена государственная политика. В дореволюционной России кулаком считался зажиточный крестьянин, имевший нетрудовой доход, ростовщик, скупщик и торговец. В словаре В. Даля слову «кулак» дано такое толкование: «Скупец, скряга, перекупщик, переторговец, сводчик, <...> живёт обманом, обсчётом, обмером»⁶⁶. Единственным честным источником достатка, согласно крестьянскому мировоззрению, являлся тяжёлый физический труд, поэтому слово «кулак» отражало, прежде всего, негативную морально-нравственную оценку нечестного человека. В 1905 г. П.А. Столыпин писал: «В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, по образному выражению – мироеда»⁶⁷.

Современный исследователь Т. Шанин отмечает: «Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работода-

телями, но «не совсем крестьянами», стоящими в стороне от общин или против них. Наиболее близким крестьянским синонимом термину «кулак» был в действительности «мироед» – «тот, кто пожирает общину...»⁶⁸.

После установления советской власти слово «кулак» приобрело политическую окраску, им обозначался «классовый враг». Кулаками именовали сельскую буржуазию, сельских эксплуататоров. В.И. Ленин давал порой противоречивые разъяснения, кого надо считать кулаком. По его мнению, в кулака превращается всякий крестьянин, который собрал хлеб своим трудом и даже без применения наёмного труда, но прячет хлеб⁶⁹. В то же время особой чертой кулачества В.И. Ленин считал эксплуатацию наёмного труда⁷⁰.

В 1924 г. на страницах газеты «Беднота» развернулась дискуссия по вопросу «Кого считать кулаком, кого – тружеником? Что говорят об этом крестьяне». Начало ей положила публикация письма крестьянина Вятской губернии Г. Смердова, содержащего такие вопросы:

1. Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2 до 4-х коров, 2–3 лошади и приличный дом?
2. Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельниц, если он ведет дело честно и по советским законам?
3. Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?»⁷¹

Большинство участников дискуссии считали, что определять принадлежность к кулачеству только по имущественному признаку нельзя. Это могло снизить стимул для подъёма хозяйства за счёт собственной энергии и трудолюбия. По мнению самих крестьян, необходимо было дифференцированно подходить к хозяйствам, учитывать, прежде всего, «наличие эксплуатации чужого труда, жизни на чужой счёт», «кто живёт на не трудовой доход». В своей деревне каждый знал, кто как нажил состояние: сам или чужим трудом.

М.И. Калинин, выступая с докладом на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г., обратил внимание на дискуссию в газете «Беднота». Он отметил важность предложений крестьян не увлекаться одними имущественными показателями

при определении кулачества⁷². Между тем, решения о критериях определения кулаков на съезде принято не было.

Вопрос о кулачестве обсуждался и на октябрьском (1924 г.) Пленуме ЦК РКП(б). Секретарь ЦК В.М. Молотов, возглавлявший Комиссию ЦК по работе в деревне, в своём докладе заявил, что под «общую рубрику кулачества иной раз зачисляется такой процент сельского населения, который в своём большинстве является не только не враждебным, но который ни в коем случае не должен делаться враждебным советской власти»⁷³. Однако, кого считать кулаком, он не сказал. Не последовало конкретных предложений и от наркома земледелия А.П. Смирнова. В итоге никаких рекомендаций по этому вопросу местным партийным и советским органам Пленум не дал⁷⁴.

На состоявшемся в апреле 1925 г. Пленуме ЦК РКП(б) В.М. Молотов бытующие определения кулака, что кулак – «это тот, который эксплуатирует наёмный труд, а не кулак тот, кто не эксплуатирует чужого труда», что кулак – «это тот, кто занимается ростовщичеством в деревне», назвал «негодными». Он считал, что «не столько нужно гоняться за определением «кулака», сколько за тем, чтобы дать правильное определение, «кого из крестьян ни в коем случае не должно относить к кулаку», так как стоит задача не допустить причисления к кулакам середняка и «старательного культурного крестьянина», хозяйственное развитие которых партия поддерживает⁷⁵. М.И. Калинин, напротив, считал, что кулаками следует называть тех, «кто нажил себе состояние преступной и кабальной деятельностью», и, пока не будут определены характерные черты кулака, на местах сохранится произвол – зачисление значительной части середняка в кулаки и, наоборот, кулацких элементов – в середняки⁷⁶. Полемизируя с Калининым, Молотов заявил: «...Богатый мужик в условиях нэпа – вот что такое кулак»⁷⁷. Но такое широкое понятие «кулака», на наш взгляд, позволяло причислить к эксплуататорскому слою и часть зажиточных крестьян-середняков.

В итоге прямого определения кулака Пленум не дал, но в резолюции «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными

нуждами деревни» было отмечено, что к кулацким хозяйствам следует относить такие, которые связаны с «деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией бедноты»⁷⁸.

Дискуссия о кулаке продолжилась и на XIV конференции РКП(б), состоявшейся 27–29 апреля 1925 г. А.И. Рыков высказался против противопоставления зажиточного крестьянина кулаку, так как «точной грани здесь провести невозможно»⁷⁹. Он предложил допустить кулака в кооперативное строительство⁸⁰. По мнению А.И. Рыкова, все происходящие в деревне хозяйственные процессы, в том числе и в верхушечном слое деревни, следовало направить по «советскому руслу»⁸¹. Он считал ошибочным и вредным «давить» и «зажимать» кулаков⁸².

Так как в партийно-государственном руководстве не было единства взглядов в отношении определения кулака, местные органы власти продолжали сами решать, какие хозяйства зачислять в кулацкие.

В связи с кризисом хлебозаготовок в 1928 г. вновь назрела необходимость определиться с понятием «кулак». По официальным данным, в стране в 1927 г. кулацких хозяйств было около 900 тыс. – 3,9 % от общего числа крестьянских дворов⁸³. Но такое количество не могло обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, поэтому местные руководители, стремясь выполнить возложенные на них задания, распространяли чрезвычайные меры на другие слои крестьянства. 21 мая 1929 г. СНК СССР принял постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». В нём были указаны следующие признаки кулацких хозяйств: систематическое применение наёмного труда, за исключением тех случаев, когда, согласно законодательству о выборах в советы, применение наёмного труда не влекло за собой лишение избирательных прав; наличие мельницы, маслобойки, крупорушки, просорушки, волночесалки, промышленных предприятий, применение механического двигателя, а также если в хозяйстве имелись водяная или ветряная мельница с двумя поставами; систематическая сдача в наём сложной с/х техники с механическим двигателем; сдача в наём постоянно или на сезон отдельных оборудо-

ванных помещений под жильё или предприятия; занятия торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или получение других нетрудовых доходов (в том числе служители культа). СНК союзных республик и краевым (областным) исполкомам представлялось право видоизменять эти признаки в зависимости от местных условий. Кодекс законов о труде полностью применялся к хозяйствам, подпадающим хотя бы под один из этих признаков, при размере дохода более 300 руб. на едока, но не менее 1500 руб. на хозяйство⁸⁴.

Предложенный центральной властью перечень признаков кулацких хозяйств был, как видим, достаточно широким, и без учёта, например, количественного состава семьи, наличия трудоспособных мужчин, детей, стариков, состояния здоровья членов семьи, личного участия их в ведении хозяйства, местное руководство могло причислить к кулакам и представителей трудового крестьянства: как середняков, так и бедняков. Как верно отмечает академик В.А. Тихонов, если «хозяйство хотя бы по одному пункту подпадало под эти признаки, то его уже можно было относить к кулацким и раскулачивать»⁸⁵. Имущественный признак, делает вывод учёный, «оказался преобладающим над социальным»⁸⁶. По мнению А.Н. Солопова, «к одному из пяти признаков можно было отнести чуть ли не каждый третий крестьянский двор, втянутый в рыночный оборот и использующий в разной степени методы ведения семейного фермерского хозяйства»⁸⁷. Мы разделим точку зрения Е.А. Кирьяновой, что термин «кулак» часто был синонимом «мироеда», «хищника», дикого, зверского эксплуататора, нередко носил ругательный характер, при этом зачисление в категорию «кулачество» происходило не по социально-экономическим, а по политическим признакам⁸⁸.

До сих пор острые дискуссии вызывает вопрос, являлось ли кулачество классом. Мы разделяем позицию исследователей, которые считают, что кулачество не было классом. Так, по мнению Г. Шмелёва, «к кулакам причисляли всех тех, кто хорошо обрабатывает поле, имеет племенной скот, строит новый дом и т.д.»⁸⁹. В.А. Тихонов высказывал такую точку зрения: «К кулакам относили хозяйства с наиболее крупным землевладением. Но существовал ли класс кулаче-

ства? Думаю, это всё-таки не класс. Между тем к кулацким в 1929-1930 годах причисляли любые хозяйства, которые по уровню развития выделялись выше среднего, в том числе постоянно применяющие наёмный труд, имеющие любые машины с механическим приводом, сдающие в аренду помещения, занимающиеся торговлей»⁹⁰. В.П. Данилов заявлял: «Относительно социального расчленения деревни 20-х годов в нашей литературе имеется немало преувеличений. Но всё же в серьёзных работах кулачество отнюдь не представляется самостоятельным классом, вполне обособившимся от крестьянской среды»⁹¹.

В данной работе, основанной на документальных материалах, мы вынуждены употреблять выражение «кулачество как класс» в соответствии с официальной формулировкой того времени, хотя в настоящее время оно не считается научно обоснованным.

Отношение к кулакам со стороны партийно-государственного руководства страны было всегда настороженным. В.И. Ленин прямо заявлял: «Они, кулаки и мироеды – не менее страшные враги, чем капиталисты и помещики. И если кулак останется нетронутым, если мироеда мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист»⁹². Между тем, в ноябре 1918 г. он вслед за Ф. Энгельсом ещё допускал возможность не прибегать к насильственной экспроприации кулаков, если те подчинятся мероприятиям советской власти. Однако уже весной 1919 г. на VIII съезде РКП(б) партии В.И. Ленин сказал: «На одном московском собрании я привёл точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что быть может удастся обойтись без репрессий, без подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно»⁹³. Переход в 1921 г. к новой экономической политике стимулировал подъём производства, в том числе и в деревне, что привело к увеличению количества зажиточных крестьянских хозяйств. В политическом отчёте ЦК на XI съезде партии в 1922 г. В.И. Ленин указал, что «с русским капитализмом, с тем, который растёт из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, ко-

торый им поддерживается ... предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить»⁹⁴.

Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), определивший «в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распылённых крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства», принял решение о переходе к политике наступления на кулачество⁹⁵. Это означало ограничение эксплуататорских возможностей и устремлений кулацких хозяйств, их активное вытеснение экономическими методами⁹⁶. Кулаки облагались повышенным налогом, ограничивались в снабжении сельхозмашинами, лишались избирательных прав в Советы депутатов, для них вдвое сокращались сроки аренды земли, усиливался контроль за выполнением в кулацких хозяйствах трудового законодательства в отношении батраков, проводилась «чистка колхозов от кулацких элементов»⁹⁷. В связи с возникшим зимой 1928 г. кризисом хлебозаготовок из-за нежелания крестьян давать хлеб городу, политика в деревне стала ужесточаться. К неплательщикам зерна применялось уголовное наказание по ст. 61 УК и частичная конфискация имущества. Это был, как верно считает Н.А. Ивницкий, пролог уже новой политики по отношению к зажиточным крестьянам⁹⁸.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 апреля 1928 г. было введено индивидуальное налогообложение наиболее экономически крепких крестьянских хозяйств. Устанавливалась максимальная ставка изъятия сельхозналога из доходов в 30 %. Основанием для этого служили следующие признаки: а) если члены двора занимаются скупкой с целью перепродажи, торговлей или ростовщичеством; б) если в хозяйстве или в промысле систематически применяется наёмный труд; в) если в хозяйстве имеется: мельница, маслобойка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие – при условии применения в перечисленных предприятиях механических двигателей или наёмного труда, а также если в хозяйстве имеется ветряная или водяная мельница с двумя и более поставами; г) если хозяйство сдаёт в наём постоянно или на се-

зон отдельные оборудованные помещения под жильё или под торговое либо промышленное предприятие⁹⁹.

На Всесоюзном совещании по единому сельскохозяйственному налогу, состоявшемся в январе 1929 г., начальник Госналога НКФ СССР М.И. Лившиц заявил, что «вопрос об индивидуальном обложении является вопросом политическим»¹⁰⁰. Было разрешено применять индивидуальное налогообложение крестьянских хозяйств с целью изъятия у них хлебных излишков. Местные органы власти могли расширить признаки хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению. В результате индивидуальным налогом облагались не только кулацкие, но и часть середняцких и даже бедняцких хозяйств. Кроме того, вырос и сам сельхозналог. Так, если в 1926/27 году одно кулацкое хозяйство платило в среднем 100 руб. 77 коп., то в 1928/29 году – 267 руб. 45. коп., то есть в 2,7 раза больше, тогда как средний размер налога на одно середняцкое хозяйство увеличился в 1,6 раза – с 17 руб. 77 коп. до 23 руб. 60 коп.¹⁰¹. Как отмечал М.И. Калинин, сельхозналог являлся «одним из важнейших инструментов для изменения социально-экономической структуры крестьянства: мы облагаем верхушку по принципу подоходной прогрессии, не давая возрастать»¹⁰².

Переход к коллективизации целых сёл принимал всё более широкий размах. Встал вопрос, как быть с кулаками: допускать ли их в колхоз или не допускать ни на каких условиях? В апреле 1929 г. на объединённом пленуме ЦК ВКП(б) и ЦКК Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский предложили поддерживать индивидуальные крестьянские хозяйства, поскольку, по их мнению, колхозы и совхозы не скоро дадут государству хлеб в нужном количестве, и выступили против чрезвычайных мер, за мирное «врастание кулака в социализм». Эти взгляды были осуждены сторонниками И.В. Сталина¹⁰³. Решения пленума поддержала состоявшаяся в апреле 1929 г. XVI партийная конференция¹⁰⁴. Однако среди её делегатов единой точки зрения по вопросу, как быть с кулаками при массовой коллективизации, не было. Одни считали возможным принятие их в посевные товарищества и колхозы при условии передачи ими средств производства в колхозы, другие предлагали оставить эти хозяйства обособленными

и в колхозы не допускать, третьи выступали за выселение кулаков в специальные посёлки и выделение им земли на окраине колхозных полей. Комиссия под председательством С.В. Косиора, не придя к единому мнению, предложила вопрос о «кулаке и колхозе» передать в Политбюро¹⁰⁵.

XVI конференция ВКП(б) одобрила установку ЦК на переход к коллективным формам труда целых сёл и деревень¹⁰⁶. Объединение бедняков и середняков одного населённого пункта в колхоз завершало изоляцию кулачества и, по выражению М.И. Калинина, делало кулака лишним человеком в деревне¹⁰⁷. Предстояло определить наиболее целесообразные формы ограничения и вытеснения кулачества. 18 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) постановил кулаков в колхозы не принимать¹⁰⁸. С лета 1929 г. было значительно увеличено налоговое обложение кулацких хозяйств. За неуплату и просрочку налогов кулаков стали судить и штрафовать. Имущество должников изымалось и продавалось с торгов¹⁰⁹. Такая политика разоряла кулацкие хозяйства. Производство в них прекращалось, скот и сельхозмашины распродавались. Шло быстрое сокращение их численности. По данным ЦСУ СССР, к осени 1929 г. удельный вес кулацких хозяйств составлял 2,5–3 %, а численность – 600–700 тысяч семей¹¹⁰.

Курс на ужесточение политики в отношении кулака поддержал и ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б). В принятой резолюции было указано «развивать решительное наступление на кулака»¹¹¹. 5 декабря 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало специальную комиссию для разработки плана сплошной коллективизации под председательством Я.А. Яковлева (с 7 декабря 1929 г. нарком земледелия СССР – *Е.Т.*)¹¹². Вопросом о политике в отношении кулаков занималась подкомиссия во главе с секретарём ЦК ВКП(б) К.Я. Бауманом¹¹³. Она пришла к выводу, что «назрело время, когда можно поставить в более конкретной форме вопрос о ликвидации кулачества»¹¹⁴. Отметив, что «безнадёжно пытаться разрешить «кулацкую проблему» выселением всей массы кулацкого населения в отдалённые края и тому подобными мероприятиями», подкомиссия сочла необходимым делать это дифференцированно¹¹⁵. Подкомиссия предложила хозяйства кулаков разбить на три категории. К первой категории были от-

несены наиболее богатые кулаки, ведущие активную контрреволюционную работу против Советской власти, ко второй категории – экономически мощные кулаки, эксплуатировавшие деревенскую бедноту, к третьей категории – экономически менее мощные, активно не выступавшие против Советской власти. Для каждой категории были намечены определённые репрессивные меры: для первой – арест, отдача под суд, конфискация всех средств производства, для второй – высылка на окраины страны. Кулаки третьей категории после конфискации у них средства производства могли приниматься в колхозы, но с испытательным сроком¹¹⁶.

И.В. Сталин учёл предложения комиссии Я.А. Яковлева. Выступая на научной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., он открыто объявил о переходе от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни к политике ликвидации кулачества как класса¹¹⁷.

5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором отмечалось, что в последние месяцы колхозное движение охватило «не только отдельные группы индивидуальных хозяйств, но и целые районы, округа и даже области и края», в результате чего создана материальная база «для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов»¹¹⁸. «Это обстоятельство, имеющее решающее значение для всего народного хозяйства СССР, – указывалось в постановлении, – дало партии полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»¹¹⁹.

Для выработки конкретных мер в отношении кулачества Политбюро ЦК ВКП(б) 15 января 1930 г. создало комиссию во главе с секретарём ЦК В.М. Молотовым. В её состав, наряду с руководящими работниками Средней и Нижней Волги, Украины, Северного Кавказа, был включён и секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Чернозёмной области И.М. Варейкис¹²⁰. Подготовленный комиссией проект постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» был утверждён ЦК ВКП(б) 30 января

1930 г.¹²¹ Как указывалось в постановлении, в районах сплошной коллективизации надлежало «провести немедленно, а в остальных районах по мере действительно массового развёртывания коллективизации, следующие мероприятия»: отменить в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие закона об аренде земли и применении наёмного труда в сельском хозяйстве, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сырья, кормовые и семенные запасы¹²².

К кулакам принимались меры в зависимости от категории, к которой они были отнесены: кулаки первой категории (контрреволюционный кулацкий актив) немедленно заключались в концлагеря, организаторы террористических актов, контрреволюционных выступлений подлежали высшей мере наказания; кулаки второй категории («остальные элементы кулацкого актива», наиболее богатые кулаки) выселялись в отдалённые местности СССР; кулаки третьей категории, оставленные для проживания в пределах района, подлежали расселению на новых отводимых за пределами колхозных хозяйств участках. Количество ликвидируемых кулацких хозяйств по всем районам должно было составить в среднем 3–5 % от общего числа крестьянских хозяйств¹²³.

Репрессивные меры в отношении кулаков первой и второй категории ОГПУ обязано было провести в течение четырёх месяцев: с февраля по май. За это время следовало направить в концлагеря 60 тысяч и выселить в отдалённые районы 150 тысяч кулаков¹²⁴. В связи с этим ещё 18 января 1930 г. центральное руководство ОГПУ приказало своим полномочным представителям привести все аппараты «в мобилизационную готовность»¹²⁵. Полномочные представительства обязаны были немедленно разработать и представить в ОГПУ подробный план операции по выселению кулацких семей, указав в нём районы и количество намеченных к выселению, железнодорожные пункты, где будут концентрироваться выселяемые перед отправкой, требующееся количество вагонов и эшелонов¹²⁶. Вопрос о выселении кулаков подробно обсуждался на совещании всех полномочных представителей, созванном 30 января 1930 г. коллегией ОГПУ¹²⁷. Приказом ОГПУ от 2 февраля 1930 г. был определён порядок и сроки

проведения выселения. Для непосредственного руководства операцией в областях и округах создавались оперативные тройки¹²⁸.

В законодательном порядке переход к политике ликвидации кулачества как класса был оформлен постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»¹²⁹. Согласно постановлению, аренда земли и применение наёмного труда в единоличных крестьянских хозяйствах запрещалась. Исполнительным комитетам предоставлялось право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краёв (областей)»¹³⁰. Подробные указания, как надо осуществлять новую политику, содержала секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. Она была разослана всем организациям для практического руководства работой по ликвидации кулацких хозяйств¹³¹.

Таким образом, к началу февраля 1930 г. центральной властью были приняты основные нормативные документы, определяющие порядок ликвидации кулацких хозяйств. Практически осуществлять политику ликвидации кулачества как класса предстояло местным органам власти. К настоящему времени их деятельность изучена ещё недостаточно полно и всесторонне. Необходимость продолжения разработки данной темы на материалах, прежде всего местных архивов, очевидна. Это позволит более объективно показать участие низовых звеньев различных структур власти в кампании по раскулачиванию, обстоятельно раскрыть решаемые ими задачи и результаты их деятельности.

В ряде регионов, руководители которых участвовали в подготовке проекта постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., решения о ликвидации кулацких хозяйств были приняты ещё до получения директивы центральной власти. Так, в Средне-Волжском крае бюро крайкома ВКП(б) постановление «Об изъятии и выселении контрреволюционных элементов и кулачества из деревни» вынесло 20 января 1930 г.¹³² Аналогичные решения были

принты Нижневолжским крайком ВКП(б) 24 января, ЦК КП(б) Украины – 28 января, Северо-Кавказский крайком партии – 29 января и 2 февраля¹³³.

В Центрально-Чернозёмной области вопрос о ликвидации кулачества обсуждался на пленуме обкома партии, проходившем в Воронеже 26–27 января 1930 г.¹³⁴ Секретарь обкома И.М. Варейкис заявил, что в ЦЧО подлежат раскулачиванию 90–100 тыс. кулаков (4–5 %) ¹³⁵. Между тем, такая установка не соответствовала количеству имевшихся в области кулацких хозяйств. По данным ЦСУ СССР, в 1927 г. в ЦЧО насчитывалось 2 012,5 тыс. крестьянских хозяйств, из них кулацкими было 44 875 (2,2 %) ¹³⁶. И.М. Варейкис, как отмечает П.В. Загоровский, руководствуясь указаниями центральной власти, что кулаками являются 4–5 % всех российских крестьян, «просто вычислил этот процент из общего числа крестьянских хозяйств» ¹³⁷. В принятой пленумом резолюции указывались меры, которые следовало применять к кулакам: не допускать кулаков в колхозы, а проникших исключить из них, лишив земли, сельхозинвентаря, скота, построек; кулаков раскулачить (экспроприировать) полностью или частично, передавая их имущество в колхозы в обобществлённые неделимые фонды капитала; немедленно провести кампанию погашения кулаками задолженности государству или кооперативным органам (недоимки по налогам, Госстраху, кредитам, самообложению и т. п.); кулацкие хозяйства выселить на отдалённые земли вне колхозов, в обязательном порядке они должны выполнить все требования земельных органов о проведении агроминимума ¹³⁸, в случае нарушения этих требований навсегда лишать их права пользования землёй, выселять из района или округа, а в исключительном случае и из области ¹³⁹.

Решения о начале раскулачивания руководство ряда округов ЦЧО приняло, также не дожидаясь поступления соответствующих директив вышестоящих инстанций. Например, Тамбовский окружком ВКП(б) – 20 января, Острогожский и Усманский окружкомы – 21 января 1930 г. ¹⁴⁰

Секретарь Борисоглебского окружного комитета ВКП(б) М.И. Колесников 19 января 1930 г. адресовал всем секретарям райкомов секретное письмо, содержащее практические указания по проведению ликвидации кулачества. За

вредительские действия кулаков против коллективизации надлежало конфисковать у них сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктовый скот, промышленные предприятия, хозяйственные пристройки и в ряде случаев ценные жилые помещения и обязательно лишать их земельного надела. «Так как «советски лояльных» кулаков в природе не существует, а все они в скрытой или открытой форме занимаются враждебными вредительскими действиями, – подчёркивал Колесников, – то по существу указанными методами мы имеем возможность разрешить задачу раскулачивания»¹⁴¹. В то же время секретарь окружкома высказал опасение, что кулак опередит это «мероприятие», «тотчас же продаст, сплавит основное и самое ценное из его имущества и инвентаря». Отметив, что уже «имеется ряд случаев, когда он всё продаёт и сам уезжает со своей семьёй», он указал местным руководителям «проявить величайшую гибкость, подлинно революционные темпы в работе, чтобы ни в коем случае не допустить успеха в этом новом маневре кулака»¹⁴².

Вся практическая работа возлагалась на сельсоветы. Раскулачивание следовало проводить «твёрдыми руками батраков и бедняков». «Не должно быть ни одного батрака, ни одного бедняка, – писал Колесников, – который бы не имел определённого задания, поручения в этой сложной работе по раскулачиванию»¹⁴³. К ликвидации кулачества необходимо было привлечь и середняков. Заинтересовать бедняцко-середняцкую массу, как считал секретарь окружкома, удастся лишь в том случае, если безвозмездно передать в колхозы весь конфискованный инвентарь, а также прирезать к колхозам и совхозам земли, находившиеся в пользовании кулака.

Колесников предостерегал от возможных ошибок: «ни в коем случае не допускать, чтобы удар, предназначенный для кулака, падал на середняцкое крестьянство». «Нужно помнить, – писал он, – что кулаком является такой слой крестьянства, который живёт за счёт эксплуатации наёмной рабочей силы в своём хозяйстве или же за счёт присвоения прибавочного продукта, путём ростовщичества, аренды, частной торговли, дачи в наём рабочего скота, сельхозмашин и т.п.». Далее следовало строгое предупреждение: «Смешивать этот

слой со средняцким хозяйством даже в единичных случаях – будет преступление перед партией». Ссылаясь на высказывание И.В. Сталина, что раскулачивание является «составной частью образования и развития колхозов», Колесников подчёркивал, что «вся работа по раскулачиванию должна быть непосредственно увязана с ещё более быстрыми темпами по сплошной коллективизации округа, с образованием новых колхозов, укрупнением старых, обобществлением основных средств производства, принадлежащих колхозникам». В результате ликвидации кулацких хозяйств на местах должны были «не только не потерять ни одного пуда хлеба, который давался прежде кулаком, но, используя преимущество коллективизации, значительно увеличить хлебные излишки». Секретарь окружкома считал, что это возможно, если будет полностью выполнен план весенней посевной кампании. Для того, чтобы ни одного незасеянного га не осталось, надлежало включить в планы посева колхозами и кулацкие земли¹⁴⁴.

Соответствующие предписания были даны и Борисоглебским окружным исполнительным комитетом. 18 января 1930 г. президиум окрисполкома указал окружному земельному управлению и райисполкомам при проведении землеустроительных работ в районах сплошной коллективизации, массовых МТС и при переходе отдельных селений на сплошную коллективизацию кулацким хозяйствам отводить «дальние от земельных обществ и при этом худшие земли, главным образом залежи»¹⁴⁵. 26 января 1930 г. на заседании, в котором участвовали члены президиума председатель окрисполкома Боровских, его заместитель Дьяков, заведующий окружной рабоче-крестьянской инспекции Зайдес, заведующий окружным земельным управлением Вдовин, кандидат в члены президиума Медведева, окружной прокурор Гуцев и начальник окружного административного отдела Ерофеев, был рассмотрен составленный окружным земельным управлением проект, предусматривающий расширение совхозов в округе на 30 000 га за счёт изъятия нерационально используемых земель и у кулацких хозяйств. Решив, что проект «вполне осуществим и является минимальным», президиум окрисполкома поручил ОкрЗУ «практически приступить к

проведению этого вопроса в жизнь, согласовав его с РИКами»¹⁴⁶. В связи с отводом земли свинхозу при Беконной фабрике у станции Есипово президиум окрисполкома постановил не допускать в число контрактантов кулацкие хозяйства, а весь имеющийся у них семенной посевной материал изъять на нужды колхозов¹⁴⁷.

Президиум окрисполкома дал особые распоряжения по вопросу оказания медицинской помощи: «Медикосанитарные учреждения округа должны строго проводить классовый принцип, обеспечивая первоочередной помощью рабочих, сельхозрабочих, колхозников, застрахованных и их семьи и батрацко-бедняцкие массы деревни, решительно покончив с принципом уравнительности в деле обслуживания населения. Считать необходимым прекращение бесплатного лечения кулаков и нетрудового элемента, введя для них платность по повышенным нормам, за исключением случаев заразных болезней и экстренного характера»¹⁴⁸. Окргздраву поручалось дать на места указания инструктивного порядка по обслуживанию медпомощью населения и в недельный срок «проработать вопрос» о порядке введения платности для кулаков и нетрудового «элемента»¹⁴⁹.

Окружной властью был намечен и целый ряд практических мероприятий по перевоспитанию детей кулаков. По плану окружного отдела народного образования предстояло провести учёт детей в возрасте 7–15 лет из семей, в которых глава «изъят», и они могли остаться беспризорными; на железнодорожных станциях организовать «заградительные отряды для задержки беспризорных, не давая им возможности курсировать из города в город». Всех задержанных детей следовало направлять в окружной отдел народного образования для размещения по детским домам города Новохопёрска, пропустив их сначала через комиссии при больницах для установления возраста. При детдомах для неграмотных намечалось создать кружки по ликбезу, а грамотных помещать в школу 1 ступени. Для трудовой подготовки все беспризорные распределялись по цехам в централизованных детских мастерских «согласно их запросов и интересов». Дети, которые имели знания не ниже школы 1 ступени и были «достаточ-

но перевоспитанные», направлялись для получения квалификации и знаний в сельскохозяйственные школы, школы ученичества в Марьинку, Калиново, в производственные учебные мастерские в сёлах Калмыке и Макарово, а после получения знаний – в колхозы и совхозы «на самостоятельную жизнь». Для детей, семьи которых выселялись в посёлки на отдалённые и худшие участки земли, открывались школы 1 ступени по принципу самокупаемости. Дети «лишенцев», проживающих в сёлах, принимались в школы только на свободные места и привлекались во все детские организации. Для детей, не попавших в школу из-за отсутствия мест, организовывались группы на началах самокупаемости. Дети, окончившие школы 1 ступени в кулацких посёлках, и группы при общих школах, принимались в школы 2 ступени на свободные места после удовлетворения заявлений детей рабочих, колхозников, бедноты, середняков и служащих¹⁵⁰. Как видим, власть брала под свой контроль жизненное обустройство детей раскулаченных, получение ими образования и трудовой специальности, в то же время ограничивая их права по сравнению с детьми из других социальных слоёв.

Тот факт, что руководство Борисоглебского округа занялось организацией раскулачивания, не дожидаясь поступления от вышестоящих инстанций каких-либо законных обоснований для этого, подтверждает и письмо члена бюро окружкома ВКП(б) Семовских, адресованное 27 января 1930 г. секретарю Таловского райкома Фролову. Семовских, получив письмо от секретаря окружкома Колесникова, участвовавшего в комиссии по выработке проекта резолюции пленума обкома партии, и учитывая, что директивы пленума и директивы окружкома последуют только через несколько дней, дал Фролову «основные принципиальные установки», которыми следовало руководствоваться. К раскулачиванию необходимо было приступить немедленно, экспроприировав у кулаков все средства производства, а также ценное имущество, лишая их права аренды земли и найма рабочей силы. С кулаков предстояло взыскать государственные и общественные платежи, а всё конфискованное имущество передать в неделимый фонд колхозов. Выселению за пределы округа следовало подвергнуть 30–

35 % общего числа кулаков, «беря из них наиболее злостных». Остальных кулаков предстояло переселить в пределах округа, района, сельсовета на дальние и худшие земли. Раскулачивание надлежало проводить «только через массу батраков и бедняков, при поддержке середняков», через постановления колхозных собраний, оформляя их в сельсоветах. В то же время власть допускала, что широкой поддержки крестьянства может не быть, поэтому следовало привлечь органы ГПУ и милиции. Окружное руководство рекомендовало не ограничиваться «рамками законности», не искать «законных обоснований проводимых мероприятий»¹⁵¹. Такая установка, на наш взгляд, давала представителям низовых звеньев власти широкую возможность допускать в ходе кампании различные злоупотребления и правонарушения.

Особая роль в организации раскулачивания отводилась местным органам ОГПУ и НКВД. По приказу ОГПУ, как уже отмечалось выше, для руководства операцией по выселению кулаков в областях и округах создавались оперативные тройки. В Борисоглебском округе оперативную тройку возглавил заместитель начальника окружного отдела ОГПУ Буданцев¹⁵².

Согласно директиве временно исполняющего должность начальника областного административного отдела Земисева и временно исполняющего должность помощника начальника областного отдела по уголовному розыску Кухтина от 24 января 1930 г., «должное содействие» и практическую помощь партийным и советским органам обязаны были оказывать окружные административные отделы. Через осведомительную сеть им надлежало усилить наблюдения за жилищной частью деревни с тем, чтобы «каждое действие кулачества» было известно органам милиции и уголовного розыска, чтобы они «предприняли своевременно все меры предупредительного характера к совершению со стороны кулачества террористических актов». За совершение террористических актов и проявление антисоветских действий виновных следовало содержать под стражей. Предстояло проинструктировать личный состав милиции и уголовного розыска «на предмет проявления должной энергии с их стороны при отборе имущества от кулацких хозяйств и передаче такового в колхозы», принять все меры

к выявлению кулаков, проникших и пытающихся проникнуть в колхозы, немедленно ставить об этом в известность соответствующие органы власти, своевременно сообщать в областотдел «как отдельными донесениями, так и в информационных сводках» о всех террористических актах, совершаемых кулачеством¹⁵³.

По приказу начальника областного административного отдела Зуева от 31 января 1930 г. на административные органы возлагалась «исключительно сугубая ответственность» за проведение в жизнь задач «по выкорчёвыванию капиталистических элементов – ликвидации кулачества, как класса», поставленных партией и правительством¹⁵⁴. Органы милиции и уголовного розыска следовало немедленно привести в боевую готовность. Начальникам окрмотделов совместно с окружками и райкомками, окрисполкками и райисполкками надлежало в срочном порядке пересмотреть руководящий состав районных административных органов, а также весь рядовой состав милиции и уголовного розыска на селе. Начальники окружных административных отделов обязаны были усилить охрану оружия, находящегося в распоряжении административных органов, в течение 72-х часов составить план мероприятий и отражать общий ход кампании по ликвидации кулачества в месячных информационных сводках¹⁵⁵.

В тот же день, 31 января 1930 г., Борисоглебский окружной административный отдел направил районным административным отделениям свою директиву. В ней, в частности, говорилось: «Принимаемые партией и советской властью меры к ликвидации кулака как класса естественно вызывают дикое сопротивление кулака и нэпмана. Враги советской власти будут убивать представителей общественности, власти, поджигать госпредприятия и учреждения, отравлять скот и продукты, они будут от скрытого вредительства переходить к открытой борьбе.

Всё это от органов милиции и розыска требует постановки работы на боевую ногу. Всяким разговорам должно быть отведено место подчинённое обеспечению выполнения задачи ликвидации кулака как класса. Начальники РАО

должны помнить всю полноту ответственности лежащей на них обязанности как на руководителях вооружённой силы»¹⁵⁶.

Начальникам районных административных отделений было приказано «всё негодное вычистить из личного состава, заменив его членами ВКП(б) и комсомольцами», перебросить в другие районы тех милиционеров, «кои работают вблизи родственников, что не может гарантировать чёткости и беспрекословности выполнения лежащих на них задач». Перед райисполкомами следовало поставить вопрос «о необходимости обеспечения милиции перевозочными средствами, путём снабжения лошадьми и повозками из числа конфискованных». Надлежало также принять меры к обеспечению отделений полностью вооружением и боеприпасами, недостающее получить в окружном адмотделе. С милиционерами установить телефонную связь, для чего организовать дежурство из сельских исполнителей. Милиционерам не реже одного раза в неделю являться в РАО с докладами о состоянии обслуживаемых районов. О всех происшествиях немедленно информировать райкомы, райисполкомы и ОкраАО, «принимая меры к ликвидации, помня о всей строгости ответственности». О состоянии района сообщать начальнику ОкраАО письменно и по телефону через каждые три дня, «впредь до особого распоряжения»¹⁵⁷.

Как должны были содействовать ликвидации кулацких хозяйств судебные органы, можно узанать из секретного письма временно исполняющего должность председателя областного суда Израэля «О задачах суда в связи с политической ликвидацией кулачества как класса», адресованного 31 января 1930 г. председателям окружных судов. В нём было указано на необходимость «ликвидировать путём физического уничтожения (расстрела) тех кулаков, которые с обрешом или с огнём выступают против жизни наших общественников, колхозников или против имущества колхозов во всех тех случаях, когда подобного рода дела будут переданы на рассмотрение суда», «самым жесточайшим образом карать кулаков, ведущих контрреволюционную агитацию против колхозного строительства и иных хозяйственно-политических мероприятий партии и правительства», изгнать кулака из колхоза и сурово его наказать¹⁵⁸. Рекомендовалось ис-

пользовать следующие статьи Уголовного Кодекса. Чтобы «со всей беспощадной суровостью» пресечь контрреволюционную агитацию кулака о распродаже живого и мёртвого инвентаря, об убое скота, привлекать к ответственности по ст. 79 ч. 1 УК, разоблачить лжеколхозы, лжекооперативы и «снести их с лица земли, применяя в отношении виновных ст. 169 ч. 2 УК. Кулацкую агитацию, направленную на разбазаривание семенных запасов, ссыпку негодных семян, срыв планов посевной кампании, пресекать «самым беспощадным образом». В отношении «кулацких элементов», не выполняющих принятых планов посевной кампании (создание семенных фондов и т. д.), следовало применять ст. 61 УК, если в селе планы посевной кампании не выполняла группа кулаков, применять 3 часть ст. 61 УК с конфискацией имущества и выселением. Умышленную порчу или уничтожение кулаками сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежащих колхозам, совхозам, надлежало «квалифицировать по ст. 58-7 УК со всеми вытекающими отсюда последствиями». В отношении наиболее активных контрреволюционеров-кулаков предлагалось применять высшую меру социальной защиты, в остальных случаях – конфискацию имущества, изоляцию, выселение, штрафы¹⁵⁹.

Руководством облсуда на места была дана такая установка: «Необходимо твёрдо усвоить, что в связи с переходом к сплошной коллективизации и поворотом политики партии в сторону ликвидации кулачества как класса теряют всякое значение ряд действующих законов. Несомненно, что в ближайшее время ряд законов будет отменён и последует издание ряда новых законодательных актов, отвечающих новому повороту политики нашей партии. Но было бы преступным бюрократизмом, если бы мы стали ожидать этих новых законов. **ОСНОВНОЙ ЗАКОН ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ НАС – ЭТО ПОЛИТИКА НАШЕЙ ПАРТИИ** (так выделено в документе – *Е.Т.*). Необходимо поэтому усвоить, что такого рода законы, как закон об аренде и о найме кулаками рабочей силы – **УЖЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ** – кулак должен быть немедленно лишён прав аренды, найма рабочей силы и т.д. Эти новые обстоятельства необходимо учесть в своей повседневной практической работе»¹⁶⁰.

Чтобы не допустить срыва «экспроприации кулачества», надлежало немедленно прекратить регистрацию «в нотариальном порядке разделов кулацкого имущества и иных сделок купли-продажи кулаками имущества». Тех должностных лиц государственного аппарата, которые «поведут линию защиты и ограждения кулацких элементов от политики раскулачивания», предлагалось «самым решительным образом карать». Также предстояло «усилить судебные репрессии по делам о бандитизме и иным социально-опасным преступлениям, препятствующим делу коллективизации и затрудняющим работу по ликвидации кулачества». Все дела, связанные с ликвидацией кулачества, должны были проходить через суд в самые короткие сроки. Областной суд считал недопустимым проявления судебными работниками «каких бы то ни было шатаний, колебаний или нерешительности в деле осуществления политики ликвидации кулачества как класса». Суду необходимо было «подготовиться к делу и ударить по кулачеству, да ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги (Сталин)»¹⁶¹.

Это письмо облсуда наглядно свидетельствует о том, что для ликвидации кулацких хозяйств власть не ограничивалась мерами, нацеленными на их экономическое разорение. Она намеревалась широко применять к кулакам и уголовное преследование. Таким способом власть хотела, прежде всего, изолировать от сельского населения наиболее независимых и решительных крестьян, которые могли организовать активное противодействие всей кампании по раскулачиванию.

Наряду с директивами власти, содержание которых было известно только узкому кругу ответственных работников, политика ликвидации кулачества как класса нашла широкое отражение в материалах периодической печати как центральной, так и местной. 21 января 1930 г. в газете «Красная Звезда» была опубликована статья И.В. Сталина «О политике ликвидации кулачества как класса», в которой разъяснялась сущность новой политики. В ней, в частности, говорилось, что «нельзя вытеснить кулачество как класс мерами налогового и всякого иного ограничения, оставляя в руках этого класса орудия производства

с правом свободного пользования землёй и сохраняя в нашей практике закон о найме труда в деревне, закон об аренде, запрещение раскулачивания». Чтобы «вытеснить кулачество как класс», заявил И.В. Сталин, «надо сломать в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития (свободное пользование земель, орудия производства, аренда, право найма труда и т.д.)»¹⁶².

Борисоглебская окружная газета «Колхозная правда» 2 февраля 1930 г. опубликовала статью «О раскулачивании», содержащую такие рекомендации: «Общие основные установки из центра даны. Ждать регламента в сто пунктов не надо. Никакой регламент не в состоянии предусмотреть тысячи случаев и особенностей раскулачивания кулаков в разных районах, в разной обстановке. Здесь нужны революционная инициатива и суровая решительность... Необходимо, чтобы все низовые работники ясно поняли, что такое ликвидация кулачества как класса и почему именно теперь, а не раньше и ни под каким видом не позже, надо раскулачивать кулака. Раскулачивание началось!»¹⁶³

Рассмотрим, какая работа по организации раскулачивания была проведена непосредственно на местах. Так, бюро Верхне-Карачанского райкома ВКП(б) 19 января 1930 г. решило «в обязательном порядке привлечь к вложению средств на спецкапиталы» все кулацкие хозяйства с внесением каждым трудоспособным членом двора 500 рублей, взыскав их в 24 часа¹⁶⁴. Партийная фракция райисполкома совместно с уполномоченными райкома должна была в трёхдневный срок, 22–25 января, произвести взыскание с кулаков всех недоимок за три года по сельскохозяйственному налогу, кредиту, промышленному налогу, индивидуальных заданий по хлебозаготовкам, а также сбор спецкапиталов. Изъятие у кулаков всех имеющихся денежных средств требовалось закончить к 25 января. Всем партийным ячейкам и уполномоченным райкома предписывалось с 25 января «развернуть активную работу по полнейшему раскулачиванию». В отношении кулаков, оказывающих физическое сопротивление или ведущих контрреволюционную агитацию, рекомендовалось строго придерживаться директивы райкома от 16 января – за попытки к террору, за контр-

революционную агитацию и контрреволюционные меры их своевременно арестовывать и отправлять в районную милицию. Начальнику районного административного отделения Евтушенко следовало «предпринять меры к решительному усилению борьбы с кулачеством». Партийные ячейки и уполномоченные райкома обязаны были немедленно организовать из членов колхоза, коммунистов и комсомольцев охрану обобществлённого инвентаря, семян, отобранного у кулаков имущества. В случае поджогов имущества колхозов, ответственность «в первую голову» должны были нести бюро партийных ячеек и уполномоченные, как «не принявшие меры к охране»¹⁶⁵.

21 января бюро Верхне-Карачанского райкома утвердило списки уполномоченных¹⁶⁶. Для «проработки всех практических вопросов, связанных с мерами раскулачивания», решением бюро райкома 25 января была создана комиссия в составе Литвинова, Евсина и Пищугина¹⁶⁷. Партийным и комсомольским организациям поручалось, «проработав кандидатуры кулаков и установив их действительную принадлежность к кулацким хозяйствам, произвести на них налёт с целью предъявления им уплаты недоимок, спец. средств и описи имущества»¹⁶⁸. После утверждения этих кандидатур на собраниях бедноты и колхозников следовало осуществить «полнейшее отчуждение всей экономической, материальной базы кулаков», их раскулачивание. Все партийные ячейки и уполномоченные райкома обязывались «немедленно произвести полный и точный учёт всего отобранного у кулаков имущества, организовать охрану и определить необходимые склады и помещения»¹⁶⁹. К 1 февраля партийная фракция райисполкома, партячейки и уполномоченные райкома должны были «провести в жизнь через собрания колхозников лишение кулаков всех земельных наделов» для присоединения их при проведении землеустроительных работ к земельным наделам колхозов¹⁷⁰.

28 января секретарь райкома ВКП(б) Евсин указал секретарям партийных ячеек и уполномоченным райкома создать при каждом сельсовете штабы по сплошной коллективизации и раскулачиванию во главе с секретарями партийных ячеек, а где их нет – во главе с уполномоченными. В состав штабов вклю-

чались секретарь партячейки, председатель сельсовета, председатель колхоза, секретарь ячейки ВЛКСМ и представитель от бедноты. В каждой сотне штабы должны были организовать ответственные тройки во главе с «хорошими деловыми» коммунистами, комсомольцами или беспартийными колхозниками, особенно из бедняков. Штаб обязывался регулярно, каждые три дня, проводить инструкторное совещание всех членов троек, на которых заслушивать доклады руководителей троек, подводить итоги работы, выявлять положительные и слабые стороны и «накачивать, накачивать, учить и учить беспрестанно, без конца». Секретарь райкома предлагал выделить от штаба 5–10 премий, в том числе за счёт отчуждённых у кулаков бритв, дешёвых стенных часов и т.д., и выдать их лучшим тройкам, бригадам и дружинам¹⁷¹.

Аналогичные решения принимало руководство и других районов. Так, секретарь Таловского райкома партии Фролов дал указание секретарям партячеек немедленно «приступить к раскулачиванию, отбирая у кулаков все средства производства, ценное имущество и земельный надел, не ограничиваться рамками законности юридических зацепок», всё конфискованное передать в неделимый колхозный фонд, взыскав прежде со всех кулаков все государственные и общественные платежи. Для обеспечения посевными материалами сельсоветам поручалось довести контрольную цифру до посёлков, до зажиточных, индивидуально обложенных хозяйств, до хозяйств, «вычищенных из колхозов», и кулаков. За невыполнение «индивидуалами» задания надлежало штрафовать их в пятикратном размере, конфисковать всё имущество, злостных «индивидуалов» предать суду, а кулаков арестовать без суда, имея на них «убийственный материал». Виновных в убое скота, продаже фуража и вредительстве следовало немедленно судить показательным судом¹⁷².

Продолжить политику «решительного и беспощадного наступления на кулака», «приняв немедленные меры к ликвидации его как враждебного класса путём лишения права на землю, отчуждения имущества в пользу колхозов и выселения из пределов района», мобилизовав для этого батрацко-бедняцкие и середняцкие массы, постановил и состоявшийся 28–29 января 1930 г. пленум

Новохопёрского райкома ВКП(б)¹⁷³. Для вовлечения населения в практическую работу по коллективизации и раскулачиванию районным руководством к 10 февраля 1930 г. было проведено 22 партийных собрания, 74 собрания групп бедноты, 116 собраний бедноты, 37 заседаний сельсоветов, 23 пленумов сельсоветов, 46 собраний актива, 30 делегатских собраний, 37 собраний женщин, 214 общих собраний колхозников, 16 собраний профсоюзов. Всего на них присутствовало 58 447 человек: 2 037 коммунистов, 2 475 комсомольцев, 2 694 батрака, 19 579 бедняков, 20 250 середняков, 10 727 женщин¹⁷⁴.

Всего для проведения коллективизации и раскулачивания в районах округа в деревню были посланы 849 человек – 443 областных и окружных работника, 406 – из районных центров, среди них – два помощника окружного прокурора, старший инспектор труда, два председателя окружных отделов Союзов, старший следователь окружного суда, председатель треста «Водосвет», заведующий окрместхозом¹⁷⁵.

Итак, организацией раскулачивания в Борисоглебском округе ЦЧО занимались различные органы местной власти: окружком и райкомы ВКП(б), окрисполком и райисполкомы, сельские партячейки и сельсоветы. Руководство районов без особых проволочек определило целый перечень последовательно и непрерывно наносимых ударов по кулацким хозяйствам: от взыскания недоимок и поборов до полного отчуждения их собственности. Были намечены конкретные мероприятия, даны на места практические указания. При сельсоветах из числа ответственных работников и активистов создавались комиссии, тройки, штабы. Кроме того, был задействован широкий круг партийных и советских работников районного, окружного и областного уровней. Участие в ликвидации кулацких хозяйств органов ОГПУ, милиции, прокуратуры и судов должно было обеспечить результативность всей кампании.

§ 3. Конфискация имущества у кулацких хозяйств

По решению центральной власти для подрыва экономической мощи кулацких хозяйств проводилась конфискация их имущества. В постановлении

Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. указывалось, что у кулаков необходимо изъять: средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы. Конфискацию должны были осуществлять особоуполномоченные райисполкомов с обязательным участием членов сельсовета, председателей колхозов, батрачко-бедняцких групп и батрачкомов. Всё отобранное имущество подлежало обязательной точной описи и оценке. Ответственность за полную его сохранность возлагалась на сельсоветы. Подлежали изъятию и имевшиеся у кулаков сберкнижки, облигации госзаймов, а выдача их взносов в сберегательные кассы и ссуд под залог облигаций прекращалась. Раскулаченные исключались из всех видов кооперации, а их паи и вклады в кооперативных объединениях передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества. Решения о конфискации имущества должны были приниматься на собраниях членов колхоза, батрачества и бедноты¹⁷⁶.

В секретной инструкции ЦИК и СНК от 4 февраля 1930 г. перечень конфискуемого имущества был расширен. Изъятию подлежали также торговые предприятия, продовольственные запасы, излишки домашнего имущества, наличные деньги. Кулакам разрешалось оставлять лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые простейшие средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов и, кроме того, до 500 руб. на семью для переезда и устройства на новом месте. Чтобы «кулацкие элементы» не успели ликвидировать своё имущество, требовалось немедленно брать его на учёт¹⁷⁷. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 16 февраля 1930 г. указывалось, что у кулаков следовало отобрать механические двигатели, сельскохозяйственные машины и инвентарь, предприятия по переработке продукции (мельницы, крупорушки, маслобойки и т. п.), рабочий и продуктивный скот, жилые и хозяйственные постройки, вклады в кооперации¹⁷⁸.

Властью одновременно предпринимались меры по недопущению самоликвидации кулацких хозяйств. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР принял постановление «О воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества». Его подписали председатель ЦИК М.И. Калинин, председатель СНК СССР А.И. Рыков, секретарь ЦИК А.С. Енукидзе. Кулацкие хозяйства не могли теперь без разрешения районного исполнительного комитета переселиться и распродать своё имущество, а райисполкомы обязаны были применять к нарушителям наказания, вплоть до конфискации имущества. Это постановление райисполкомам следовало довести до сведения всех сельсоветов своего района¹⁷⁹.

В Борисоглебский окрисполком текст постановления поступил из Воронежа вечером 3 февраля 1930 г. Председатель облисполкома Е.И. Рябинин телеграммой распорядился срочно передать постановление по телеграфу председателям районных исполкомов для «немедленного исполнения», указав при этом, что оно «не подлежит» опубликованию в печати¹⁸⁰. 4 февраля постановление было передано всем председателям райисполкомов¹⁸¹.

7 февраля Борисоглебский окрисполком дал на места свою директиву о запрете сельсоветам, райисполкомам, учреждениям и организациям выдавать кулацким хозяйствам справки в отношении семейного и имущественного положения, размеров уплачиваемого сельхозналога, о прежней службе и другие, которые могут быть использованы кулаками в своих интересах. Сельсоветы должны были установить учёт лиц, приехавших из других мест как на постоянное, так и на временное местожительство. Окрадмотделу надлежало установить строгий контроль за своевременной пропиской в домовых книгах и в адресном столе лиц, прибывших в город, «привлекая к строжайшей ответственности как непрописанных лиц, так и домкомов и домовладельцев». С целью недопущения на работу «кулацких элементов» отдел труда «ни в коем случае» не должен был принимать их на учёт бирж труда и корреспондентских пунктов. Для предотвращения возможной ликвидации имущества кулацкими хозяйствами сельсоветам, райисполкомам, нотариальным конторам, нарсудам и другим органам так-

же запрещалось регистрировать совершаемые кулаками сделки купли-продажи и разделов их имущества¹⁸².

Заведующий окружным финансовым отделом Бородулин, в свою очередь, 8 февраля 1930 г. направил секретарям райкомов ВКП(б) поручение окружкома вызвать заведующих сберкассами районных и сельских пунктов, которые ведут лицевые счета, и дать им соответствующую установку¹⁸³. Распоряжение финансового отдела было таким: «Предлагаю под Вашу личную ответственность прекратить возврат и выдачу вкладов кулацких хозяйств (Вашим вкладчикам), а также прекратить возврат заложенных и сданных на хранение облигаций. Список кулацких хозяйств, которым задерживается возврат вкладов и облигаций, согласовать с секретарями райкомов. При раскулачивании отбираются сберкнижки и облигации и хранятся на особом учёте до особого распоряжения в сберкассах.»¹⁸⁴. Эти распоряжения явно указывают на репрессивный характер планируемых властью мер по отношению к экономически крепким крестьянам.

При осуществлении политики ликвидации кулачества, как отмечалось выше, на местах должны были руководствоваться секретной инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. Специальное постановление об этом вынес 8 февраля 1930 г. малый Президиум облисполкома ЦЧО¹⁸⁵. 19 февраля 1930 г. Борисоглебский окрисполком направил инструкцию всем председателям райисполкомов с указанием «принять к точному исполнению», «хранить строго секретно, наравне с мобпланом»¹⁸⁶. Между тем, ликвидация кулацких хозяйств в округе уже шла полным ходом. «К работе по раскулачиванию, – как докладывал обкому ВКП(б) секретарь окружкома М.И. Колесников, – в отдельных районах (Пески) приступили ещё до 20-го января, в основной массе районов с 25 января»¹⁸⁷. В Мордовском районе, например, уже 22 января 1930 г. «при активном участии бедняков по всему району было описано и взято на учёт всё кулацкое имущество», а «особо злостные кулаки, занимавшиеся вредительством – арестованы»¹⁸⁸. 22 января начали раскулачивать и в Верхне-Карачанском районе, в частности в Верхне-Карачанском сельсовете. Там было раскулачено 64 хозяйства, конфисковано 44 дома, 28 лошадей, 34 коровы¹⁸⁹.

В Солдатской слободе Борисоглебского района сельсовет выявил 15 хозяйств, владевших в прошлом кирпичными заводами, лесоразработками, эксплуатировавших по десятку батраков. Все эти кулаки, как сообщалось в окружной газете «Колхозная правда», «вели и ведут ожесточенное сопротивление против мероприятий партии и Советской власти». Кулак Мещеряков агитировал крестьян в лесу, что в колхозах «одни лодыри», середнякам там делать нечего. Он хоронил в хлеву семенной овёс, «упорно отказываясь от его сдачи в семфонд». 28 января расширенный пленум сельсовета, на котором присутствовало 200 крестьян, решил конфисковать у них всё имущество и выселить их с семьями за пределы ЦЧО¹⁹⁰. Вот, что написала газета о тех, кого раскулачили в Солдатском:

«Мещеряков И.И., торговал лесом с оборотом в несколько тысяч рублей, имел сезонных батраков. Сейчас имеет 2 лошади, жеребёнка, 2 коровы, 19 овец. Против советской власти открыто точил зубы: летом агитировал крестьян в лесу против бедноты.

Кожевников М.Г., владелец паровой мельницы, всё время применял наёмный труд, жестоко эксплуатируя батраков, до революции имел участок земли.

Овчинников И.И., крупный лесопромышленник, снимал для разработки целые делянки, имел большое количество сезонных и постоянных рабочих. В хозяйстве имел: 3 лошади, 2 коровы, 20 овец и др. Кулацкую состоятельность Овчинникова характеризуют следующие слова предсельсовета:

– Целую неделю возим от Овчинникова лес, корм и др., а конца ещё не видно.

Козлов Б.И., ярый противник всех мероприятий советской власти и партии. В хлебозаготовки и др. кампании оказывал самое упорное сопротивление, за последнее время усиленно агитировал крестьян против организации колхоза. Раньше занимался торговлей лесом.

Остальные 8 хозяйств примерно такого же типа»¹⁹¹.

У 12 хозяйств «полностью был отобран скот, инвентарь, семена, корм, оставлены пока лишь дома». Изъятые передали в колхоз «Красный факел»¹⁹².

В Артёмовском сельсовете Жердевского района 31 января у 13 кулацких семейств всё было конфисковано и передано в неделимый фонд коммуны¹⁹³. В конце января ликвидировать кулачество начали и в Алешковском районе¹⁹⁴.

Проводили раскулачивание специально созданные бригады. Так, в сельсоветах Новохопёрского района были образованы бригады по 3–5 человек из бедноты, батраков, членов ВКП(б), комсомольцев, женщин, членов сельсовета и членов колхоза. Они составляли описи по оценке конфискованного имущества, выселяли раскулаченных из домов, размещали их в другие помещения, а в отобранные дома вселяли батраков и бедноту. Всего в раскулачивании участвовало 774 человека, в том числе 77 коммунистов, 130 комсомольцев, 39 батраков, 126 бедняков, 107 членов сельсоветов, 28 женщин и 267 колхозников¹⁹⁵.

Раскулачиванию подвергли не только сельских, но и городских жителей. Президиум Новохопёрского горсовета, утвердив 8 февраля 1930 г. протоколы собраний бедноты, решил немедленно выселить из домов подлежащих раскулачиванию лиц и отобрать их имущество, у кого нет своих домов, изъять имеющееся у них имущество, а также ходатайствовать перед соответствующими органами о выселении из пределов ЦЧО «кулацко-зажиточного элемента». Всего наметили раскулачить 38 человек, занимающихся сельским хозяйством, и 58 человек, не связанных с сельским хозяйством. Дома, живой и мёртвый инвентарь, фураж и всё имущество первых надлежало передать колхозам, погасив числящиеся за раскулаченными недоимки, а имущество вторых следовало принять городскому совету. Для изъятия и перевозки кулацкого имущества было создано 15 бригад с участием в каждой из них по 1 члену горсовета и по 2 человека от батрацко-бедняцкой части колхоза. Для приёмки отобранного имущества от бригадиров на склады была образована комиссия из следующих лиц: Гаврилов, Щербаков, Калашникова. 9 февраля в 8 часов утра члены бригад созывались на инструктивное совещание с тем, чтобы они немедленно приступили к отчуждению кулацкой собственности¹⁹⁶.

Проведённый анализ документальных материалов позволяет показать динамику процесса раскулачивания. Конфискация имущества у кулаков в Бори-

соглебском округе проводилась быстрым темпом и с широким размахом. В Алешковском районе, например, к 30 января 1930 г. имущество изъяли у 254 крестьянских хозяйств, лишив их и земельных наделов¹⁹⁷. «Раскулачивание стало фактом» и в Верхне-Карачанском районе. Как отмечалось в письме районной тройки, адресованном 28 января 1930 г. всем бюро партийных ячеек и уполномоченным райкома, «в прошедшую пятидневку произвели массовое раскулачивание», всего по району раскулачили 420 хозяйств¹⁹⁸. К 4 февраля было раскулачено уже 490 хозяйств, что составляло 4,4 % к общему числу крестьянских хозяйств¹⁹⁹. У них конфисковали «300 с лишним ценных жилых помещений со всеми надворными постройками, 320 лошадей, 365 коров, 855 овец, 2 000 с лишним центнеров фуража»²⁰⁰. В связи с этим бюро райкома постановило «в дальнейшем раскулачивание производить после санкции райисполкома». Партийной фракции райисполкома было поручено срочно дать соответствующие указания сельсоветам²⁰¹. Однако, несмотря на такое распоряжение, конфискация имущества на местах не прекратилась.

В Новохопёрском районе к 10 февраля 1930 г. раскулачили 208 кулаков, у которых изъяли: домов – 202, разных надворных построек – 495, голов рабочего скота – 151, молочного скота – 145, молодняка – 129, мелкого скота – 344, разного сельхоз. инвентаря и орудий – 441, мельниц ветряных – 2, молотилок – 2, двигателей – 1, упряжек – 60 комплектов, телег, саней – 116, продуктов ржи, муки – 853 пуда, разных культур – 4 408 пудов, фуража – 12 220 пудов, денег – 435 руб. 05 коп., ценных бумаг на 310 руб., а также неучтённое количество разных вещей (одежда, мебель)²⁰².

Всего к 10 февраля 1930 г. по 10 районам округа, как докладывал 13 февраля 1930 г. в обком партии секретарь окружкома Колесников, было раскулачено 2 766 хозяйств (или в среднем 2,3 %), отобрано 1 145 домов, 554 амбара, 64 предприятия, 1 746 лошадей, 1 870 коров, 4 000 голов мелкого скота, 3 830 центнеров хлеба и 169 свиней²⁰³.

В течение февраля ликвидация кулацких хозяйств в округе продолжилась, соответственно увеличился и объём конфискованного имущества. В Русанов-

ском районе, например, по информации секретаря райкома ВКП(б) Костюкова, к 18 февраля 1930 г. было раскулачено 485 хозяйств и изъято 990 построек, 362 головы рабочего скота, 375 голов крупного рогатого скота, 621 голова мелкого скота, 41 машина, 821 единица инвентаря, 10 321 центнер фуража. Всего отобрали имущества на сумму 190 658 рублей²⁰⁴. В Верхне-Карачанском районе, как сообщал начальник районного административного отделения, к 19 февраля 1930 г. у кулаков конфисковали 349 лошадей, 397 коров, 926 овец, 1 706 центнера хлеба, 29 мельниц и промышленных предприятий²⁰⁵.

Ход кампании по раскулачиванию постоянно находился под контролем областного руководства. 20 февраля 1930 г. в Борисоглебск через окружной отдел ОГПУ поступила телеграмма от председателя облисполкома Е.И. Рябина, обязывающая окрисполком к 26 февраля сообщить следующие сведения: количество раскулаченных хозяйств отдельно по категориям, на какую сумму в рублях изъято у кулаков средств производства и другого имущества, количество земель, отведённых для расселения раскулаченных, количество создаваемых посёлков и дворов в них, список районов, где проводится ликвидация кулачества, а также количество кулацких хозяйств, использованных в трудовых дружинах²⁰⁶. Временно исполняющий должность председателя окрисполкома Дьяков 23 февраля поручил уполномоченному окрисполкома Растворову (военком – *Е.Т.*): к 24 февраля представить следующие данные о раскулаченных хозяйствах: «имущество раскулаченных хозяйств отдельно первой, второй и третьей категорий, изъято домов, хозпостроек, предприятий, лошадей, коров, свиней, мелкого скота, сложного инвентаря, плугов, телег, саней, стоимость перечисленного и кроме того стоимость прочего инвентаря»²⁰⁷.

Нами выявлен документ «Неполные сведения о раскулачивании хозяйств по Борисоглебскому округу по состоянию на 20-е февраля 1930 г. Перечень изъятого имущества», в котором подробно отражено, что и в каком количестве было отобрано у кулаков в каждом районе и всего по округу (см. приложение б)²⁰⁸. По данным таблицы видно, что за месяц в Борисоглебском округе раскулачили 4 649 крестьянских хозяйств, при этом наибольшее число раскула-

ченных хозяйств было в Песковском (568), Архангельском (555) и Верхне-Карачанском (531) районах. На эти три района в целом приходилась треть всех раскулаченных в округе хозяйств. Меньше всего хозяйств раскулачили в Таловском районе (135). Больше всего домов отобрали в Русановском районе (450), меньше – в Алешковском (122), Мордовском (123) и Борисоглебском (126). А в Новохопёрском районе без жилья остались почти все раскулаченные (у 208 хозяев было конфисковано 202 дома). Наибольшее число лошадей, крупного рогатого скота, молодняка и мелкого скота изъяли в Песковском районе. Наибольшее количество единиц сложного сельхозинвентаря конфисковали в Русановском (280) и Токарёвском (213) районах, а наименьшее – в Жердевском (15).

Содержащиеся в документе сведения свидетельствуют о различном экономическом состоянии подвергшихся раскулачиванию хозяйств. К примеру, в Алешковском районе, где раскулачили 287 хозяйств, конфисковали 150 лошадей, а в Архангельском районе – 125, хотя там раскулаченных хозяйств было почти в 2 раза больше. В Таловском районе у 135 хозяйств конфисковали 100 лошадей и почти такое же количество (105 лошадей) отобрали у 379 хозяйств в Борисоглебском районе. В Токарёвском районе у 328 хозяйств конфисковали 213 единиц сложного сельхозинвентаря, а в Жердевском районе у 366 хозяйств изъяли лишь 15 единиц. Это ли не наглядное свидетельство того, что большинство хозяйств, подвергавшихся раскулачиванию, не имели той экономической мощи, которую следовало бы «подорвать». Этот документ подтверждает также точку зрения современных исследователей, что ликвидировали кулаков не только путём «экспроприации основных средств производства», но и нередко путём «изъятия у них всего имущества»²⁰⁹.

26 февраля 1930 г. Дьяков телеграфировал в облисполком, что по «неполным данным» в округе раскулачено хозяйств первой категории 325, второй категории 825, третьей категории 3 499, изъято средств производства на сумму 2 020 тысяч рублей, выделено для расселения кулаков по округу 10 262 га земли для создания 12 посёлков и обеспечения 20 580 едоков, что ликвидация ку-

лака проводится во всех районах «дружно», организовано для лесоразработок 1 000 человек²¹⁰. Как видим, сведения о количестве раскулаченных на 20 и 26 февраля совпадают – 4 649 хозяйств, а стоимость конфискованного имущества, указанная Дьяковым, несколько выше – 2 020 тысяч рублей против 1 829 915 рублей. Можем предположить, что Дьяков специально указал областному начальству больше, чем было на самом деле, или располагал к этому времени более точными сведениями.

Эти данные, между тем, не являются окончательными, поскольку раскулачивание в округе продолжалось. Так, в Жердевском районе, по информации председателя райисполкома Завадского, на 1 марта 1930 г. раскулачили 340 хозяйств, из них с выселением за пределы ЦЧО – 129 хозяйств (719 едоков), за пределы округа – 102 хозяйства (590 едоков), за пределы района – 23 хозяйства (131 едок) и на худшие земли – 86 хозяйств (454 едока). Было отобрано 325 жилых домов, 365 амбаров и сараев, 297 риг, 147 прочих построек, 414 лошадей, 409 коров, 58 свиней, 750 овец и коз, 2½ ветряных мельниц, 1¼ механических мельниц, 1 маслобойка, 2 шерсточесалки, 132 плуга, 286 сох, 303 бороны, 1 планетка, 39 дробачей, 7 простых молотильных машин, 24 жатки, 7 сенокосилок, 3 катка, 208 телег, 7 тарантасов, 138 саней, 3 санок, 3 073 пуда разного хлеба и разного имущества на сумму 36 959 рублей 97 коп., а всего конфисковали имущества на сумму – 208 227 рублей 70 коп.²¹¹ В 19 сельсоветах Мордовского района в течение одного месяца было раскулачено 345 хозяйств, изъято и передано в колхозы 123 дома, 159 надворных построек, 112 амбаров, 86 риг, 22 предприятия, 335 лошадей, 279 коров, 625 овец, 25 свиней, 18 580 пудов фуража, 4 218 пудов хлебных культур и значительное количество сельскохозяйственного инвентаря. 110 кулаков лишили земельного надела, у 62 хозяйств изъяли 105 га – площадь озимого посева, 58 кулаков выселены на самые худшие земли, а 96 особо злостных кулацких вредителей были предназначены к высылке из пределов ЦЧО²¹². В Таловском районе, по сведениям председателя райисполкома Ефанова, к 4 марта 1930 г. раскулачили 273 хозяйства. Было изъято лошадей 219, конского молодняка 76, коров 197, мелкого рогатого скота 85,

овец и коз 380, свиней 72, сложных машин 14, плугов 130, борон 49, сеялок 12, жаток 23, ходов 59, саней 29, домов 183, из них пятистенков, крытых железом 102 и крытых соломой 20, хат 31, крестовиков и по 3 комнаты 30, всего на сумму 128 865 рублей²¹³.

Следует отметить, что не все кулацкие хозяйства были подвергнуты раскулачиванию. Например, в Туголуковском сельсовете Жердевского района к 5 марта 1930 г. из 1 100 домохозяев было раскулачено 16. Как докладывал в окружном ВКП(б) секретарь райкома Берёзкин, произошло «определённое недо-раскулачивание», поскольку село экономически «сильное»²¹⁴. Как отмечалось в постановлении Борисоглебской окружной контрольной и рабоче-крестьянской инспекции от 14 марта 1930 г., в Б.-Добринском сельсовете Елань-Коленовского района при наличии 20 % зажиточно-кулацкого населения раскулачено только 5 хозяйств – 2 %²¹⁵. Очень вяло отнеслись к раскулачиванию в Мордовском районе Лавровский и Ахматовский сельсоветы: «до сего времени здесь нет учёта кулацкого элемента и их хозяйств». В Казьминском сельсовете не раскулачен арендатор земли Б.П. Коробков, который к тому же систематически приглашается сельсоветом для обсуждения вопросов, связанных с раскулачиванием как «спец»²¹⁶. Не отобрал полностью имущество у раскулаченных и не передал его в колхоз и в селе Липяги Алешковского района председатель сельсовета, кандидат ВКП(б) Докучаев. На партийном собрании, состоявшемся 23 февраля, ему объявили за это выговор, обязав «в трёхдневный срок изъять имущество у раскулаченных и передать в колхоз»²¹⁷.

Избежали раскулачивания и жители других населённых пунктов. По сообщениям сельских корреспондентов, в слободе Красной Новохопёрского района не раскулачили С.С. Дивакова, бывшего торговца мясом, имевшего целые гурты скота и десятки наёмных рабочих. Местные руководители ссылаются на то, что Диваков стар. По той же причине не был раскулачен и В.Н. Бугаев. Б. Алабукский сельсовет Пригородного района почему-то вернул отобранный скот и другое имущество раскулаченным торгашам – Мирошникову, Гомзину и Мерешкину. В селе Артёмовке Жердевского района не раскулачили Г.М. Мармы-

шева, крупного арендатора земли, эксплуатировавшего бедноту и батраков. В селе Сукмановке Русановского района в число раскулаченных не попал А.Е. Мизгин, торговец, имеющий механическую паровую мельницу. В посёлке Ивановка Щученского района забыли раскулачить И.А. и А.В. Горбуновых, В.И. Шереметьева, А.Е. и Т.И. Рожковых, хотя они имели отрубные крупные хозяйства и предприятия. В деревне Красивке Токарёвского района не раскулачили М.Т. Вострикова, которого под видом бедняка приняли в колхоз. Михайловский сельсовет Алешковского района оставил в покое кулаков Ф.М. и И.Ф. Владыкиных, имевших мельницу и несколько батраков. В Новоголь-Еланском сельсовете Архангельского района не раскулачили Я.И. Иванова, Г.П. Вострикова, А.И. Анохина и И.А. Перегудова, их укрыл председатель сельсовета Немцов²¹⁸.

Секретарь Павлодарской сельской ячейки ВКП(б) Востриков на собраниях выступал в защиту кулака Зайцева Д.Н., у которого он стоит на квартире. Предлагая не раскулачивать его, он говорил: «Есть кулаки добрые (?!), к ним мы должны иметь особый подход»²¹⁹.

Как писала «Колхозная правда», были оставлены в покое «матёрые» кулаки Чумиков П.Е., Миронов В.И. и Колотвин в селе Пичаеве Жердевского района. Не раскулачены они потому, что у Колотвина зять Каширин являлся секретарём ячейки ВКП (б), у остальных также «свои люди» в сельсовете. В Среднем Карачане секретарь партячейки Пашков и председатель колхоза Кодаков скрыли от раскулачивания Бушкина Ф.П., с которым они «частенько выпивают». В селе Павлодаре группа бедноты и пленум сельсовета решили раскулачить Позднякова Г.В., но постановление это «до сих пор не реализовано». В Малой Грибановке раскулачили крупных собственников земли Власовых, но через некоторое время всё отобранное имущество вернули²²⁰.

В Липягах Алешковского района против раскулачивания Екатерины Бледных, которая имела собственную молотилку, мануфактурный магазин, крупную аренду земли, два дома, одни в Липягах и один в Борисоглебске, возражал кандидат ВКП(б) Астахов. Он был также против лишения избирательных

прав её дочери Раисы, «с которой гуляет». Партийное собрание сочло, что Астахов «тесно съякшался с кулацкой семьёй и потерял всякое классовое чутьё, в тот момент, когда идёт ожесточённая борьба». За «связь с кулачеством и тактическую защиту их от пролетарско-классового нажима» ему был вынесен выговор с предупреждением²²¹.

Данные факты свидетельствуют о том, что местные руководители порой по личным мотивам не одобряли политику раскулачивания. Безусловно, эти единичные случаи не отразились на ходе всей кампании. Секретарь окружкома ВКП(б) Колесников, выступая на собрании партактива Борисоглебского района 4 марта 1930 г., заявил, что работа по ликвидации кулачества как класса проводится успешно, за последнее время «развёрнута довольно широко», в основном «при активном участии батрачества и бедноты, при активной поддержке со стороны колхозников»²²². Итоги раскулачивания, как докладывал Колесников 12 марта 1930 г. секретариату обкома, были следующими: «По сведениям районов на 5 марта раскулачено по округу 4 802 х-ва или 2,9 % к числу х-в в округе. По неполным сведениям на то же число стоимость изъятого у кулаков имущества определяется суммой 2 611 194 р. По данным на 15 февраля 1930 г., отобрано домов – 1 145, амбаров – 554, лошадей – 1 746, коров – 1 870, овец – 3 934, свиней – 169, хлеба – 3 532 центн.»²²³. Следует отметить, что о количестве имущества, изъятого к 15 февраля, Колесников уже сообщал в обком партии как сведения на 10 февраля по 10 районам округа. Окружной прокурор Гуцев 9 марта 1930 г. представил в областную прокуратуру такие данные: по округу раскулачено 4 663 хозяйства, изъято имущества на сумму 2 721 414 руб.²²⁴ Некоторые различия в сведениях можно, видимо, объяснить тем, что информацию для окружного руководства низовые организации предоставляли с разной степенью полноты и точности.

Согласно сводке окружного финансового отдела, составленной по отчётам районных финансовых отделов, итог конфискации имущества у кулаков на конец апреля 1930 г. был следующим²²⁵:

Наименование районов	Кол-во кулац. хоз-в	Общая стоим. конфиск. имущества (руб.)	Конфисковано		
			Налич. денег (руб.)	Облигаций (руб.)	Других ценностей (руб.)
Алешковский	368	360 864,3	6 549,92	1 572	110
Архангельский			1 437,7	2 213	
Борисоглебский	445	330 206,5	42,22		
В-Карачанский	522	377 330	5 143,43	15	
Е-Коленовский			235,81	1 249,75	
Жердевский	340	208 227,7	4 799,82	820	715,95
Мордовский			78,4	60	
Новохопёрский	399	154 497	2 332,81	489	235
Песковский	568	212 798,1	970,70	3 275	187,14
Русановский	535	200 473,88	958,18		450
Таловский	273	128 865	3 929,98	240	
Токарёвский	428	150 107	130,83	2 267,5	
Щученский				500	
Итого	3 878	2 083 369,48	26 609,8	12 701,25	1 698,09

Как видим, в таблице нет данных о количестве раскулаченных хозяйств и стоимости конфискованного у них имущества по 4 районам: Архангельскому, Елань-Коленовскому, Мордовскому и Щученскому. Между тем, эту неполную сводку окружное руководство 6 мая 1930 г. передало по телеграфу в областной финансовый отдел²²⁶. Её данные включены в общие сведения, согласно которым в области, за исключением Белгородского и Острогожского округов, раскулачили 40 341 хозяйств (2,24 % к общему числу крестьянских хозяйств) и конфисковали имущества на сумму 14 164 619 руб. (см. приложение 7)²²⁷.

Анализ других документов позволил установить численность раскулаченных хозяйств в Елань-Коленовском районе (273), в Архангельском районе (521), в Мордовском районе (387), в Щученском районе (439). Стоимость конфискованного имущества в Архангельском районе исчислялась в 255 547 руб., в Мордовском районе – в 328 427 руб., в Щученском районе – в 249 547 руб. 99 коп.²²⁸ По нашим подсчётам, в Борисоглебском округе на конец апреля 1930 г. было раскулачено не 3 878 хозяйств, а 5 498 хозяйств, стоимость конфискованного имущества оценивалась не в 2 083 369 руб., а более, чем в 2 916 890 руб. Проведённое исследование позволяет уточнить сведения о раскулачивании и в целом по ЦЧО. С учётом наших изысканий Борисоглебский округ по количест-

ву раскулаченных хозяйств на конец апреля 1930 г. занимает не 5-е, а 3-е место, уступая Старо-Оскольскому и Орловскому округам, а по стоимости конфискованного имущества – 1-е место.

К лету 1930 г., по данным Наркомфина СССР, в стране было раскулачено 321 тыс. хозяйств, конфисковано имущества на сумму 181 559,6 тыс. руб.²²⁹ По данным информационного отдела ОГПУ о предварительных итогах раскулачивания на 17 мая 1930 г., в ЦЧО стоимость изъятого у кулаков имущества оценивалась в 17,117 млн. руб., в том числе по Борисоглебскому округу – в 3,163 млн. руб.²³⁰ Здесь, по данным на 30 мая 1930 г., как писал в облисполком председатель окрисполкома Ключев, было раскулачено 5 517 хозяйств и конфисковано имущества на сумму 3 163 145 рублей²³¹. По нашим подсчётам, в среднем у одного хозяйства конфисковали имущества на 573,3 руб., что несколько превышает общесоюзный показатель (564,2 руб.)²³².

При этом следует учесть, что сведения о стоимости изъятого имущества не являются полностью достоверными. Как отмечалось в Справке Управления госдоходами Наркомфина СССР о стоимости конфискованного у кулаков имущества на 25 июня 1930 г., «отчётные материалы о стоимости конфискованного имущества не соответствуют реальной их ценности и заведомо преуменьшены», «во многих случаях при описи кулацкого имущества последнее оценивалось очень низко, вне соответствия с его действительной стоимостью»²³³. Тем не менее, эти данные наглядно показывают, каким был объём имущества, созданный не одним поколением крестьян, в одночасье вычеркнутый из индивидуального хозяйства. Исключение такого количества материальных средств из налаженного единоличного хозяйства неминуемо обрекало его на разорение и вело к снижению уровня жизнеобеспечения как сельских, так и городских жителей. Резко сократилась и сеть частных торгово-промышленных предприятий. Так, на 1 октября 1929 г. в Борисоглебском округе имелось 628 торговых и 154 промышленных предприятий, на 1 февраля 1930 г. их осталось соответственно только 37 и 27 предприятий²³⁴. Потери в экономике и расстройство хозяйства вызвали вскоре небывалый в стране голод.

§ 4. Присвоение имущества раскулаченных

Конфискованное у кулаков имущество, согласно директивам центральной власти, должно было передаваться в основном в неделимый фонд колхозов²³⁵. Однако на практике не всё изъятое доставалось коллективным хозяйствам, часть его присваивалась теми, кто непосредственно проводил раскулачивание. Это негативное явление получило довольно широкое распространение. Так, в справке информационного отдела ОГПУ от 17 мая 1930 г. отмечалось: «Часто низовые работники и сельактивисты шли на «делёжку». В ряде мест фиксировались факты прямого присвоения самими работниками конфискованного имущества»²³⁶. Секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Чернозёмной области И.М. Варейкис 18 февраля 1930 г. докладывал в ЦК: «В отдельных местах наблюдаются моменты делёжки «по душам» забранного у кулаков имущества или продажа такового за бесценок...Имели место и факты мародёрства, когда забранное имущество расхищалось, портилось или уничтожалось. Даже член рабочей бригады одного из воронежских заводов, коммунист, взял себе отобранную у кулака шубу, зажарили взятую тут же утку»²³⁷.

Рассмотрим, каков был размах подобных злоупотреблений в Борисоглебском округе, кем они совершались и какие меры предпринимались властью для их пресечения. Анализ материалов позволил установить круг лиц, присваивавших изъятое имущество. В Верхне-Карчанском районе, например, это делали уполномоченные райкома партии и райисполкома. Против них, как сообщал в окрадмотдел 24 января 1930 г. начальник районного административного отделения, было возбуждено уголовное дело по ст. 109 УК²³⁸. В Щученском районе расхищением конфискованного имущества занимались члены сельсовета и некоторые партийцы. Здесь были выявлены также факты вымогательства под угрозой раскулачивания. По информации начальника районного административного отделения К.И. Клюкина в окружной административный отдел, за расхищение привлечён к суду один член партии, «выездная сессия» суда должна была состояться 7 февраля в Щучьем; попал под суд также один «активист», занимавшийся вымогательством²³⁹.

В Русановском районе, как докладывал 18 февраля в окружной комитет ВКП(б) секретарь райкома Костюков, «изъятием ненужных вещей (грязного рваного белья, религиозных книг у попов, снимали последнюю обувь с ног – Терновка)» занимались «отдельные работники»²⁴⁰. Одним из таких работников был присланный из Воронежа сотрудник горфинотдела Прыгунков. Назначенный уполномоченным по подготовке к весенней посевной кампании по Терновскому сельсовету, он, участвуя в раскулачивании, отбирал бельё и использовал его для собственных нужд²⁴¹, стаскивал с ног раскулаченных последние валенки, у попа взял целую кипу религиозных книг, держал у себя на квартире в Терновке корову, изъятую у кулака, и один пользовался молоком от неё²⁴². Райкомом партии отозвал Прыгункова из Терновского сельсовета и послал уполномоченным в Новоспасский сельсовет, но тот возвратился в Терновку и оставался там двое суток, «занимаясь в это время снятием последней обуви с раскулаченных женщин»²⁴³. Бюро райкома 15 февраля постановило исключить Прыгункова из партии, «немедленно отзывав его с работы уполномоченного по Новоспасскому сельсовету»²⁴⁴. 19 февраля он был откомандирован в Воронеж, о чём в обком партии доложил секретарь окружкома Колесников²⁴⁵. Сообщение об исключении Прыгункова из партии напечатала 26 февраля и окружная газета «Колхозная правда»²⁴⁶.

При проведении раскулачивания присвоение имущества и ценных предметов «в личное пользование» было допущено «отдельными неустойчивыми элементами» и в сёлах Сукмановка, Русаново, Братки Русановского района. Случаи «изъятия домашнего хлама, предметов кухонного обихода, детских приборов и снятие с кулаков сапог и пальто и даже с детей ботинок» имели место в сёлах Русаново, Терновка, Козловка. Как отмечалось 4 марта на собрании партийного актива, этим «подрывался авторитет парторганизации и создавалось мнение у колхозников, что раскулачивание необходимо коммунистам для того, чтобы обогатиться»²⁴⁷.

Партийной ячейке коммуны «Красный Октябрь» было предъявлено обвинение в разложении, искривлении классовой линии, взяточничестве. Бюро Ру-

сановского райкома партии, заслушав 6 марта на внеочередном закрытом заседании сообщение члена окрисполкома Гурьева о результатах проверки, постановило: «За куплю шубы, поступившей от раскулачивания, члену ВКП(б) тов. Пахомовой объявить выговор с занесением в учётную карточку и поставить вопрос на очередном пленуме РК о выводе из состава членов райкома, шубу вернуть гражданину, у которого она была изъята»²⁴⁸. Партийной фракции райисполкома было предложено немедленно снять с работы председателя сельсовета села Сукмановки Разинкина. Так как имелись случаи присвоения вещей, поступивших от раскулачивания, под сохранные расписки комсомольцами, партячейке коммуны «Красный Октябрь» и райкому комсомола рекомендовалось «обратить особое внимание на ячейку ВЛКСМ»²⁴⁹.

В селе Братки, как докладывал 31 марта в окружной адм.отдел начальник Русановского районного административного отделения, уполномоченный райисполкома и райкома партии Иконников пьянствовал, а также присвоил несколько вещей, отобранных у раскулаченных хозяйств²⁵⁰.

В селе Ярки Елань-Коленовского района в ликвидации кулацких хозяйств участвовала присланная для проведения коллективизации рабочая бригада из восьми человек²⁵¹. Производя изъятие имущества у Олейникова, Боженова, Котлярова и других кулаков, некоторые члены бригады «часть отчуждённого имущества, а именно: 70 головок сыра, 10 банок варенья, 5 банок масла, огурцы и проч.» – присвоили²⁵². Помощник начальника окружного административного отдела по уголовному розыску И.И. Рюмин 19 февраля сообщал начальнику районного административного отделения: «Руководителями этих злоупотреблений были члены бригады Козлов и Кобызев, работающие на консервной фабрике г. Борисоглебска... Розыском указанные сведения проверены и подтвердились»²⁵³. Бюро райкома, заслушав 16 февраля на закрытом заседании докладную записку о поведении членов этой бригады, решило: «Отдать под суд Николаева и Панкова, что же касается Ткаченко, работницы консервной фабрики, то на последнюю сообщить в фабзавком о снятии её с работы фабрики, как дискредитирующую весь коллектив рабочих на глазах крестьянской массы»²⁵⁴.

Окружной прокурор Гуцев 9 марта докладывал в областную прокуратуру, что инициаторами присвоения имущества были Панков из райколхозполеводсоюза и члены бригады Козлов и Кобызев – с консервного завода, что Панков, который во время работы был неоднократно пьяным, привлечён к уголовной ответственности»²⁵⁵.

По информации окружного прокурора, за присвоение имущества раскулаченных к уголовной ответственности были привлечены работники и в других районах округа. Так, в Борисоглебском районе сняли с работы милиционера села Калмык и на него открыли дело. Уголовное дело завели также против рабочих бригад с Жердевского маслозавода, из которых двое во время раскулачивания в селе Махровке взяли часть вещей и увезли с собой²⁵⁶. В Песковском районе было предъявлено обвинение по ст. 109 УК члену ударной группы А. Тюрину и рабочему бригады Ф. Сморчкову, присвоившим носильные вещи раскулаченных²⁵⁷. В Щученском районе за присвоение пряжи приговорили к трем месяцам принудительных работ члена Б. Песковского сельсовета Шарова²⁵⁸. В селе Таволжанка Верхне-Карачанского района четырёх комсомольцев исключили из ВЛКСМ за то, что они при раскулачивании взяли 20 фунтов мёду и поели²⁵⁹.

В Жердевском районе, как сообщал в окрадмотдел начальник районного административного отделения Конищев, установлено 10 случаев присвоения имущества раскулаченных. Из них по семи случаям дела переданы в суд и по трём велось следствие. В двух случаях были изобличены работники милиции, они оба сняты с должности и переданы суду. Старший милиционер Стерликов за ряд подобных злоупотреблений и растрату казённых денег судим показательным судом и осуждён на три года лишения свободы²⁶⁰. В двух случаях баракольство допустили уполномоченные. Как докладывал в окружном ВКП(б) секретарь Жердевского райкома Берёзкин, дело «передаётся следственным органам»²⁶¹.

По информации уполномоченного окружкома партии, сотрудника ОГПУ Зайцева, в селе Павлодар Жердевского района уполномоченные райисполкома

по раскулачиванию Агафонов и Шувалов, оценив из отобранных у кулаков домашних вещей, например, хороший ковер стоимостью 20 рублей – в 1 рубль, подушки – в 7 копеек, взяли для себя ковёр, медный таз для варенья, перины, подушки, валеные сапоги. Крестьяне выражали недовольство. Присвоенные вещи уполномоченные отвезли к одному из жителей села, а ночью отправили женам в Жердевку и Бурнак. Старший бригады член партии Березин взял себе чужие валеные сапоги. Его бригада в деревне Нижняя Поляна отобрала у «кулака» Польгова два пуда ветчины, мёд и у Мещерякова – варенье. Милиционеры также оставляли себе карманные часы, мёд, варенье. В Николаевке член ВЛКСМ Бровкин присвоил золотые серьги. В Савальском совхозе при раскулачивании монашек Илларионовых кандидат в члены партии И.Г. Волков польстился на чайную и постельную принадлежность. В селе Бурнак председатель колхоза член партии А.Ф. Александров во время раскулачивания присвоил тулуп, валеные сапоги с галошами, четыре пуда ветчины, 30 пудов мяса; шесть отнятых дойных коров он держал у себя, и сам пользовался от них молоком. На проходившем 21 февраля собрании беднота выражала недовольство этим руководителем²⁶². У завхоза артели Т.С. Колмакова милиция отобрала при обыске двое часов, 3 золотых кольца и цепочку, присвоенные им при конфискации. Колмакова сняли с работы. «Но этого мало, – писала окружная газета «Колхозная правда», – нужно за такие проделки отдавать под суд»²⁶³.

Для принятия мер в Жердевский район лично выезжал окружной прокурор Гуцев. За время пребывания в районе с 13 по 21 марта им было возбуждено шесть уголовных дел против уполномоченных по раскулачиванию «за злоупотребления и извращения» и четыре – против должностных лиц местной власти²⁶⁴. 17 марта Гуцев вместе с уполномоченным окружкома Зайцевым присутствовал на заседании бюро райкома ВКП(б), обсуждавшем работу Бурнакской партиячейки²⁶⁵. По предложению окружного прокурора отдельные члены ячейки как уполномоченные райисполкома «за искривления и злоупотребления при раскулачивании» были отданы под суд²⁶⁶. Так как следственными органами был вскрыт «ряд безобразных явлений по Бурнаку (растаскивали кулацкое имуще-

ство, перегибы при раскулачивании)», а партийная ячейка «недостаточно реагировала на все эти моменты», бюро райкома 11 апреля 1930 г. объявило секретарю Бурнакской ячейки Благодатовой строгий выговор и сняло её с работы²⁶⁷.

В Новохопёрском районе уголовное обвинение было предъявлено счетоводу А. Григорьеву за то, что тот вычеркнул из описи имущества «кулака» И.М. Кубранова и присвоил 12 фунтов сала и бутылку постного масла²⁶⁸.

Секретарь окружкома М.И. Колесников 12 марта 1930 г. докладывал в обком партии: «В отдельных местах занимались барахольством, брали мало ценное имущество (домашние вещи, кухонная посуда), и имелись случаи присвоения отчуждённых вещей в личную пользу»²⁶⁹. О таких нарушениях 12 марта 1930 г. написала и окружная газета «Колхозная правда»: «В с. Б. Даниловке Мордовского района раскулачено 20 кулаков, все их имущество было отобрано и передано в сельсовет. Сейчас наблюдается разбазаривание кулацкого имущества. Уполномоченный партиец Чернышёв взял себе валеные сапоги и часы, а комсомолец Лукьянов С.Н. забрал золотые кольца. Всё это взято за полцены»²⁷⁰. Однако этим дело не закончилось. Секретарь райкома Паньшин, выступая 21 марта на бюро с докладом «О искривлении партлинии при проведении работ по раскулачиванию и коллективизации, со стороны некоторых уполномоченных РК и РИКа», сообщил, что заведующий парткабинетом А.Г. Чернышёв, направленный уполномоченным райкома партии и райисполкома в Больше-Даниловский сельсовет, снимал с кулаков валеные сапоги и передавал их другим лицам, взял из раскулаченного имущества стенные часы и валеные сапоги и возвратил их только под принуждением. Так как Чернышёв подорвал среди населения авторитет партийного работника, бюро райкома вынесло ему строгий выговор и сняло с должности²⁷¹. Однако 16 мая бюро райкома, заслушав заявление Чернышёва о его реабилитации, отменило своё решение от 21 марта, поскольку оно было вынесено поспешно и после проверки уполномоченным ОкрКК Галенкиным не подтвердилось. Бюро постановило считать Чернышёва реабилитированным. Партийной фракции РИК было предложено «использовать» его как инструктора по работе с беднотой²⁷².

20 марта бюро Русановского райкома вернулось к обсуждению вопроса о партийной ответственности уполномоченного Прыгункова, исключённого из партии месяц назад. Представитель окружной контрольной комиссии Языков, изучив это дело, установил, что факты обвинения предварительно не расследовались, а сам Прыгунков на заседание не приглашался. Бюро райкома, подтвердив ранее предъявленные Прыгункову обвинения, приняло решение ограничиться объявлением ему строго выговора с предупреждением «в силу того, что он с условиями деревенской работы был совершенно не знаком»²⁷³.

Из этих примеров следует, что независимо от того, насколько обоснованными были предъявленные обвинения, сама возможность их выдвижения согласуется с другими, документально подтверждёнными, фактами присвоения имущества раскулаченных.

В марте 1930 г. окружные судебные органы активизировали свою деятельность по пресечению злоупотреблений при проведении раскулачивания. Они руководствовались директивами облсуда и прокуратуры, в основу которых, как отмечалось в бюллетене облсуда № 3 от 20 марта 1930 г., были положены постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении», а также решение бюро обкома от 12 марта 1930 г., принятых после известной статьи в «Правде» И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Областным руководством предлагалось «в двухнедельный срок провести ряд показательных процессов в отношении лиц, допускающих преступное головокружение (раскулачивание середняков, бедняков, специалистов и т.д.), широко освещая эти процессы в печати»²⁷⁴. Местным судам было предписано в сводках-десятидневках и в очередных бюллетенях информировать облсуд «о конкретных результатах выполнения этих директив, обязательно освещая содержание конкретных дел, рассмотренных в округе с указанием примененной меры соцзащиты, отношения масс к процессу и т.д.»²⁷⁵.

Один из показательных судебных процессов состоялся 30 марта в Русановском районе над уполномоченными райисполкома и райкома партии Евсевичевым, директором коммуны И.Е. Жигульским и секретарём сельской ячейки, из-

бачом (заведующим избой-читальней – *Е.Т.*) П.В. Поздняковым. При проведении раскулачивания в селе Кисельном, как докладывал 31 марта в окружной адмотдел начальник районного административного отделения, они производили ночные обыски в «кулацких» домах, отбирали имущество раскулаченных без занесения его в описи, часть изъятого, главным образом, продукты, обращались в пользование указанной тройки²⁷⁶. Один из них, И.Е. Жигульский, был известным в районе партийным активистом. Выступая 3 февраля 1930 г. на пленуме райкома в прениях по докладу секретаря райкома Костюкова, он предлагал решительные меры против кулаков: «Мы в Кисельном произвели раскулачивание уже к 20 января, а нужно было сделать ещё быстрее. Никак не нужно сейчас говорить о каких-то сроках проведения этой работы, она будет закончена тогда, когда у нас будет единое коммунистическое общество...Задатков под трактора собрано 500 руб. и сдано на эту цель золото, изъятое у кулачества (аплодисменты)... Нужно, по-моему, установить обязательное переселение бедняцких семей в кулацкие дома»²⁷⁷. Его слова были встречены аплодисментами. Теперь нарсуд приговорил Жигульского к пяти годам, Евсевича и Позднякова к трём годам заключения²⁷⁸. Об этом 6 апреля 1930 г. было доложено областному руководству начальником окружного административного отдела Ерофеевым²⁷⁹. После утверждения решения местного нарсуда окружным судом бюро райкома 15 апреля исключило Жигульского и Позднякова из партии²⁸⁰.

С 25 марта по 5 апреля, как указано в сводке окружного прокурора Гуцева, адресованной прокурору ЦЧО, состоялся и ряд других показательных судебных процессов. В районном центре Русаново к пяти годам заключения был приговорён председатель колхоза им. В.М. Молотова коммунист Ландин за то, что незаконно производил обыск, отбирал часть имущества себе, с кустарей Овчинникова и Нельшина вымогал тулуп, грозя их раскулачить²⁸¹. Бюро райкома ещё 15 марта по результатам обследования партийной ячейки коммуны вынесло решение снять Ландина с должности председателя правления и весь имеющийся на него материал передать судебно-следственным органам, а бюро партячейки немедленно распустить²⁸².

В посёлке Абрамовка Елань-Коленовского района «за мародёрство в момент раскулачивания» к восьми годам лишения свободы был приговорён заместитель председателя сельсовета В.П. Зотов. Пользуясь своим служебным положением, он присвоил отобранные у «кулаков» 10 мужских верхних рубашек, 6 рубашек женских, суконное пальто, суконные брюки и другие вещи²⁸³. 20 апреля бюро райкома исключило его из партии «за присвоение кулацкого имущества и за дискредитирование партии»²⁸⁴. На шесть месяцев принудительных работ осудили инструктора райколхозполеводсоюза Панкова, присвоившего продукты, отобранные у «кулаков», пьянствовавшего и незаконно пользовавшегося колхозными лошадьми во время проведения коллективизации в селе Ярки²⁸⁵.

В Новохопёрском районе на два с половиной года лишения свободы был осуждён председатель Краснянского колхоза «Гигант» В.В. Кателиков за присвоение конфискованной коровы²⁸⁶. Бюро райкома, рассмотрев на заседании 10–11 апреля представленные уполномоченным окружной контрольной комиссии Музалёвым материалы, исключило В.В. Кателикова из партии²⁸⁷.

В Жердевке к пяти месяцам принудительных работ приговорили уполномоченных сельсовета Агафонова и Шувалова за приобретение по уменьшенной расценке имущества кулаков. На год принудительных работ был осуждён и уполномоченный Кузьмин за присвоение карманных часов²⁸⁸.

Присвоение имущества раскулаченных не было явлением, характерным только исключительно для Борисоглебского округа. Подобные противоправные действия допускались ответственными работниками и в других округах ЦЧО. Например, в селе Большой Самовец Грязинского района Козловского округа, как сказано в отчёте районного уполномоченного от 28 февраля 1930 г., конфискация имущества проходила «следующим порядком»: «Все ответственные работники бросились таскать кулацкое барахло, второпях оставив бедноту в стороне от этой работы как простых наблюдателей... Было допущено мародёрство и присвоение имущества»²⁸⁹.

В Тимском районе Курского округа уполномоченный по проведению коллективизации Радин, возвратившись домой в слободу Казацкую и узнав, что

«сельсоветом вынесено постановление об отобрании имущества у кулаков и о передаче его в колхоз», сговорился с милиционером И.А. Лукьянчиковым и председателем колхоза И.Г. Лукьянчиковым и, «обсудив с ними порядок раскулачивания, выехали глубокой ночью раскулачивать кулака Радина, напившись предварительно пьяными. Подъехав к дому кулака, они выгнали его с семьей на улицу, разбили иконы, посуду, тут же часть продуктов съели, затем уехали, захватив с собой разные вещи, которые были частью между ними поделены». Районный суд приговорил всех троих к лишению свободы на полтора-два года, с запрещением занимать ответственные должности в течение трёх лет»²⁹⁰. В том же нарсуде Курского района рассматривалось дело Преображенского, командированного в Нижне-Гуторовский сельсовет для помощи по проведению коллективизации. Подсудимый раскулачил 14 «средняцких» хозяйств с «проведением полной экспроприации у них не только живого и мертвого инвентаря, но и предметов домашнего обихода», при этом «проводил систему ночных налетов». Изъятому имуществу он «не вёл никакого учёта, в силу чего оно расхищалось, разбазаривалось, продукты тут же на месте пожирались». С его разрешения члены правления колхоза «самоснабжались за счёт изъятого имущества сапогами, валенками, овчинами». Преображенский поплатился пятью годами лишения свободы с заменой ссылкой на пять лет и принудительными работами и запрещением по отбытии наказания в течение трёх лет занимать ответственные должности²⁹¹.

Итак, к присвоению имущества раскулаченных был причастен широкий круг лиц: сельские активисты, члены сельсоветов, партийцы, комсомольцы, уполномоченные райкомов партии и райисполкомов, члены рабочих бригад, милиционеры, председатели колхозов. Чаще всего присваивались продукты, одежда, бельё, обувь, другие личные вещи и предметы домашнего обихода. Для пресечения подобных злоупотреблений местные органы власти предпринимают различные меры: виновных отстраняют от должности, объявляют им выговор, исключают из партии, привлекают к уголовной ответственности. Однако все эти меры не изменили правовое положение крестьян. Раскулачивание продол-

жалось, поэтому условия для произвола представителей власти в отношении крестьянства сохранялись.

§ 5. Использование изъятой у кулаков собственности

Партийно-государственное руководство СССР считало ликвидацию кулацких хозяйств необходимым условием осуществления социалистических преобразований в деревне. Конфискованное у кулаков имущество должно было действовать организации и укреплению колхозов. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., оно передавалось райисполкомами в качестве взноса бедняков и батраков в неделимый фонд колхозов с полным погашением долгов государственным и кооперативным органам. Колхозы обязывались обеспечить полный засев переданной им земли и сдачу государству всей товарной продукции. Изъятые жилые постройки надлежало использовать на общественные нужды сельсоветов и колхозов или для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков. Паи и вклады раскулаченных в кооперативных объединениях передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества²⁹². Как отмечалось в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», конфискованное имущество кулацких хозяйств «должно передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса батраков и бедняков, вступающих в колхоз»²⁹³.

По данным Наркомзема СССР, к июлю 1930 г. в стране было раскулачено свыше 320 тыс. крестьянских хозяйств и передано в неделимые фонды колхозов изъятого имущества на сумму около 180 млн. рублей, что, по мнению советских историков, являлось значительным вкладом в колхозное строительство. М.Л. Богденко, например, писала: «Конфискация кулацкого имущества и передача его коллективным хозяйствам являлись одним из основных факторов организационного укрепления колхозов в первый период сплошной коллективи-

зации. О значении этой меры можно судить по тому, что процент экспроприированного у кулаков имущества в составе неделимых фондов колхозов к лету 1930 г. достиг в среднем по СССР 34,4»²⁹⁴. М.А. Выцлан, Н.А. Ивницкий, Ю.А. Поляков считали, что колхозы, получив изъятое имущество, «тем самым материально укреплялись»²⁹⁵.

Конфискованные средства производства, по мнению И.Я. Трифонова, «необходимо было превратить в орудие упрочения колхозов и создания нового социально-экономического строя в деревне, ибо этот зарождавшийся строй нуждался в огромной финансовой и материально-технической поддержке социалистического государства»²⁹⁶. Историк писал, что конфискованные средства производства и другое имущество «занимали заметное место в основных фондах колхозов»²⁹⁷. «Кулацкое имущество, – подчёркивал автор, – получили свыше половины всех колхозов, и в неделимых фондах отдельных из них доля его доходила до 25–40 %»²⁹⁸.

Средства производства, полученные в результате раскулачивания, в составе неделимых фондов коллективных хозяйств Центрально-Чернозёмной области, по утверждению П.Н. Шаровой, имели также «значительный вес»²⁹⁹. Отметив, что «кулацкие хозяйства сократили объём производства, перенесли свою эксплуататорскую деятельность в сферу спекуляции, ростовщичества и превращая основные производительные фонды в фонды личного потребления», она заключала: «Экспроприация средств производства у кулаков и передача их колхозам не только сохранили производительные силы сельского хозяйства, но и обеспечили им наилучшее применение как в социальном, так и в производственном отношении»³⁰⁰.

Однако при рассмотрении первых результатов раскулачивания зимой и весной 1930 г., как отмечает Н.А. Ивницкий, необходимо обратить внимание на «одно обстоятельство: хотя переданное колхозам конфискованное кулацкое имущество составляло значительный процент к общей сумме неделимого капитала в колхозах, тем не менее удельный вес его по сравнению со стоимостью кулацкого имущества в 1927 г. был небольшой»³⁰¹. Так, в ЦЧО доля изъятого и

преданного колхозам имущества раскулаченных составляла 15,1 % стоимости его в 1927 г. По мнению исследователя, это «объясняется не только занижением стоимости изъятого имущества, но и тем, что к 1930 г. экономическая мощь кулацких хозяйств в результате проведения политики ограничения и вытеснения была в значительной мере подорвана», и тем, «что кулачество к моменту экспроприации постаралось сократить своё имущество, переводя его в денежный фонд»³⁰². В ЦЧО в неделимые фонды колхозов было передано, по подсчётам Н.А. Ивницкого, 46 % имевшегося в 1929 г. кулацкого имущества³⁰³. Между тем, для получения объективного представления об использовании конфискованного у кулаков имущества одних статистических сведений недостаточно. Необходимо знать, как было налажено практическое применение изъятой собственности.

Рассмотрим, как распорядились отобранном у кулаков имуществом в Борисоглебском округе, какое ему нашли применение.

Окрисполком 20 февраля 1930 г. указал всем председателям райисполкомов, председателю Новохопёрского горсовета, налоговым инспекторам (1, 2, 3 и 4 участков) немедленно реализовать в необходимом объёме переданное в колхозы имущество кулацких хозяйств, за которыми числятся недоимки текущие или прежних лет, «для покрытия всех недоимок по налогам, несмотря на то, что хотя бы оно колхозом уже инвентаризовано, т.е. взято на учёт»³⁰⁴. Если колхоз согласен оставить это имущество за собой с уплатой его стоимости, то имущество надлежало оценить и передать по акту, обязав колхоз погасить недоимки. Конфискованное имущество должно было реализовываться через обобществлённый сектор или путём передачи его для нужд учреждений, состоящих на местном бюджете. Сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктовый скот, дома и надворные постройки следовало передавать, продавать с торгов или без торгов государственным и кооперативным организациям (артелям, колхозам, совхозам, потребительской и кредитной кооперации, государственным учреждениям и предприятиям). Для оценки имущества, передаваемого без торгов, создавались оценочные комиссии: при райисполкомах в со-

ставе представителя РИКа, заведующего финансовым отделом и представителя земельного отдела, при сельсоветах в составе председателя совета, представителя комитета крестьянской общественной взаимопомощи и представителя районного финансового отдела.

Продажи имущества с торгов надлежало производить в обычном порядке, но не допуская на торги «кулацкие элементы» и перекупщиков. Описанные в кулацких хозяйствах семена передавались колхозам или комитетам крестьянской общественной взаимопомощи по заготовительной цене. Если строение или другое имущество было необходимо для школ, больниц, агропунктов и других учреждений, состоящих на местном бюджете, то оно передавалось им при непременном условии оплаты стоимости его за счёт средств, предусмотренных по бюджету на эти нужды или из средств самообложения. Платежи за имущество, проданное государственным предприятиям, кооперативным организациям и местным учреждениям, после его передачи должны были вноситься за счёт бюджетных ассигнований или выполнения смет по самообложению, в погашение недоимок.

Руководителям районов надлежало немедленно выявить все строения и имущество и реализовать их. Им также рекомендовалось договориться с государственными, кооперативными и общественными организациями о покупке ими, как уже изъятого, так и могущего быть отчуждённым, имущества. Государственные, кооперативные и общественные организации, не имеющие собственных строений и другого необходимого им имущества и пользующиеся ими на правах аренды у частных лиц, уплачивая нередко значительные суммы арендной платы, могли приобрести строения и имущество в свою собственность за счёт сумм арендной платы и других средств. Если реализовать строения было невозможно, то их следовало передать коммунальным частям РИКов и городским отделам местного хозяйства безвозмездно с составлением приёмо-передаточного акта. После передачи имущества отделу местного хозяйства сумма недоимки списывалась со счёта недоимщика как взысканная³⁰⁵.

Окружной здравотдел, полагая, что в процессе раскулачивания будет освобождаться немало помещений, предложил закреплять их под ясли, площадки, пункты первой помощи и сельские аптеки³⁰⁶.

Специальное постановление об использовании молочного скота вынесла 16 апреля 1930 г. окружная оперативная «тройка» по руководству подготовкой и проведением весеннего сева в составе заместителя председателя окрисполкома Дьякова, члена Президиума окрисполкома, секретаря окружкома Колесникова и уполномоченного облисполкома Васильева. Райисполкомы и кооперативные организации обязывались в недельный срок точно установить количество скота, изъятого у кулаков, и скота, приобретённого заготовителями для колхозов, но находящегося ещё в индивидуальных хозяйствах, а также выявить в своём районе колхозы, которым этот скот можно было передать. Колхозы, учитывая свои возможности содержания и ухода за скотом, обязывались создавать стада крупных размеров (около 100 голов). Это касалось, прежде всего, колхозов, находящихся вблизи маслозаводов. Если в селении не имелось колхоза, который мог содержать крупное молочное стадо, скот следовало передать колхозам другого селения в пределах одного района³⁰⁷.

Необходимо отметить, что директивы по одному и тому же вопросу, данные различными органами окружной власти, содержали порой противоречивые распоряжения. Так, в телеграмме председателя окрисполкома Клюева, адресованной 6 июля 1930 г. всем райисполкомам, указывалось, что при уборке озимых посевов кулацких хозяйств надо руководствоваться следующим: 1) озимые посевы раскулаченных хозяйств, высланных за пределы округа, передаются колхозам как вклад в неделимый фонд, при отсутствии колхозов – кресткомам с зачислением стоимости озимого посева в фонд коллективизации; 2) раскулаченные, но не лишённые наделом в данном селе, пользуются озимым посевом, сдавая все товарные излишки в порядке твёрдого задания государству³⁰⁸. Окружкомом ВКП(б) 6 июня 1930 г. было дано иное предписание, что все озимые посевы раскулаченных и невосстановленных хозяйств передаются колхозам или ККОВ (комитетам крестьянской общественной взаимопомощи –

Е.Т.)³⁰⁹. Это, безусловно, не могло не вызвать у районных руководителей непонимание, как им следует поступать. Секретарь Архангельского райкома ВКП(б) Чумаков и председатель райисполкома Хитров, например, 9 июля 1930 г. обратились в окружком и окрисполком с просьбой дать разъяснение, чем им руководствоваться при использовании озимых посевов раскулаченных хозяйств: директивой окружкома об изъятии всех озимых посевов у тех, кто раскулачен, или телеграммой Ключева, согласно которой озимые посевы должны отбираться только у тех раскулаченных, кто выслан за пределы округа³¹⁰. Руководство Алешковского района также уточняло, давать ли озимый посев на несовершеннолетних детей высланных кулаков, если эти дети возвращены обратно в место прежнего жительства³¹¹. Из Русановского района 12 июля в окрисполком была направлена телеграмма следующего содержания: «Разъясните получают озимые посевы кулацкие хозяйства, наделённые земельным наделом установленной для них норме»³¹².

Подробные указания, как следует использовать конфискованное имущество, давало районное руководство. Так, бюро Верхне-Карачанского райкома 19 января 1930 г. обязало партийные ячейки и уполномоченных райкома немедленно выполнить свою директиву от 16 января об установлении охраны обобществлённого инвентаря, семян и отобранного у кулаков имущества из членов колхоза, коммунистов, комсомольцев, предупредив, что за возможные поджоги кулаками имущества колхозов «в первую голову будут нести ответственность партбюро ячеек и уполномоченные, как не принявшие меры к охране»³¹³. 25 января бюро райкома указало всем партийным ячейкам и уполномоченным райкома немедленно произвести полный и точный учёт всего отобранного у кулаков имущества, организовать охрану и определить необходимые склады и помещения³¹⁴.

Районная комиссия в составе Евсина, Литвинова, Пищугина, заслушав 28 января 1930 г. доклад секретаря Верхне-Карачанской партийной ячейки Морозова о предварительных итогах раскулачивания и отметив, что конфискованное имущество «находится в хаотическом состоянии, разбросано по различным

местам, нет охраны, нет учёта, вследствие чего возможно воровство, пропажа», также распорядилась провести «точный учёт всего отчуждённого, оценить и строго установить охрану»³¹⁵. По постановлению «тройки» «в первую голову» надлежало обеспечить отчуждёнными помещениями все советские и общественные учреждения, остальные дома заселить бедняками-колхозниками, при этом 60 % конфискованных строений следовало передать в собственность колхозов и 40 % в коммунальный фонд райисполкома. Райисполкомам следовало проверить состояние переданных колхозам домов, провести их инвентаризацию и оценку, проследить за сохранностью и ремонтом³¹⁶.

В письме, адресованном всем партийным ячейкам, «тройка» дала конкретные рекомендации по организации учёта и сбережения изъятой собственности:

«Для учёта всего отчуждённого у кулаков хозяйства и имущества выделить из 5–7 чел. авторитетные комиссии, которым поручить всё до нитки описать, оценить, положить пломбы и до сбыта хранить под надёжной охраной.

При этом озаботиться всё имущество определить в соответствующие такие помещения, чтобы ничто не гнило, не мерзло, не портилось, не вредило. Весь скот срочно пропустить через вет. саносмотр. Проследить за регулярным доением коров, за кормлением скота и его нормальным содержанием. Проследить за сохранностью малых помещений и ценных построек, бдительно следя за всеми возможными кулацкими вылазками, кулацкими группировками, пресекая это решительным путём»³¹⁷.

Конфискованное имущество надлежало использовать так. Лучшие дома срочно занять под административные, культурно-просветительные учреждения, сельсоветы, правления колхозов, ликпункты, избы-читальни, красные уголки, школы, аптеки, чайные, правления потребительских обществ. На собраниях поставить в известность бедноту о переселении в освободившиеся кулацкие дома, не занятые учреждениями, нуждающихся в жилых помещениях бедняцких хозяйств по поданным в комиссию заявлениям. Оставшиеся незанятыми дома временно прикрепить для хранения к соседним хозяйствам и к членам партии, комсомола, обязав их периодически проверять состояние строений. Надворные

постройки, риги, амбары, лес, доски использовать как строительный материал на обобществлённые скотные дворы, предварительно взяв весь лес на строгий учёт и обеспечив его хранение на складах. Весь рабочий рогатый мелкий скот и молодняк передать колхозу, а кровных жеребцов – райколхозполеводсоюзу для использования их на случных пунктах. Пчёл до весны оставить на месте, поручив уход за ними специалистам-пчеловодам из колхозников. Мясо, шерсть, кожу сдать за деньги райколхозполеводсоюзу; продовольственные культуры, ржаную муку – заготовительным пунктам; пшеничную муку сдать в потребительские общества, забронировав часть для детских яслей и детских площадок. Рожь, овёс, просо, подсолнух и другие культуры засыпать в обобществлённый семенной фонд сельсовета, остальное сдать за деньги в заготовительные пункты. Фураж, сено, яровую, ржаную солому передать в колхозы. Ценности: золото, серебро, николаевские монеты, золотые и серебряные вещи, всех видов карманные часы – немедленно перевести с надёжным человеком на хранение в районное кредитное товарищество. Кооперативные книжки сдать в правление потребительского общества для замены значащихся по ним суммам для кооперирования бедноты. Картофель, свёклу ссыпать в склады, пригодные для хранения, картофель «забронировать» как семенной материал. Деньги и облигации займов сдать на хранение в сберегательную кассу на счёт колхоза, причём деньги в последующем «обратить на погашение недоимок и спецсредств». Овощи, мёд сдать в потребительское общество для продажи за деньги. Мельницы, маслобойки и другие предприятия следовало передать колхозам, которые были обязаны их немедленно начать использовать. Колхозы получали и сельскохозяйственный инвентарь. Одежда, обувь, платья, мануфактура, а также мебель – крупная и мелкая – передавались для продажи в потребительское общество. Дрова следовало использовать на нужды местных учреждений и колхозов, а также для оказания возмездной помощи бедняцким хозяйствам; тары передавались для пользования колхозам. Комиссии по переучёту имущества надлежало все конфискованные предметы разобрать и переоценить по действительной стоимости для более быстрой их реализации и продажи. В результате реализа-

ции конфискованного имущества все имеющиеся за кулацкими хозяйствами недоимки по госналогам, сборам и спецсредствам, намеченные к отбору по плану района, должны быть полностью погашены³¹⁸. По указанию «тройки» к 5 февраля 1930 г. на местах обязаны были выполнить все эти задачи и окончательно «управиться с раскулачиванием»³¹⁹.

Однако, как свидетельствуют документы, организацией использования конфискованного имущества местным властям пришлось заниматься более длительное время, чем планировалось. Так, 4 февраля 1930 г. бюро Верхне-Карачанского райкома с участием всех уполномоченных райкома и секретарей партийных ячеек опять принимает постановление ускорить учёт, оценку всего конфискованного у кулаков имущества, погасив в срочном порядке имеющуюся задолженность за кулацкими хозяйствами государству (недоимки и т.д.), и наладить рациональное использование в колхозах всего отчуждённого³²⁰. 14 февраля бюро поручило партийным ячейкам «принять все зависящие меры к строгому учёту имущества, к полной его оценке и рациональному использованию в колхозах, решительно пресекая всякие ненормальности с использованием данного имущества»³²¹. 24 февраля бюро райкома приняло решение перечислить 25 % стоимости всего отобранного имущества в фонд бедноты для покрытия вступительных и паевых взносов, причитающихся с колхозников-бедняков, не менее 25 % конфискованного хлеба выделить для безвозвратной материальной помощи бедноте, 50 % стоимости кооперированных сумм раскулаченных перевести в фонд материальной помощи бедноте³²².

Подобные распоряжения давали руководители и других районов. Так, бюро Новохопёрского райкома ВКП(б), заседавшее 4–5 февраля с участием секретарей партийных ячеек и руководителей бригад по коллективизации и раскулачиванию, указало установить «персональную ответственность за полное и рациональное использование всего имущества и средств производства, отчуждённые от кулаков и переданные колхозам (не допуская делёжки) в основные неделимые фонды и кооперирование батраков и бедноты»³²³. Согласно постановлению Президиума Новохопёрского горсовета от 8 февраля 1930 г. дома, живой и

мёртвый инвентарь, фураж и всё имущество раскулаченных лиц, связанных с сельским хозяйством, надлежало передать колхозам, погасив этим имуществом числящиеся за раскулаченными хозяйствами недоимки; дома, живой и мёртвый инвентарь, фураж и всё имущество лиц, не связанных с сельским хозяйством, следовало принять городскому Совету³²⁴.

Бюро Мордовского райкома ВКП(б) 7 февраля обязало партийную фракцию райисполкома изъять кулацкие паевые взносы в кооперативы и передать в фонд индустриализации, лишить хозяйства кулаков посевов и передать их в неприкосновенный фонд колхозов. Было также предложено дать по сельсоветам директиву о бережном отношении к отобранному имуществу и скоту. Проверка использования конфискованного имущества поручалась райколхозполеводсоюзу и свеклосоюзу³²⁵.

В Токарёвском районе партийная фракция райисполкома и райколхозполеводсоюз должны были по решению бюро райкома от 10 февраля обеспечить «надлежащим хранением» изъятые имущество и скот, «изжив все имеющиеся случаи бесхозяйственного отношения» к имуществу со стороны сельсоветов и руководителей колхозов, ведя строгий ему учёт³²⁶. Президиум райисполкома 25 мая 1930 г. постановил отобранные кулацкие дома использовать для обеспечения помещениями детплощадок³²⁷, строения и материал, изъятые «за недоимки налогов», – для постройки школы 1-й ступени в Михайловке³²⁸. Районному финансовому отделу поручалось «стянуть в РИК все суммы самообложения, допричисленные по допривлечённым кулацким хозяйствам, для использования их на нужды районного значения»³²⁹.

Между тем, указания вышестоящих инстанций не везде выполнялись. В некоторых сельсоветах Верхне-Карачанском района, как отмечалось в информационном письме районного административного отделения от 24 января 1930 г., не были подготовлены здания для хранения изъятых имущества, оно сваливалось безразборно, не отделялось одно хозяйство от другого, что затрудняло приёмку его комиссией³³⁰. Начальник РАО писал в информационной сводке за период с 25 января по 5 февраля 1930 г.: «Случаев купли вещей кула-

ками не наблюдается. В большинстве вещи приобретаются середняками и беднотой. Имущество покупается с воодушевлением, со словами: «довольно им жить, пожилы на чужой шее и поспали на мягком, а теперь мы свой труд возьмём обратно»³³¹. В сводке РАО за период с 6 по 9 февраля 1930 г. сообщалось, что реализация изъятого имущества проходит быстрым темпом, основными покупателями являются беднота и середняки; в селе Васильевка имущество покупает беднота и «с воодушевлением хоронит буржуазию»; некоторые же жители Верхнего Карачана покупать крупные вещи (мебель, пальто) из-за мести кулаков боятся, а Нижне-Карачанские крестьяне, напротив, были уличены в спекуляции. Купив имущество в Васильевке, они продавали его затем на рынке в Нижнем Карачане³³². О том, что изъятые вещи распродавались в Верхне-Карачанском районе середнякам и бедноте, докладывал 9 марта 1930 г. в областную прокуратуру и окружной прокурор Гуцев³³³.

В Алешковском, Мордовском и Новохопёрском районах, как указано в Справке окружкома ВКП(б) о подготовительной работе по весенней посевной кампании и коллективизации, составленной 30 января 1930 г. по материалам райкомов и их уполномоченных, раскулачивание «в отдельных случаях происходило без составления описи отчуждаемого имущества»³³⁴. Отсутствие строгого учёта конфискованного имущества подтверждают и такие факты. Например, собрание кандидатской группы ВКП(б) 3 Александровского сельсовета Алешковского района 30 января 1930 г. обязало председателя сельсовета Гальцова «завести самый точный учёт всего изъятого имущества у кулаков, в корне прекратить всякое бесхозяйственное отношение к конфискованному имуществу, а в особенности к скоту»³³⁵. В Елань-Коленовском районе отдельные работники «скатывались к отбору бесценного имущества и стали на путь его разбазаривания». Бюро райкома 2 февраля постановило обратить «особое внимание» на учёт отобранного имущества, поручив партийной фракции райисполкома «в срочном порядке» дать подробные указания сельсоветам³³⁶. Партячейкам, уполномоченным райкома и сельсоветам запрещалось заниматься отборкой бесценного имущества и разбазариванием изъятого у кулаков имущества. Оно

должно было «в первую очередь» направляться на покрытие числящейся за кулаками задолженности, а остальная часть по актам передаваться колхозам³³⁷. Однако данные указания, а также памятка о переоценке конфискованного имущества не были выполнены. В связи с чем бюро райкома 21 февраля обязало фракцию райисполкома «провести немедленную концентрацию всех конфискованных и конфискуемых средств и облигаций в РИКе»³³⁸. Не соответствовала действительности оценка изъятого имущества и в Жердевском районе. Оно не всё было передано колхозам, поэтому бюро райкома 23 февраля указало произвести оценку всего кулацкого имущества и немедленно передать отобранное в фонд колхоза³³⁹.

Подобные нарушения в Борисоглебском округе носили массовый характер. В письме окрисполкома, адресованном 22 февраля 1930 г. председателям райисполкомов, отмечалось: «До сих пор в районах нет ответственного лица за правильность учёта и изъятие имущества. Директива о возложении ответственности за учёт имущества на заврайфо по ряду районов не выполнена (Борисоглебский и др.).»

Прокуратура на местах в недельный срок не проверила данную директиву, не возбудила судебного преследования за хищение и бесхозяйственное отношение к конфискованному имуществу»³⁴⁰. Окрисполкомом дал председателям райисполкомов категорическое указание: «Предлагаем в последний раз принять срочные меры к предотвращению безобразий. Виновных немедленно предавайте суду. Телеграфно в день получения настоящего сообщите фамилию ответственного за упорядочение учёта имущества»³⁴¹.

Анализ документов позволил установить, как практически применялась конфискованная у кулаков собственность. В Новохопёрском районе, например, по данным сводки на 10 февраля 1930 г., большая часть отчуждённых домов была занята батраками и беднотой, а часть – культурно-хозяйственными учреждениями³⁴². В Русановском районе, как докладывал 18 февраля в окружном ВКП(б) секретарь райкома Костюков, всё изъятое имущество передано колхозам, освобождающиеся от кулаков дома занимаются беднотой³⁴³. В селе Кирса-

новка Верхне-Карачанского района весь «отобранный скот содержится в образцовом порядке», колхозники за ним «тщательно ухаживают»³⁴⁴. В Верхне-Карачанском сельсовете колхоз получил конфискованные у кулаков 41 дом, 22 лошади, 27 коров, 43 головы мелкого скота, 28 966 руб. 85 коп. за проданное имущество³⁴⁵. В Мордовском районе в селе Черняевке дом кулака Звонарёва передан «под школу», в селе Борисовке «два кулацких дома использованы под избу-читальню и красный уголок»³⁴⁶. В селе Мазурка Песковского района раскулачили 37 хозяйств, всё их имущество немедленно было изъято и передано во вновь организовавшийся колхоз. Крупные жилые постройки кулаков заняты колхозом, в трёх домах оборудованы красные уголки, читальня и клуб, а в некоторые вселены бедняцкие семьи, не имевшие жилья³⁴⁷. В Щученском районе коммуне «Правда», по решению окрисполкома от 10 февраля 1930 г., в неделимый капитал передавался двигатель в 30 лошадиных сил, конфискованный у кулака города Борисоглебска Ивана Самойловича Суязова³⁴⁸.

Однако не везде конфискованное имущество использовалось надлежащим образом. Так, в справке информационного отдела ОГПУ от 17 мая 1930 г. отмечалось, что изъятое имущество в большинстве случаев «не учитывалось сколько-нибудь достаточно, а во многих случаях разбазаривалось», что часто низовые работники и сельские активисты шли на «делёжку», что в ряде мест фиксировались факты присвоения самими работниками конфискованного имущества, что повсеместным было «крайне небрежное отношение к конфискованному имуществу, к его хранению и целесообразной реализации», что широко использовалась распродажа и распределение средств производства «по крайне пониженной расценке», в результате чего происходило полное обесценивание имущества³⁴⁹. Подобные негативные явления отмечались и в Борисоглебском округе.

В статье «Безобразия в Грибановке», опубликованной в окружной газете «Колхозная правда», названы, например, такие факты бесхозяйственности: «В Грибановке проведено раскулачивание 18 хозяйств. Уполномоченные задались целью просто раскулачить и не подумали, как использовать отобранное у

кулаков имущество. 18 кулацких домов стоят пустые, кулацкие агенты разломали в некоторых из них печки и побили окна, а теперь агитируют: «вот смотрите, что делают». Охраны этих домов нет.

Не позаботился никто и о конфискованном скоте: он бродит по дворам на 20 градусном морозе; на морозе погибли лукошки яиц, конфискованные головотяпами».

Автор статьи делал вывод: «Подобные безобразия в использовании отобранного у кулаков имущества выгодны кулаку: они позволяют ему доказывать ненужность раскулачивания и агитировать против него. Надо организовать разумное использование имущества и наказать головотяпов-уполномоченных, которые допускают такие явления»³⁵⁰.

В I-м Песковском сельсовете Песковского района из 56 кулацких домов, переданных колхозу, «только один занят бедняком – членом колхоза, остальные или пустуют или сданы различным лицам и учреждениям под квартиры (без условий и договоров)»³⁵¹. В докладе окружной контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции, адресованном 10 марта 1930 г. в областную РКИ, неиспользованию конфискованных жилых строений дано явно одностороннее объяснение: «Вопрос занятия кулацких домов бедняками осложняется отказами с их стороны. При обследовании колхоза «Красные Пески» установлен случай отказа сгоревшего бедняка-активиста от предоставленного ему пустующего дома из-за опасения нового пожара. Подобного рода отдельные случаи указывают на то, что коллективизированные массы недостаточно ещё усвоили происходящий одновременно с коллективизацией процесс ликвидации целого класса и действуют под постоянным опасением возможности мер со стороны раскулаченных»³⁵².

На наш взгляд, нежелание бедняков вселяться в дома кулаков, прежде всего, свидетельствует о том, что лишение властью зажиточных хозяев собственного жилья воспринималось трудовым крестьянством как грабёж чужого добра и поэтому не одобрялось.

Не по-хозяйски отнеслись в ряде районов и к конфискованному скоту. В Жердевском и Токарёвском районах, как сообщал уполномоченный Коган, «как правило, везде возят на кулацких лошадях, причём крестьянин садится на лошадь и говорит «ничего, побегаешь, ты кулацкая», никто ничего не берёт с десятков разных уполномоченных, которых развозят по сёлам и которые должны платить»³⁵³. Плохим был уход за изъятым скотом, как указано в информационной сводке Щученского районного административного отделения, в Преображенском сельсовете³⁵⁴.

О данной проблеме не раз писала и газета «Колхозная правда». Так, в Среднем и Нижнем Карачане Верхне-Карачанского района «лошади и молочный скот в общественных скотных дворах содержатся грязно, ценная овсяная солома идёт на подстилку вместо ржаной; в коровьих хлевах нет окон»³⁵⁵. В статье «Привести в полный порядок отобранный скот», напечатанной 21 февраля 1930 г., о содержании животных в селе Верхний Карачан сообщались такие подробности: «Отобранные у кулаков лошади и коровы находятся в безобразном состоянии. К гр-ну Шипилову И.М., имеющему 2-х лошадей, поставили ещё 8, все они стоят по колено в грязи, ухаживают за ними случайные лица и при том очень плохо. Во двор к Савельеву В.Е. согнали 8 лошадей и 8 коров, уход и содержание за которыми точно так же плохи. К постройке стойл и кормушек верхне-карачанцы только что приступили»³⁵⁶.

Более наглядное представление об условиях содержания скота даёт акт, составленный 21 марта 1930 г. после осмотра шести скотных дворов колхоза ветврачом Д.И. Стребковым и председателем правления Верхне-Карачанского колхоза имени 12-летия Октября. Проверяющие установили, что на двух дворах находилось 36 лошадей, помещения и уход за ними удовлетворительные, но конюхи небрежно относятся к лечению лошадей. Лекарства для них, назначенные ветврачом 15 марта, до 21 марта ещё не были взяты. Молодняк крупного рогатого скота (25 голов) содержится в очень плохих условиях, неаккуратно и грязно. Скот частично загрязнён помётом голубей. Из 24-х свиней 2 хряка и 8 свиней содержатся в одном хлеве, животные лежат в сильно взрытом, сыром

навозе. Корм свиньям дают в двух совершенно непригодных корытах, стоящих на улице, около них большая грязь. Во время кормления большой хряк сильно бьёт других свиней. Поросята содержатся отдельно³⁵⁷. В момент посещения двора проверяющими свиньи ели сухой подсолнечный жмых. В котле была заварена вода с небольшим количеством жмыха. Три дня свиньи кормятся одним жмыхом в то время, когда рядом «в раскулаченном сарае» имеется много муки. Для свиней корма совсем почти нет. Маленькие поросята 5–6 недельного возраста кормятся тоже одним жмыхом. Они плохо выглядят, голодны, одна свинья с подсосными поросятами тоже голодна, в сосках нет молока, пристающих поросят бьёт³⁵⁸. Овцы и козы (65 голов), ягнята (31 голова) содержатся сносно, подкормка ягнят налажена, но корма в запасе на одни сутки, учёт окота не ведётся. Корма для кур, число голов которых не известно, при помещении совершенно нет³⁵⁹.

В связи с критической статьёй «Привести в полный порядок отобранный скот» все скотные дворы в Верхнем Карачане 25 марта 1930 г. обследовала в присутствии члена правления колхоза имени 12-летия Октября Н.Е. Еремина инструктор райколхозполеводсоюза А.Ф. Швекова. Ею было установлено, что «недостатки по части телят и коров и поросят» устранены, а «в остальном» акт, составленный ветврачом Стребковым 21 марта 1930 г., «полностью подтвердился»³⁶⁰.

В Справке о состоянии и работе по колхозному строительству в Борисоглебском округе ЦЧО от 12 июля 1930 г., составленной окружкомом ВКП(б), указаны следующие факты бесхозяйственности:

- «Имелись случаи разбазаривания подешёвке кулацкого имущества, халатность в его сохранении, неумение рационально использовать его в интересах колхоза и этим самым дача козырей в руки кулаков в их борьбе против колхозов».
- «До сих пор кулацкие постройки колхозам не переданы» (Щучье), а «лошади, принадлежащие колхозу, находятся в РИКе» (Мордово).

– «Кулацкое имущество не передаётся колхозам, а разбазаривается с/советами» (Елань-Колено).

Наблюдается и ненормальность такого рода, когда «за прикорм возвращаемого восстановленным от раскулачивания хозяйствам скота колхозам не платят, в результате чего колхозы терпят большие потери и этим создаётся почва для недовольства» (Мордово), когда «отобранные у кулаков сады были в начале переданы колхозам, а затем отобраны от них и переданы Продуктпереработке» (Мордово)³⁶¹.

Отметив большое падение поголовья скота в округе и плохие условия его содержания, окружком ВКП(б) сообщает и о таких случаях: «Отобранный у кулаков скот роздан по отдельным бедняцким хозяйствам (Щучье), в Слостёновском колхозе (Щучье) для того, чтобы получить корову, отдельные колхозники (Русаново) продали своих коров, а на вырученные деньги скупали имущество раскулаченных»³⁶².

Окружные руководители давали вполне объективную оценку использованию конфискованной у кулаков собственности: «К поступившему в неделимый капитал колхозов кулацкому имуществу не везде подошли по-хозяйски, не полностью использовав его для создания прочной экономической базы в колхозах»³⁶³.

Изучение материалов позволило выяснить, какие меры предпринимались местной властью для пресечения такой бесхозяйственности. Секретарь окружкома М.И. Колесников, выступая на собрании райпартактива, проходившем 4 марта 1930 г. в Борисоглебске, открыто заявил, что скот, отобранный у кулаков, «находится в самом бесхозяйственном состоянии» и что «с этим должна быть поведена самая решительная борьба, отдельных бесхозяйственников надо прямо снимать с работы и отдавать под суд». Критически высказался он и о неиспользовании конфискованных строений: «Раз мы отобрали у кулака дом, то надо его сейчас же хозяйственно использовать». Отметив, что крестьянство «вполне правильно возмущается таким бесхозяйственным отношением к отобранному имуществу» и что «отдельные бесхозяйственники должны привле-

каться к ответственности», секретарь окружкома предложил: «В этом деле надо поработать органам прокуратуры и суда, добром, видимо, отдельных разгильдяев не выучишь, как надо хозяйствовать».

Колесников дал конкретные указания районным руководителям, как следует использовать изъятую собственность: «Всё отобранное и переданное в колхозы имущество кулаков должно быть хорошо учтено, не допуская бесхозяйственности... Весь молочный скот, отобранный у кулаков, должен находиться в обобществлённых конюшнях. Надо из этого молочного скота создать молочные фермы и обязать колхозы значительную часть молока и масла от этих коров сдавать в наши кооперативные и государственные организации. Отдельные колхозы удосужились кулацких коров передать в индивидуальное пользование, что является абсолютно неверным.

Все дома, отобранные у кулаков, должны быть использованы в первую очередь для общественных учреждений, причём обязательно с санкцией с/совета и РИКа, а именно: для правлений колхозов, изб-читален, для яслей, детских и других культурных учреждений. Отдельные дома могут быть использованы для батрацких домов-коммун. Раз мы батрака в связи с раскулачиванием изъяли у кулака, то надо для него в колхозе создать соответствующие условия. В отдельных колхозах, где это возможно, в этих домах-коммунах организовать общественное питание»³⁶⁴.

Рассмотрим, как эта задача решалась на местах. Бюро Верхне-Карачанского райкома ВКП(б), например, 4 марта указало всем партийным ячейкам и фракции райисполкома принять меры к упорядочению использования отобранного у кулаков имущества, «ведя решительную борьбу против бесхозяйственности и расточительности». Члену партии нарсудье Сигитову было поручено к 20 марта организовать в колхозах товарищеские суды и провести с ними районное совещание³⁶⁵.

Собрание партактива Жердевского района, состоявшееся также 4 марта 1930 г., в связи с выявленными случаями расхищения изъятого у кулаков иму-

щества возложило ответственность за его сохранность на председателя коммуны, секретарей партячеек и на членов партии за покупку этого имущества³⁶⁶.

Не было проявлено «достаточной большевистской настойчивости к точному учёту имущества, поступившего от экспроприации у кулаков, и передачи его в колхозы» со стороны партячеек и отдельных уполномоченных и в Русановском районе³⁶⁷. Отметив это, собрание партийного актива с участием 78 человек, в том числе и коммунистов, присланных из Москвы, Воронежа, Борисоглебска, Тамбова для проведения весенней посевной кампании, решило: «Всё конфискованное имущество у кулаков должно быть тщательно, точно записано в описи имущества и по этим описям должно быть немедленно передано по актам правлениям колхозов в неделимый капитал, ни в коем случае не допуская какого-либо разбазаривания, выдачи вещей кому бы то ни было во временное пользование и проч. Там, где это было допущено, немедленно вернуть все вещи и на виновных наложить взыскания вплоть до предания суду»³⁶⁸. 5 марта бюро райкома поручило фракции райисполкома «немедленно проверить состояние и использование имущества, экспроприированного у кулаков»³⁶⁹. 15 марта на бюро обсуждали условия содержания скота в Терновском сельсовете. Уполномоченному райкома и партчасти правления Терновской артели было поручено урегулировать вопрос о кормах в двухдневный срок, «в противном случае» весь рабочий и продуктовый скот, поступивший от раскулачивания через Животноводсоюз, а также постройки и другое имущество будет предложено фракции райисполкома передать другим колхозам³⁷⁰.

Бюро Токарёвского райкома ВКП(б) 20 марта поручило фракции райисполкома и райколхозполеводсоюзу решить «вопрос об использовании кулацких лошадей и скота в местах, где не будут окончательно оформлены колхозы к весеннему севу»³⁷¹. В Елань-Коленовском районе отобранные у кулаков коровы находились в «распылённом состоянии, а зачастую и в бесприютности», поэтому бюро райкома 14 апреля признало целесообразным сконцентрировать их в одном месте и создать молочную ферму³⁷². В Жердевском районе в связи с распадом некоторых колхозов кулацкое имущество стало безучётно переходить в

сельсоветы, комитеты крестьянской общественной взаимопомощи и «безобразно» использоваться. Об этом «безобразном положении» уполномоченный окружкома Кулаков 21 апреля доложил на бюро райкома. Партийной фракции райисполкома и фракции полеводсоюза было поручено к 1 мая 1930 г. учесть всё имущество, выяснить, в чьём ведении оно находится, а тягловую силу, скот немедленно распределить по колхозам и «упорядочить дело» с остальным имуществом³⁷³.

На нерачительные отношение к изъятой у кулаков собственности обращало внимание и областное руководство. Так, 21 апреля 1930 г. облисполком направил во все округа следующую директиву: «По имеющимся сведениям в ряде районов пчелиные семьи, конфискованные у кулаков, до сего времени находятся под замком... и не выставлены из омшаников, что грозит полной гибелью пчелы. По поручению Президиума ОбЛИКа дайте распоряжение РИКа о немедленной передаче близлежащим колхозам конфискованных у кулаков пасек и не переданных им до сего времени»³⁷⁴. Выполняя это предписание, Борисоглебский окрисполком 26 апреля дал райисполкомам соответствующее указание³⁷⁵.

Между тем, в районах округа выявлялись новые факты бесхозяйственности. Принятие мер для их устранения по-прежнему было актуальным. Так, председатель Алешковского райисполкома Бротерский при посещении Павлодарского сельсовета установил, что конфискованные у кулаков 17 лошадей никем не использовались. Президиум райисполкома 6 мая предложил райколхозполеводсоюзу и заведующему районным земельным отделом взять этих лошадей и распределить их по колхозам³⁷⁶. В недельный срок сделать точный учёт изъятого имущества указал финансовому отделу и Президиум Верхне-Карачанского райисполкома, заседавший 7–8 мая³⁷⁷. В Русановском районе поступившие от раскулаченных тягловая сила и сельхозинвентарь, как отмечалось 17 мая на расширенном пленуме райкома, распределялись между колхозами уже в процессе сева, что «в значительной степени задерживало темп посевной кампании по колхозному сектору»³⁷⁸. В безучётном и бесхозяйственном состоянии нахо-

дились имущество и дома, отобранные у крестьян за невыполнение плана по хлебозаготовкам и принадлежащие Алешковскому райисполкому. Президиум райисполкома 2 июля поручил члену райисполкома Жукову и районному технику Старикову к 10 июля произвести инвентаризацию этого имущества и построек с обмером их площади³⁷⁹.

Лица, допустившие бесхозяйственность, подвергались и уголовному наказанию. В Верхне-Карачанском районе, как докладывал 9 марта 1930 г. в областную прокуратуру окружной прокурор Гуцев, были привлечены к ответственности по ст. 111 УК председатель правления колхоза «Имени 12 лет Октября» Широких и член правления Глотов за то, что «обмолоченное, но невяное просо в количестве 40 пудов держали на улице раскрытым под снегом целый месяц, овёс не молочен, с/х инвентарь разбросан на улице под снегом, без присмотра, изъятым у кулаков лошадям корм давался бесхозяйственно и последний валялся под ногами вязанками»³⁸⁰.

В Борисоглебском районе, по сообщению начальника районного административного отделения от 28 марта 1930 г. в окрадмотдел, под суд были отданы правления двух колхозов за то, что к конфискованному у кулаков имуществу относились «бесхозяйственно преступно»³⁸¹. Об этом факте начальник окрадмотдела 6 апреля доложил и областному руководству³⁸².

В целом организацией использования конфискованного у кулаков имущества местные власти Борисоглебского округа занимались в течение длительного времени. Отношение к изъятой собственности, прежде всего, к строениям и домашнему скоту, не везде было рачительным, а применение рациональным и эффективным. Это проявлялось и в отсутствии строго учёта конфискованного имущества, и в ненадлежащей его охране, и в плохих условиях хранения и содержания, и в неиспользовании по назначению.

Предпринятые властью меры по пресечению такой бесхозяйственности, включая уголовное наказание ответственных работников, были недостаточно эффективны, они не устраняли возможность допускать её и в дальнейшем. На наш взгляд, бесхозяйственность была неизбежна, поскольку порождалась как

быстрыми темпами раскулачивания, так и большим объёмом изъятого имущества. В результате часть этого имущества была безвозвратно утрачена.

Распространённые в историографии выводы о значительном вкладе конфискованного имущества в укрепление материальной базы колхозов материалами данной местности на подтверждается. В Борисоглебском округе у 5 517 хозяйств изъяли имущества на сумму в 3 163 145 рублей. Между тем, до раскулачивания 3 949 кулацких хозяйств владели имуществом стоимостью в 29 531 000 руб. Таким образом, только 10,7 % стоимости собственности кулаков досталось новым владельцам. Эта существенная разница объясняется не только плохим учётом конфискованного имущества и заниженной оценкой, но и тем, что часть его испортилась, уничтожилась, растащилась. Очевидно, что такой небольшой объём имущества, доставшийся колхозам, не мог играть значительную роль в укреплении их материальной базы.

§ 6. Выселение раскулаченных в Северный край

Кулаки «второй категории» подлежали выселению в отдалённые, малообжитые районы страны: Северный край, Урал, Сибирь и Казахстан. Как указывалось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», такая мера предпринималась с целью «решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-средняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контр-революционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям»³⁸³. Выселение раскулаченных было разрешено постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социального переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»³⁸⁴.

В советской историографии утверждалось, что выселение кулаков способствовало их трудовому перевоспитанию. Так, А.П. Финаров отмечал, что они получили жильё и работу в леспромхозах, на рыбных промыслах, на предпри-

ятиях лесной промышленности³⁸⁵. И.Я. Трифонов подчёркивал, что, осуществляя «ликвидацию эксплуататорских классов, диктатура пролетариата ни в коей мере не руководствовалась мотивами социальной мести в отношении бывших эксплуататоров, а ставила задачей вовлечение их в активную трудовую деятельность и постепенное перевоспитание в духе социализма»³⁸⁶. Н.А. Ивницкий также считал, что ликвидация кулачества как класса в СССР не означала физического уничтожения кулаков, а «имела своей целью, наряду с другими задачами, трудовое перевоспитание бывших эксплуататоров, превращение их в равноправных тружеников социалистического общества»³⁸⁷. По мнению советских историков, выселение кулаков содействовало решению ряда экономических задач. Так, Н.И. Платунов писал, что в основе переселенческой политики конца 1920-х гг. лежала необходимость разгрузить аграрно-перенаселённые районы европейской части СССР, ликвидировать там малоземелье, а также вовлечь в хозяйственный оборот необжитые территории на восточных окраинах страны для развития и рационального размещения производительных сил, что эта политика проводилась в интересах планового развития народного хозяйства страны³⁸⁸. Л. Рыбаковский также считал, что массовые переселения в СССР не являлись методом обоснованной демографической политики, а были средством осуществления политики государства, прежде всего, в сфере экономики³⁸⁹.

Главный акцент в современных исследованиях делается на насильственный характер выселения кулаков и значительные людские потери. По мнению Н.Я. Гущина, спецпереселения 1930-х годов являются одной из самых крупных демографических катастроф XX века³⁹⁰. Мы разделяем его точку зрения, что это была правовая, социальная и экономическая дискриминация кулаков, что отношение власти к ним как к дешёвой и быстровосполняемой «рабсиле» вело к физической гибели этого слоя крестьянства³⁹¹. К настоящему времени в научный оборот введён обширный статистический материал, позволяющий установить численность выселенных крестьянских семей из различных регионов страны, а также проследить динамику движения спецпоселенцев. Рядом учёных показаны организация функционирования спецпоселений, хозяйственное уст-

ройство выселенных крестьян, культурно-бытовые условия их жизни, а также их правовое положение³⁹². Однако не все аспекты темы исследованы ещё полно и обстоятельно. Например, нет целостной картины самой операции по выселению.

На материалах Борисоглебского округа покажем, как было организовано и проведено выселение кулаков местными органами власти.

Как отмечалось в секретной инструкции ЦИК и СНК от 4 февраля 1930 г., «организация доставки и сама доставка кулаков в отдалённые местности Союза ССР» возлагалась на ОГПУ³⁹³. 4 февраля ОГПУ окончательно определило количество выселяемых и сроки проведения операции в различных районах страны. Из Центрально-Чернозёмной области намечалось с 20 февраля по 15 апреля 1930 г. вывезти в Северный край 8 тысяч семей³⁹⁴. Заместитель полномочного представителя ОГПУ по ЦЧО Гордон, возглавивший оперативную тройку, и член опертройки начальник информационного отдела Зедин 14 февраля 1930 г. сообщили секретарю обкома ВКП(б) И.М. Варейкису, что по плану из области подлежат выселению 8 000 кулацких семейств, практически выселение начнётся 20 февраля и должно быть окончено 14 апреля, все кулаки в 23 эшелонах отправляются в Северный край³⁹⁵. Были определены пункты формирования эшелонов и составлено расписание с указанием времени их отправки и станций назначений. 17 эшелонов следовали в Архангельск, 6 – в Котлас, в каждом из них – по 1760 человек. Всего из ЦЧО переселялось 40 480 крестьян³⁹⁶.

Рассмотрим, какую подготовительную работу в связи с предстоящим выселением раскулаченных проводили местные власти. Прежде всего, они определяли кандидатуры для выселения, причём делали это с учётом данной сверху разрядки. Так, Мордовский райком партии, после получения 26 января 1930 г. телеграммы из окружкома о том, что по району намечено на выселение мало кулаков, решил провести «дополнительную работу» по выявлению кулаков и списки представить в ОГПУ³⁹⁷. Спустя месяц, 28 февраля, уполномоченный ОГПУ Знахарев проинформировал бюро райкома об «изъятии» из района 200 кулаков³⁹⁸.

Некоторые районные руководители сами инициировали увеличение количества выселяемых. Например, президиум Верхне-Карачанского райисполкома, утвердив 28 февраля для выселения 41 семью с числом едоков 150 человек, решил, что «данный наряд на выселение кулацких хозяйств не поглощает весь состав наиболее злостного кулачества, подлежащего безусловному выселению из пределов округа», а потому он обратился к президиуму окрисполкома с просьбой «о даче дополнительного наряда на выселение 150 семейств с числом едоков 550»³⁹⁹. Больше вывезти кулаков пожелали и в Песковском районе. Президиум райисполкома 13 марта 1930 г. постановил выселить за пределы ЦЧО «особо социально вредных» 76 кулацких хозяйств, а всего 300 едоков⁴⁰⁰. По сельсоветам это количество было распределено так⁴⁰¹:

1. По I Песковскому сельсовету	12 хозяйств	55 едоков
2. 2 Песковскому	7 хозяйств	32 едоков
3. Танцыреевскому	11 хозяйств	46 едоков
4. Третьяковскому	8 хозяйств	33 едоков
5. Тюковскому	10 хозяйств	26 едоков
6. Губаревскому	11 хозяйств	35 едоков
7. Воскресеновскому	1 хозяйств	5 едоков
8. Горельскому	6 хозяйств	24 едоков
9. Макашевскому	6 хозяйств	30 едоков
10. Мазурскому	4 хозяйств	16 едоков

На случай «некомплекта при выселении» президиум райисполкома дополнительно утвердил ещё 10 кулацких хозяйств с 69 едоками, из них по 1 Песковскому сельсовету – 4 хозяйства (22 едока), по 2 Песковскому сельсовету – 2 хозяйства (18 едоков), по Губаревскому сельсовету – 3 хозяйства (27 едока), по Мазурскому сельсовету – 1 хозяйство (2 едока)⁴⁰². Выписку из протокола заседания президиума райисполкома и персональный список кулацких хозяйств и членов их семей направили в окрисполком для утверждения. Однако 30 марта в окрисполком поступила другая выписка «с некоторыми изменениями», а ранее присланную председатель райисполкома Г.М. Пинюгин просил считать «недей-

ствительной»⁴⁰³. Согласно новой выписке, к выселению предназначалось большее число кулацких хозяйств – не 76, а 97 с 493 едоками и не из 10, а из 13 сельсоветов. Планировалось вывезти следующее количество семей и едоков⁴⁰⁴:

1) По 1-му Песковскому сельсовету	11 семей	67 едока
2) По 2-му Песковскому сельсовету	12 семей	69 едока
3) По Третьяковскому сельсовету	7 семей	44 едока
4) По Вихляевскому сельсовету	6 семей	32 едока
5) По Танцырейскому сельсовету	11 семей	56 едока
6) По Ст. Воскресеновскому сельсовету	1 семей	5 едока
7) По Горельскому сельсовету	7 семей	34 едока
8) По Мазурскому сельсовету	5 семей	19 едока
9) По Байчуровскому сельсовету	3 семей	15 едока
10) По Сухо-Еланскому сельсовету	3 семей	13 едока
11) По Губаревскому сельсовету	14 семей	60 едока
12) По Тюковскому сельсовету	10 семей	46 едока
13) По Макашевскому сельсовету	7 семей	36 едока

Увеличение количества выселяемых на 193 человека, как видим, было достигнуто не только за счёт имевшегося резерва, но и в связи с тем, что вывезти кулаков решили ещё и в других сельсоветах: Вихляевском, Байчуровском, Сухо-Еланском.

Как докладывал обкому партии 12 марта 1930 г. секретарь окружкома ВКП(б) М.И. Колесников, вывозу в Архангельский край подлежало 3 тысячи человек или 600 хозяйств, материал на них «обработан и идёт подготовка к их отправке»⁴⁰⁵. 27 марта 1930 г. списки выселяемых были утверждены Президиумом окрисполкома. Всего из округа запланировали вывезти 3 080 человек. По районам это количество распределялось так⁴⁰⁶:

Алешковский	район	240 человек
Архангельский	район	200 человек
Борисоглебский	район	350 человек
Верхне-Карачанский	район	150 человек

Елань-Коленовский	район	240 человек
Жердевский	район	250 человек
Мордовский	район	190 человек
Новохопёрский	район	200 человек
Песковский	район	340 человек
Русановский	район	270 человек
Таловский	район	240 человек
Токарёвский	район	230 человек
Щученский	район	180 человек

Наибольшее количество выселяемых приходилось на Борисоглебский район (350 человек) и Песковский район (340 человек), наименьшее – на Верхне-Карачанский район (150 человек) и Щученский район (180 человек). Из имевшихся в округе 317 сельсоветов и 1 855 населённых пунктов вывозилось, по нашим подсчётам, в среднем из одного сельсовета около десяти кулаков, а из одного населённого пункта – один, два кулака.

Для обеспечения принудительного вывоза крестьян на новое место жительства в установленные сроки местными органами власти решались такие практические задачи, как мобилизация для проведения выселения необходимого количества людей, выделение подвод, снабжение выселяемых одеждой и продуктами, установление маршрутов следования к сборным пунктам, оборудование сборных пунктов. Бюро Мордовского райкома ВКП(б), например, поручило партийной фракции райисполкома «подработать вопрос обеспечения намеченных к выселению кулаков средствами: а) питания на срок 2 недели, б) тёплой одеждой, в) средствами производства (пилы, топоры и т.п.)»⁴⁰⁷. В Новохопёрске 1 марта 1930 г. состоялось заседание бюро райкома ВКП(б) с участием уполномоченного ОГПУ Тимофеева, уполномоченного окружной контрольной комиссии Музалёва и начальника районного административного отделения Фастыковского. По сообщению райуполномоченного ОГПУ Тимофеева из района предстояло выселить 47 семей (168 человек). Для ведения разъяснительной работы с батраками, беднотой и подготовки соответствующе-

го общественного мнения бюро выделило 9 «ответственных товарищей»: Фастыковского, Игнатова, Брагина, Шефрана, Козленкова, Жуковского, Наседкина, Некрутова, Музалёва. Для снабжения кулаков и их семей необходимой тёплой одеждой, инструментами, продуктами партийной фракции райисполкома поручалось «разрешить вопрос на месте при отправлении отобранных кулацких вещей». Ответственные работники обязаны были к 5 марта выявить на месте «имеющиеся в наличии» у кулаков одежду и необходимые вещи⁴⁰⁸.

К этому времени областное руководство уже располагало сведениями о различных нарушениях, допущенных при выселении кулаков. Чтобы они не повторились в Борисоглебском округе, председатель облисполкома Е.И. Рябинин 10 марта 1930 г. послал туда следующую телеграмму: «Работа по выселению кулаков второй категории – ряде случаев проходит плохо. Местные советские органы, сельсоветы, РИКи этому вопросу уделяют мало внимания. Отмечены случаи выселения семей красноармейцев, середняков, бывших красных партизан, даже бедняков, выселяют инвалидов, стариков и детей. Не соблюдается требование оставления выселяемым минимум необходимого для переезда и обустройства на месте в условиях севера. Момент отправки эшелонов не доставляют выселяемых, эшелоны не догружают. Категорически предлагаю под личную ответственность председателей окружных и районных исполкомов изжить указанные ненормальности, выделить уполномоченных исполкомов по выселению, сообщить их фамилии»⁴⁰⁹. 11 марта копия телеграммы из Борисоглебска была направлена всем председателям райисполкомов⁴¹⁰.

Как на местах выполнялись данные «сверху» распоряжения, можно судить по таким фактам. Председатель Алешковского райисполкома Шобанов, например, уже 17 марта 1930 г. представил окружному начальству список назначенных уполномоченных по выселению, указав при этом, по каким сельсоветам они распределены:

- «1) Никитин по Павлодарскому и 1-му Александровскому с/советам
- 2) Прокопенко по Шпикуловскому и Михайловскому с/советам
- 3) Литиновский по Алешковскому с/совету

- 4) Гичин по 3-му Александровскому и Липяговскому с/советам
 5) Пенкин по 2-му Александровскому и Володарскому с/советам
 и районным уполномоченным выделен Ерофеев»⁴¹¹.

На состоявшемся 17 марта пленуме Новохопёрского райкома ВКП(б), член окружкома Семовских заявил, что тем кулакам, которых будут выселять, нужно приготовить тёплую одежду, чтобы сохранить спокойствие и доставить их до места. Этим вопросом следовало заняться «сейчас же»⁴¹².

Наглядное представление о том, какие конкретные мероприятия были намечены местной властью для обеспечения выселения кулаков и какие силы для этого привлекались, даёт план проведения выселения кулаков и их семей, утверждённый 13 марта 1930 г. Президиумом Песковского райисполкома. Для руководства выселением был создан районный штаб. В его состав вошли председатель райисполкома Пинюгин, секретарь райкома ВКП(б) Чистяков и начальник районного административного отделения Дякин. В полное распоряжение штаба поступали все члены партии, комсомольцы, милиционеры, советские, профсоюзные работники, обязанные беспрекословно выполнять все его задания. Для доставки выселяемых в город Борисоглебск был установлен 72-часовой срок, т.е. трое суток. Район был разбит на 4 участка:

1 участок – Песковский, с центром село Пески, в него входили 1 и 2 Песковские, Воскресёновский и Мазурский сельсоветы, ответственным уполномоченным являлся председатель райисполкома Г.М. Пинюгин;

2 участок – Танцыреевский, с центром село Танцыреи, в него входили Танцыреевский и Третьяковский сельсоветы, ответственным уполномоченным являлся Гомзин;

3 участок – Губарёвский, с центром село Губари, в него входила Тюковка, ответственным уполномоченным являлся Алексей Кузнецов.

4 участок – Макашевский и Горельский, с центром село Горелка, уполномоченными являлись Свириденко, Евстигнеев.

Для связи с райисполкомом сельсоветами выделялось «по одному хорошо развитому верховому». В каждом сельсовете создавалась ударная группа, кото-

рая под руководством ответственного уполномоченного райисполкома, проводила выселение кулаков. Она мобилизовывала необходимое количество подвод и заготавливала вещевое довольствие и продукты. К 14 марта в райисполком из сельсоветов должны были доставить тулупы, шубы, валенки, бельё, а к 20 марта – продовольствие. Райисполком через уполномоченных дал сельсоветам распоряжение установить, сколько хозяйств и едоков подлежат выселению и сколько для этого надо мобилизовать подвод. Кулаки и их члены семьи должны быть одеты в тёплую одежду (валенки, полушубки, шапки, тулупы) и в запасе иметь по одной паре белья. Каждому хозяйству разрешалось «захватить» на месяц продовольствия (мука, хлеб, пшено, картофель), а всего полагалось взять багажа от 15 до 30 пудов, состоящего из продуктов, домашних вещей (обуви, одежды, постельных принадлежностей, пил, топоров), слесарно-плотничного инструмента, а также кухонных принадлежностей (горшков, чугунов, вёдер). Ни в коем случае не допускалась погрузка громадных вещей: сундуков, кадучек, коек, столов, стульев, шкафов.

На ответственного уполномоченного райисполкома возлагалась доставка выселяемых на пункты назначения. Для неё был установлен 48-часовой срок и определены следующие маршруты следования: 1 и 2 Песковский, Воскресеновский, Мазурский сельсоветы прибывают в село Пески, Танцыреи и Третьяки – в Танцыреи, Горелка – в Тюковку, Макашевка – в Губари. Из Песковского пункта обозы с выселяемыми следовали через Танцыреи, захватывали танцырейских и направлялись на Борисоглебск, из Губарей двигались через Тюковку и вместе с тюковцами далее на Борисоглебск, из Макашевки – на Горелку и затем на Борисоглебск. В случае разлива Хопра и невозможности проехать в Борисоглебск гужевым путём предусматривалось использовать специальный паровоз с 8 вагонами: 6 вагонов под людей, по 50 человек в каждом, всего на 300 человек, и 2 вагона под багаж на 1000 пудов. Для доставки выселяемых к станциям и посадки в вагоны Песковский район был разбит на три участка:

1 участок: село Пески и станция Воскресёновка подвозят к станции Кардаил, комендантом является Сорокин.

2 участок: село Мазурка подвозит к станции Мазурка, комендантом является Гребенников.

3 участок: села Горелка-Макашевка подвозит к станции Байчурово, комендант Свириденко.

4 участок: Танцыреи с Третьяками, Тюковка с Губарями, с центрами Танцыреи-Тюковка отправляются гужевым путём на Борисоглебск. Ответственные уполномоченные по Танцыреям и Третьякам Гомзин, по Тюковке и Губарям Алексей Кузнецов.

Первоначальная погрузка выселяемых в вагоны, согласно плану, делалась на станции Байчурово, затем состав следовал на Мазурку, захватив там кулаков, направлялся на Кардаил, забирал кулаков из Песок и далее двигался на Борисоглебск⁴¹³.

В план выселения не были включены Сухо-Еланский, Вихляевский, Раздольевский и Кардаильский сельсоветы, так как уполномоченный райисполкома Марков увёз материалы для проработки на местах и к 9–10 марта 1930 г. их не представил.

О том, каким был объём предстоящей работы, можно судить по «Сводной ведомости к плану РИКа по проводимой работе по выселению кулацких хозяйств с семьями из Песковского района» (см. приложение 8)⁴¹⁴. Как свидетельствует документ, местные власти основательно готовились к этой операции. По каждому сельсовету было намечено, какое количество кулаков подлежит выселению, сколько людей необходимо привлечь для его проведения, сколько требовалось подвод для доставки выселяемых на станцию, какое количество тулупов, шуб, валенок, белья, продовольствия следовало собрать для них. Однако это было вызвано, на наш взгляд, не трогательной заботой власти о раскулаченных, а, прежде всего, стремлением провести выселение кулаков максимально организованно и в указанные сроки, не допустив его срыва недовольством населения.

К проведению выселения раскулаченных в Борисоглебском округе приступили 19 марта 1930 г. Накануне, 17 марта, окружком ВКП(б) и окрисполком

направили секретарям райкомов, председателям райисполкомов и начальникам районных оперативных групп секретную директиву со следующими указаниями:

«1) Мобилизовать необходимое количество, как партийного, комсомольского состава района, так и сельского актива.

2) Обеспечить своевременную и быструю доставку выселяемых в пункты погрузки, с таким расчётом, чтобы они прибыли в последний по указанию нач. опергруппы.

3) Обеспечить семьи выселяемых тёплой одеждой, обувью и бельём в установленном количестве.

4) Те семьи выселяемые, у коих нет продовольствия, обеспечить последних на 6–7 дней.

5) Обеспечить выселяемых, у коих отобраны необходимым количеством инструментов для лесоразработок.

6) Ни в коем случае не допустить в число выселяемых бедняка, середняка и т.д., а так же категорически запрещается выселять: а) семьи кулаков, у коих дети служат в РККА, и б) семьи кулаков, в составе которых нет трудоспособных мужчин.

7) Пункты концентрации кулаков обеспечить надежной охраной»⁴¹⁵.

Предупреждение окружного руководства, что «никакие объективные причины в оправдание приниматься не будут» и что «цифры района и сроки тверды и нарушение их повлечёт за собой строжайшую ответственность в партийном и судебном порядке», делало исполнение этих указаний безоговорочным⁴¹⁶.

Для организации выселения раскулаченных непосредственно на места выехали представители различных органов власти. Так, 19 марта 1930 г. в заседании бюро Новохопёрского райкома ВКП(б) участвовали уполномоченный окружного комитета Семовских, уполномоченный окружной контрольной комиссии Музалёв, начальник районного административного отделения Фастыковский, уполномоченный обкома по весенне-посевной кампании Гаиш, председатель райисполкома Чугунов, заведующий районным финансовым отделом

Савельев, заведующий районным земельным отделом Молчанов, помощник начальника окружного административного отдела Костин, начальник оперативной тройки Боровин, сотрудник ГПУ Гусев, уполномоченный ГПУ Тимофеев, от РКСМ Студеникин, от кабинета пропаганды Бакланов. Заслушав доклад Боровина о директиве окружкома ВКП(б) по выселению кулаков, бюро сразу же наметило практические мероприятия. Для осуществления операции по населённым пунктам были назначены следующие уполномоченные: Долматов (Красное), Гаиш (Алфёровка), Жуковский (Московский), Алюков (Старожильский), Брагин (Каменка-Садовка), Игнатов (Центральский), Молчанов (Богдань), Музалёв (Пыховка), Полещук (Половцево), Нацутов (город), Савельев (Кочерга), Левин (Аверинка).

Уполномоченные и секретари партячеек обязывались под персональную ответственность «проявить максимум сурьёзности в части проверки всех данных, характеризующих действительность кулацкого х-ва, подлежащего изъятию как социально опасного (классового врага) для об-ва, придерживаясь точному выполнению директив ОК ВКП(б)». Им поручалось 20 марта 1930 г. выехать на места, до 22 марта провести проверочно-подготовительную работу материалов и утром 22 марта приступить к практическому выселению. В случае оказания населением сопротивления изъятию кулаков, уполномоченным надлежало сообщить об этом начальнику оперативной группы, «не проявляя мер репрессии, кроме разъяснительной работы». Уполномоченные и секретари партячеек должны были подготовить коммунистов, комсомольцев, батраков, бедняков, колхозников «по-боевому», что могло обеспечить «правильность и своевременность» выполнения этой операции. Концентрацию кулацких семей сочли целесообразным организовать не в городе, а на железнодорожной станции Новохопёрск. В связи с чем партийной фракции райисполкома было поручено дать распоряжение рабсовету и заведующей школой об освобождении помещений, клуба и школы, а председателю райисполкома Игнатову предстояло «разрешить вопрос с довольствием и др. хоз. нуждами опергруппы, а также высланных кулаков». Начальнику коммунистического отряда Фастыковскому

надлежало проверить и привести в боевую готовность комотряд, установив соответствующий порядок несения караульной службы на погрузочном пункте станции Новохопёрск. Персональную ответственность за это нёс помощник начальника отряда Алаторцев⁴¹⁷.

Выселение кулаков, как отмечалось выше, возлагалось на местные органы ОГПУ. Им оказывалась финансовая поддержка. Так, бюро партийной фракции Борисоглебского окрисполкома 1 апреля 1930 г. постановило выдать окружному отделу ГПУ на оперативные расходы четыре тысячи рублей⁴¹⁸.

Выселять кулаков ОГПУ повсеместно помогала милиция. В Токарёвском районе, например, как докладывал 23 марта 1930 г. в окружной адмотдел начальник районного административного отделения Уткин, старшие и ведомственные милиционеры были переведены на казарменное положение в особо отведённом помещении. Они использовались для пополнения «боевых бригад», созданных райкомом и райисполкомом под руководством уполномоченных ОГПУ, для конвоирования при сопровождении групп кулаков к пунктам отправления. В результате выселение прошло быстрым темпом. Всего было выселено 57 семей, 202 человека⁴¹⁹. В сведениях, представленных 10 мая 1930 г. из Токарёвского РАО в ОкраАО также указывалось, что его работники приняли активное участие «в деле ликвидации кулачества»: помогали на местах агентам ОГПУ выявлять кулаков, выселяли кулаков, вели наблюдение за их действиями, «своевременно принимали к ним соответствующие меры»⁴²⁰.

На вывоз кулаков были брошены все силы милиции и в Жердевском районе. Выселение там, как отмечалось в информационной сводке РАО, осуществлялось «при крайне слабой активности батрачества и бедноты», поэтому основная тяжесть работы легла на сотрудников общегосударственной и ведомственной милиции⁴²¹. Как докладывал в ОкраАО начальник районного административного отделения Конищев, на время проведения кампании из ведомственных милиционеров была создана группа в количестве 14 человек и, кроме того, организована группа из 30 членов партии и ВЛКСМ. Из 340 раскулаченных хозяйств выселили 58 хозяйств, 282 человека. Милиционеры находились в распо-

ряжении оперативного штаба, проводившего работу в Жердевском, Русановском и Архангельском районах, и использовались при выселении кулаков, при конфискации их имущества, при конвоировании раскулаченных до станции Жердевка, для мобилизации перевозочных средств, для охраны помещений, занятых выселяемыми семьями и для надзора за общественным порядком в сельских местностях⁴²². По сообщению заместителя начальника Жердевского РАО Сысоева, милиционеры посылались в сёла для доставки кулаков в оперативный штаб ОГПУ, ведомственные милиционеры стояли на постах и охраняли кулаков, по требованию оперативного штаба срочно предоставляли лошадей, взяв их у крестьян посёлка Чибизовка и у приезжих граждан⁴²³.

В Борисоглебском районе, как указано в информационной сводке Окрадм-отдела, все работники РАО «для оперативных действий разбиты по тем селениям, откуда происходит изъятие кулаков»⁴²⁴. Милиционерами пресекались и попытки крестьян избежать выселения. Вот, что сообщал об этом начальник Борисоглебского РАО: «Из района выселяются 365 едоков, при чём при моменте стягивания в город на предмет выселения из намеченных к высылке 15 кулаков мужчин бежало, из них 10 человек принятыми мерами розыска найдены, следовательно часть работников РАО в данный момент непосредственно заняты вопросом выселения, ибо есть опасения, что бежавшая часть займётся преступными деяниями»⁴²⁵.

Между тем, при проведении выселения кулаков властные структуры не всегда действовали согласованно. В подтверждение приведём следующие факты. Окружной отдел ОГПУ мобилизовал на работу «по изъятию кулачества» помощника окружного прокурора Ковалёва и нарследователя по Песковскому району Алёшина. Ковалёв выехал в один из районов до 5 апреля. Однако против такого распоряжения был окружной прокурор Гуцев. 27 марта он обратился к секретарю окружкома ВКП(б) с таким письмом: «В органах расследования мы имеем сейчас большой наплыв дел, связанных с весенней с/х кампанией, требуется скорейшее их продвижение и разбор в суде, – всё это возможно сделать только при одном условии, если прокурорско-следственные работники бу-

дуг использованы по своему прямому назначению, о чём уже неоднократно поднимался вопрос на бюро окружкома и по этому поводу есть полная договоренность.

Я считаю, что посылка пом. прокурора тов. Ковалёва как оперативного работника по линии ГПУ явно нецелесообразна и прошу его вернуть.

Нарслед Алёшин мне сообщил, что все следственные дела у него приостановлены расследованием, тогда как в его производстве имеются довольно важные политические дела (о преследовании школьной работницы Поминовой, по которому имеется постановление Окр КК окончить его расследование к 1.IV.30 г. и др.). Такое положение надо признать явно ненормальным, когда нарслед и прокурор возят из деревни в город кулаков, а политическо-следственные дела лежат без движения»⁴²⁶.

В Мордовском районе выселение кулаков поручили военному комиссару Трунову, но тот отказался. Как объяснил Трунов в письме окружной контрольной комиссии, он «совершенно не знал», что 20 марта будет производиться «изъятие кулака». На совещание при райкоме партии, где обсуждался «вопрос об изъятии кулачества», состоявшееся вечером 19 марта, он не был приглашён. Его, как члена ВКП(б) и начальника гарнизона, не поставили даже в известность, что будет проведена такая операция. 20 марта Трунову позвонили из сельсовета и попросили прийти на один час. Когда он пришёл в сельсовет, уполномоченный райкома и райисполкома Почалов стал давать ему список кулаков, говоря: «Взять, посадить их и привести в РИК». Так как цель поручения Почалов не объяснил, райвоенком это «принял не как выселение кулака из пределов района, а как простое освобождение квартир». Имея срочные неотложные мобилизационные задания, которые надлежало выполнить в минимальный срок, и, считая, что освобождение квартир менее важная работа, чем мобилизационная, Трунов от поручения отказался. Привлечение военкома к выселению кулаков являлось нарушением директивы начальника ПУМВО от 10/II-30 г. и директивы ЦК ВКП(б) от 6/II-30 г. о запрещении мобилизации военных работников для проведения разных кампаний по общепартийной и советской ли-

нии⁴²⁷. Между тем, уже вечером 20 марта член окружной оперативной «тройки» Трошин произвёл на квартире Трунова обыск, а его самого арестовал. Целые сутки райвоенком находился под арестом и был освобождён только после особого распоряжения окружного отдела ОГПУ⁴²⁸. Отказ Трунова выселять кулаков из-за «перегруженности» своей работы бюро Мордовского райкома 21 марта признало необоснованным и приняло решение просить окружной военкомат снять его с должности, а дело для расследования передать уполномоченному окружной контрольной комиссии Галенкину⁴²⁹. 29 апреля бюро райкома объявило Трунову, члену партии с 1919 г., строгий выговор⁴³⁰.

Следует отметить, что некоторые представители местной власти даже пытались помочь раскулаченным избежать выселения. Так, в Борисоглебском районе милиционер Голомазов явился к родственникам и рассказал им, что утром будут выселять кулаков. Узнав об этом, две семьи скрылись. Хотя впоследствии они были разысканы, Голомазова, как докладывал в Окрадмотдел начальник РАО, арестовали и поместили под стражу ОГПУ⁴³¹. Секретно-оперативное решение Мордовского райкома ВКП(б) «в части выселения кулачества» «провозгласил среди чуждого элемента (кулаков)» и уполномоченный райкома в Казьминском сельсовете Рязанцев. За это бюро райкома 21 марта исключило его из партии⁴³².

Подлежащие выселению крестьянские семьи организованно свозились на пункты сбора. В Борисоглебском округе было организовано четыре таких пункта: Борисоглебский, Новохопёрский, Жердевский, Мордовский. Достаточно подробные сведения о том, что из себя представляли эти пункты и как они функционировали, содержатся в сводке оперативной группы окружного отдела ОГПУ за 24 марта 1930 г.:

«Борисоглебский пункт: установлено суточное дежурство врача, который обслуживает по заявлениям выселяемых. Люди находятся в помещении бани и стесненности не имеют. Ежедневно предоставляется кипяток. В большинстве случаев питание производится своими продуктами, т.к. для них разрешена передача. В отдельных случаях нуждающимся выдается по 400 гр. хлеба на едока

и обед (кулеш с картофелем и постным маслом) в два дня один раз. Случаев заболевания инфекционными заболеваниями не отмечено.

Новохопёрский пункт: Состояние пункта удовлетворительное. Нуждающиеся лица снабжаются в пределах возможности хлебом, имеется кипяток. Для приготовления пищи имеется плита и военная кухня. Три помещения, где находятся выселяемые – недостатков не имеют. При пунктах имеется медперсонал, который обслуживает их запросы. Случаев заболеваний инфекционными заболеваниями – не отмечено.

Жердевский пункт: Выселяемые размещены в трёх больших помещениях, которые хорошо оборудованы, протапливаются, освещаются, проветриваются. Питание производится за счёт выселяемых, которые имеют лишний запас продуктов, а для особо нуждающихся РИКом отпущено пшена и муки. При пункте имеется врач, обслуживающий больных. Случаев заболеваний инфекционными болезнями не отмечено.

Мордовский пункт: Помещения для выселяемых предоставлены оборудованные. Продуктовым довольствием обеспечены, для нуждающихся ежедневно готовится «кулеш». При пункте работают 1 врач, 1 фельдшер. На случай появления больных заразными болезнями – отведён изолятор»⁴³³.

Состояние пунктов находилось под контролем окружного и областного руководства ОГПУ. В Жердевский и Мордовский пункты, например, 25 марта выезжали начальник окружного отдела ОГПУ Дамберг и уполномоченный от полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО Ревин»⁴³⁴.

По оценке работников ОГПУ, условия для выселяемых кулаков в пунктах концентрации были «благоприятные»: крестьян окружал соответствующий медицинский надзор, что позволило избежать появления и массового распространения инфекционных заболеваний⁴³⁵. В Борисоглебском пункте, например, 26 марта были зарегистрированы только 2 случая заболеваний детей с подозрением на скарлатину. Больных немедленно изолировали и направили в больницу, а все помещения, где содержались кулаки, подвергли дезинфекции⁴³⁶. Допускались, между тем, и «перегибы». В Мордовском пункте всем находящимся

там выселяемым (664 человека) по распоряжению члена окружной «тройки» Трошина, без ведома окружного отдела ОГПУ, сделали прививку от оспы⁴³⁷.

На какие средства обустроивались и содержались эти пункты сбора, можно узнать из переписки между представителями районной и окружной власти. Председатель Жердевского райисполкома Завадский 28 марта 1930 г. направил в окрисполком такое письмо: «Просьба сделать распоряжение о переводе РИКу ассигнованную сумму денег для содержания присланного отряда, кроме этого райисполком несет расходы по охране сборных пунктов, где находятся раскулаченные семьи, по отоплению помещений и т.д. Просьба сообщить, кем будут оплачиваться эти расходы, в утвердительном случае районный исполнительный комитет составит расходную смету и представит для возмещения произведённых расходов»⁴³⁸. 30 марта окружное руководство дало следующий ответ: «1) На содержание ком. отрядов отпущены средства из окрбюджета и РИКом из бюджета средств не отпускать. 2) На питание и содержание высылаемых кулаков использовать только фонды раскулаченных»⁴³⁹.

На расходы, связанные с выселением кулаков, бюро фракции ВКП(б) окрисполкома 1 апреля 1930 г. постановило также использовать 50 % отчисления от зарплаты кулаков, работающих на лесоразработках⁴⁴⁰.

На содержание пунктов сбора, как явствует из документов, деньги выделялись из окружного бюджета, но недостаточное количество, поэтому на местах вынуждены были дополнительно брать деньги из районных бюджетов, а также привлекать средства, конфискованные у кулаков.

Каждый пункт принимал выселяемых из ближайших районов. Так, в Борисоглебский пункт везли раскулаченных из Верхне-Карачанского, Песковского, Борисоглебского, Алешковского районов; в Новохопёрский пункт – из Таловского, Елань-Коленовского, Новохопёрского районов; в Мордовский пункт – из Токарёвского, Щученского, Мордовского районов; в Жердевский пункт – из Русановского, Архангельского, Жердевского районов.

Динамику доставки выселяемых на пункты можно проследить по оперативным сводкам, составленным группой окружного отдела ОГПУ. Согласно

оперативной сводке № 8, с 21 по 24 марта 1930 г. пунктами было принято следующее количество выселяемых:

1) Борисоглебский пункт – 249 хозяйств (1165 человек), отдельно мужчин от 18 лет – 321 человек; кроме этих 1165 человек завезено по бездорожью в Новохопёрский пункт 45 человек; всего по пункту поступило 1210 человек;

2) Новохопёрский пункт – 121 хозяйство (646 человек), отдельно мужчин от 18 лет – 202 человека;

3) Мордовский пункт – 119 хозяйств (664 человека), отдельно мужчин от 18 лет – 217 человек;

4) Жердевский пункт – 139 хозяйств (638 человек), отдельно мужчин от 18 лет – 202 человека.

Всего на четырёх пунктах было сосредоточено 628 хозяйств (3158 человек), из них мужчин от 18 лет – 942 человека⁴⁴¹. Намеченное окрисполкомом количество выселяемых в 3 080 человек превышено, как видим, на 78 человек. Это был резерв на случай отсева по возрасту, болезненного состояния и другим причинам. Таким образом, уже к 24 марта план по выселению выполнили в округе на 102,24 %. Перевыполнен план был по Борисоглебскому (112,31 %) и Мордовскому (110,66 %) пунктам, не выполнен – по Жердевскому (88,6 %) и Новохопёрскому (92 %) пунктам⁴⁴².

В последующие два дня на пункты продолжали подвозить выселяемых. 25 марта они поступили только в Новохопёрский и Жердевский пункты, т.е. туда, где план по выселению ещё не выполнили⁴⁴³. По данным оперативной сводки № 10, на 26 марта количество выселяемых на пунктах было следующим⁴⁴⁴:

№/№ по порядку	Пункты концентрации	По плану подлежит доставке на пункт	На 26/III-30 г.			Доставлено сверх плана (резерв)
			Колич. хоз.	Общ. числ. людей	Отдел. мужч. от 18 л.	
1	Борисоглебский	1080	251	1187	335	107
2	Новохопёрский	680	150	807	225	127
3	Жердевский	720	152	678	223	не доб. 42
4	Мордовский	600	121	648	207	48
	Всего	3080	674	3320	990	240

Как видим, количество выселяемых увеличилось на всех четырёх пунктах. По нашим подсчётам, в Новохопёрск, Борисоглебск и Мордово было доставлено сверх плана 282 человека, а в Жердевку не довезено 42 человека. Всего на пунктах находилось 3 320 человек или на 240 человек больше, чем намечалось⁴⁴⁵. 26 марта «работа по стягиванию кулацких семейств» по Борисоглебскому, Новохопёрскому и Мордовскому пунктам завершилась и там приступили «к отсеиванию» и составлению повагонных списков⁴⁴⁶. Оперативная сводка № 11 содержит итоговые сведения о количестве кулаков, находящихся на пунктах на 27 марта 1930 г.⁴⁴⁷:

Пункты концентрации	На 26/III			За 27/III отсеяно			Состоит с 21/III по 27/III		
	Колич. хоз.	Общ. числ. людей	Отдел. мужч. от 18 л.	Колич. хоз.	Общ. числ. людей	Отдел. мужч. от 18 л.	Колич. хоз.	Общ. числ. людей	Отдел. мужч. от 18 л.
Борисоглебский	251	1 187	335	15	71	36	236	1 116	299
Новохопёрский	150	807	225	-	-	-	150	807	225
Жердевский	152	678	223	47	116	63	105	562	160
Мордовский	121	648	207	6	33	6	115	615	201
Всего	674	3 320	990	68	220	105	606	3 100	885

Как видно из этих данных, к 27 марта 1930 г. в результате «отсеивания» количество выселяемых кулаков по всем пунктам уменьшилось на 220 человек, из них 116 человек приходилось на Жердевский пункт, хотя именно здесь план по выселению не был выполнен. Всего на пунктах округа ожидали отправки в Северный край 3 100 человек. Наибольшее количество выселяемых находилось на Борисоглебском пункте (1 116 человек), наименьшее – на Жердевском пункте (562 человека). Мужчин старше 18 лет было на всех пунктах менее трети выселяемых (885). Через несколько дней раскулаченных погрузили в вагоны и, согласно расписанию, 1 и 3 апреля 1930 г. двумя эшелонами отправили в Архангельск⁴⁴⁸.

Выселение кулаков и их семей в Борисоглебском округе состоялось в намеченные сроки. По утверждению центрального руководства ОГПУ, лишь «благодаря нажиму органов ОГПУ и непосредственному руководству на местах

районных уполномоченных ОГПУ (подъём с сел, организация партий отправки на сборные пункты) выселение, в общем, прошло сравнительно удовлетворительно»⁴⁴⁹. По данным ОГПУ, на 6 мая 1930 г. из ЦЧО в Северный край было вывезено 8 237 семей или 42 837 человек⁴⁵⁰, из них более 600 семей или более трёх тысяч человек (более 7 %) являлись жителями Борисоглебского округа.

Как сложилась дальнейшая судьба выселенных крестьян – это тема специального исследования. В рамках же нашей работы приведём письмо жён раскулаченных, адресованное во ВЦИК: «Мы, жены присуждённых переселенцев Борисоглебского, Камышинского и Усманского округов, привезены под конвоем со своими семействами более четырёх тысяч человек на станцию Харовскую Вологодского округа.

Мы, дети, нетрудоспособные – инвалиды, выселены из вагонов, размещены в лесу в бараках, сделанных зимой из слег простым крестьянским шалашом, покрыт раструской соломы с навалом земли, два вершка длины и 24 аршина ширины понизу, 15 верх, высоты 10, нары три яруса, размещены с вещами 180 человек, пол земляной.

Мужья наши, часть из них красноармейцы, без остановки угнаны на работу неизвестно куда.

В бараках от сырого леса, крытого землёй, земляного пола, многолюдия получается невыносимая атмосфера, от чего начинают умирать дети. Плохо чувствуют себя взрослые. С наступлением весенних дождей бараки, построенные как решето, крытые землёй, должны потечь, мы с детьми и вещами должны погибнуть. Просим ВЦИК обратить внимание на наше несправедливое переселение и не дать нам погибнуть в скотских помещениях, а сделайте проверку нашего раскулачивания и выселения нашей местной властью в такие бараки и кому следует отменить раскулачивание, а кому нет – дайте справедливое переселение во все места, лишь только не в своем округе или области. Просим ответа. Станция Харовская, переселенцам.

Жены переселенцев Борисоглебского, Камышинского и Усманского округов»⁴⁵¹.

Изложенные в письме факты наглядно показывают, что крестьяне, насильно вывезенные в далёкие края, подверглись там неимоверно тяжелейшим испытаниям. Вне всякого сомнения, что для освоения малообжитых районов страны и обеспечения промышленности необходимой рабочей силой были безжалостно загублены многие жизни русского крестьянства.

§ 7. Расселение кулаков на специальных земельных участках

Кулаки «третьей категории», согласно постановлению политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., оставались для проживания в своей местности, но расселялись «на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках»⁴⁵². Так власть стремилась изолировать их от основной массы крестьян, прежде всего колхозников, а затем использовать как рабочую силу, причём под особым контролем.

В Борисоглебском округе подготовка к расселению кулаков началась в конце второй декады февраля 1930 г. Окрисполком 19 февраля 1930 г. дал всем председателям райисполкомов указание «немедленно приступить к организации расселения на новые отводимые за пределами колхозных хозяйств отдалённых, трудно осваиваемых участках земли, всех невыселяемых за пределы округа кулаков и оставляемых на территории района, по решению РИКа, семей выселяемых кулаков»⁴⁵³. Создаваемые на этих участках посёлки должны были быть небольшими – в 25–50 дворов и, как исключение, в 100 дворов. При недостатке в районе участков для расселения всех кулаков допускалось на крупных участках свыше 1000 га иметь 2 поселения, но на «возможно максимальном расстоянии друг от друга». Для немедленного освоения раскулаченными хозяйствами этих земель райисполкомы должны были обеспечить их «минимумом средств производства, оставляя им сохи, бороны, худших лошадей или волов в обмен за изъятых, примерно с расчётом 1 тяговая сила, 1 соха и борона на 3 хозяйства». Хозяйствам, у которых отобрали всё, следовало дать худшие простейшие средства производства, взятые из поступившего в колхозы конфи-

скованного имущества. На переселяемые хозяйства возлагались обязательства выполнять все агрозоветминимумы, производственные задания по весенне-посевной кампании, по поднятию урожайности, а также по сдаче товарных излишков государственным и кооперативным органам⁴⁵⁴. Управление посёлками, согласно инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г., которой в своей деятельности руководствовались райисполкомы, осуществлялось специальными комитетами (тройками) или уполномоченными, назначенными районными исполнительными комитетами и утверждёнными окружным исполнительным комитетом⁴⁵⁵.

Райисполкомы обязаны были к 24 февраля представить в окрисполком план проведения всех мероприятий по расселению кулацких хозяйств, к 26 февраля – «строго проверенные списки на всех расселяемых», составленные на основе решений собраний колхозников и батрацко-бедняцких собраний. Всю подготовительную работу по расселению кулацких хозяйств на местах надлежало закончить к 15 марта 1930 г.⁴⁵⁶

Окрисполком направил в райисполкомы ориентировочный список «трудно осваиваемых» участков для тщательной проработки его и установления «их пригодности для указанной цели». По соображениям окружного земельного управления, по 9 районам округа можно выделить крупные участки неудобных земель, расположенные в стороне от селений и не мешающие организации земельной территории для колхозов, общей площадью 13 312 га. На них предполагалось поселить 26 626 человек, что составляло 3,4 % всего населения округа. Вот, какие участки были намечены:

в Алешковском районе 300 га солонцевой и бугристой земли, расположенной в углу между Солонцовой Григорьевкой и 1 Лихаревкой;

в Борисоглебском районе 1000 га песчаных земель, расположенных в восточной части землепользования села Махровка;

в Верхне-Карачанском районе 1000 га песчаных земель из Васильевского, Кутковского и Абрамовского обществ, 1000 га из Красовского и Старо-Гольского обществ;

в Елань-Коленовском районе 1000 га песчаных земель из землепользования Сунидовского общества;

в Жердевском районе 300 га солонцов из земель Вязовского и Тафинцевского выселков, 300 га глинистой земли из земель Красной сотни по смежеству с посёлками Ягодным и Преображенским, 300 га из земель Чикарёвского, Савальского и Красной сотни вокруг оврага Берёзовского;

в Новохопёрском районе 1300 га солонцевой земли из Заканавского ГЗИ (государственное земельное имущество – *Е.Т.*) и из землепользования посёлка Согласие, 1316 га заполосного участка слободы Алфёровки;

в Песковском районе 626 га солонцеватых земель из ГЗИ в Сухо-Еланском сельсовете, 700 га солонцеватых земель из землепользования посёлка Ново-Никольское;

в Русановском районе 2000 га супесчаной земли из земель Русановского и Песковского обществ;

в Таловском районе 1050 га солонцевой земли из посёлка Икорец и западного участка Чесменского конзавода, 500 га песчаных земель из землепользования Машичского и Красновитского обществ, 200 га песчаных земель из землепользования Старо-Тишанского общества, 420 га солонцов из землепользования посёлков Бирюченского и Тишанского⁴⁵⁷.

Как свидетельствует документ, земли для кулацких посёлков отводились только плохого качества: солонцеватые, песчаные, супесчаные и глинистые, что неминуемо обрекало переселенцев на тяжелейшие условия хозяйствования и жизни.

Окружное земельное управление не располагало сведениями о наличии неудобных земель в Архангельском, Мордовском, Токарёвском и Щученском районах, но, учитывая, что это районы с наилучшими землями, оно сочло, что в них «неудобные земли будут разбросаны небольшими массивами не свыше 50 га в одном месте»⁴⁵⁸. Райисполкомы могли дополнить список другими участками, «избегая при этом близкого расположения их к лесным массивам и плотну жел. дороги». Руководство не названных в списке районов обязано было

в трёхдневный срок сообщить в окрисполком «о всех пригодных к выселению участках меньшего размера в 50–100 га и выше, а также дать свои соображения о возможности переселения кулацких хозяйств в соседние районы, в указанные в списке массивы»⁴⁵⁹.

О количестве земель, отведённых для расселения раскулаченных и количестве создаваемых посёлков и дворов в них, окрисполком обязан был к 26 февраля сообщить в облисполком⁴⁶⁰. 25 февраля облисполком затребовал дополнительно представить к 28 февраля «основные намётки плана расселения и трудового использования кулацких элементов в пределах районов и округе, нормы трудового положения в сельскохозяйственном производстве во избежание эксцессов, бродяжничества, уголовщины и бандитизма»⁴⁶¹.

26 февраля 1930 г. окрисполком доложил по телеграфу областному руководству, что для расселения кулаков по округу выделено 10 262 га земли для создания 12 посёлков и обеспечения 20 580 едоков⁴⁶². 27 февраля в Воронеж были переданы и дополнительные сведения: для расселения кулаков выделено в 8 районах 10 262 га трудноосваиваемых земель, на них намечено 12 участков площадью от 300 до 2000 га, при норме на едока в половину гектара, размеры создаваемых посёлков составляли от 25 до 50 дворов, на три хозяйства полагалась одна тягловая сила, одна соха и одна борона⁴⁶³.

Следует отметить, что к этому времени работа по определению земельных участков для кулацких посёлков на местах ещё не была завершена. Руководство некоторых районов не поддержало предложенный окрисполкомом список участков. Так, президиум Верхне-Карачанского райисполкома 28 февраля принял решение о недопустимости отведения предложенных окружным земельным управлением участков земли в количестве 2 000 га для выселения кулацких хозяйств внутри района, так как эта земельная площадь расположена вблизи населённых пунктов и поблизости окружена лесами государственного и местного значения. Райисполком в плановом развитии хозяйства района уже запроектировал отведённые негодные земли с производством на них удобрений для лесонасаждения. Других «негодных земель», куда можно было выселить кулачество

в районе не имелось, поэтому президиум райисполкома ходатайствовал «о пересмотре соображений ОкрЗУ в плоскости отвода земельных участков для кулачества» в других районах Борисоглебского округа»⁴⁶⁴.

Жердевский райисполком также решил «войти с представлением» в окружное земельное управление об отмене проекта организации двух кулацких посёлков в районе, так как «места, предложенные ОкрЗУ, не достигают цели изоляции кулака от колхозной массы». Председатель райисполкома Завадский просил ОкрЗУ к 5 марта указать место выселения на худшие земли в других районах⁴⁶⁵. 28 февраля райисполком направил окружному руководству своё заключение:

«Описание.

1-й посёлок на землях с. Вязовой, п. Восход, п. Тафинцевские выселки. В запроектированном уч-ке 300 га, из них 160 га песков и оврагов и 140 га хорошей супеси и чернозёма. Посёлок расположен в 0,75 килом. от селения и непосредственно прилегает к заливным лугам и лесомелиоративному гослесфонду.

2-й посёлок на землях с. Чикаревки и Савальской группы с. Туголукова, в урочище Березовский овраг. Запроектирован в месте наибольшего сосредоточения плохих земель. Площадь 300 га, из них 100 га глинистая и солонцеватая низина и 100 мощный чернозём, расположен в 0,75 килом. от селения.

Заключение.

Качественный состав земель, запроектированных посёлков и прилегание худших из них по составу земель к заливным лугам, создает условия к их хозяйственному развитию, близкое расположение посёлков к коллективизированным селениям предрасполагает к бытовой связи гр-н и не создаёт условий полной изоляции кулаков. Вследствие указанных соображений, организация кулацких посёлков на территории Жердевского района не целесообразна, как не достигающая цели. Предположение ОкрЗУ по этому вопросу подлежит пересмотру, а кулацкие хозяйства района должны быть переселены в ближайшие районы, где организации для них посёлков есть соответствующие условия»⁴⁶⁶.

Бюро Токарёвского райкома ВКП(б) 28 февраля также предложило партийной фракции райисполкома «довести до сведения окрисполкома о том, что отведённая кулакам земля является не плохой, ввиду чего поставить вопрос о возможности переселения кулаков в другой район»⁴⁶⁷.

Районные власти, как видно из документов, не соглашались расселять раскулаченных на предложенных окружным руководством участках, прежде всего, из-за недостаточной удалённости их от населённых пунктов, колхозов и лесов, а также наличия в намечаемых участках земли хорошего качества. Допускаем также, что с помощью этих доводов они хотели быстрее избавиться от опасного контингента сельского населения, отправив его в другие районы.

В то же время отдельные руководители, напротив, проявляли чрезмерное старание в выявлении пригодных для расселения кулаков участков. Так, в связи с телеграфным запросом окрисполкома сведений о месте образования посёлков для кулацких хозяйств, а также списков этих хозяйств, президиум Токарёвского райисполкома 10 марта 1930 г. постановил: «Наиболее целесообразно произвести выдел земли под кулацкие посёлки в шести пунктах:

1. При селе Полетаеве на 98 дворов 445 едоков, куда сселить из следующих полеводческих участков: Карловского – 5 (дворов – *Е.Т.*)/11 (едоков – *Е.Т.*), Павловского – 22/109, Сергиевского – 15/90, Кулешовского – 34/107, Б-Добринского 22/108. Земля выделяется в этом месте, как плохого качества, расположенная за 15 км. от железной дороги, не примыкающая непосредственно к селениям и лесам.

2. При пос. имени Калинина, д. Крутой – рядом с пос. Филипповичи на 43 двора 215 едоков. В этот посёлок имеют быть сселены кулацкие хозяйства из следующих полеводческих участков: при с. Полетаево – 13/43, при д. Гр. Дворики – 6/41, д. Васильевка – 2/9, Мамонтово – 22/122. Отводимая земля находится на окраине района и полеводческого участка. Качество земли по сравнению с другими землями полеводческого участка одинаково, от жел. дор. расположена в 8 километрах.

3. При селе Малая Даниловка на 50 дворов при 271 ед. В этот посёлок имеют быть сселены кулацкие хозяйства из следующих полеводческих участков: с. Ново-Никольского – 3/21, Малая Даниловка – 13/89 и Токарёвского – 34/161. Отводимая земля плохого качества, расположена на границе полеводческого участка и района, от линии жел. дор. в 10–12 километрах.

4. При Гладышевском полеводческом участке на 101 двор 521 едок, между селениями Гладышево и Семёновской. В посёлок имеют быть сселены хоз. из следующих полеводческих участков: Гладышевского – 33/163, Кочетовского – 4/25, Токарёвского – 64/333. Земля под посёлок отводится плохого качества, расположена в 12–14 килом. от жел. дороги, от границ землепользов. совхоза Мордовского района в 2–3 килом., посёлок на границе полеводческого участка и района.

5. При Фёдоровском-Виноградовском полеводческом участке на 93 двора и 518 едоков. В посёлок подлежат сселению кулацкие хозяйства из следующих полеводческих участков: Тр. Росляйского – 53 двора, 283 едока, Абакумовского – 17/107, Воронцовского – 20 дв., 128 ед. Отводимая земля плохого качества, расположена на границе полеводческого участка и района и удалена от линии жел. дор. на 20 км.

6. При Зверьяевском полеводческом участке на 105 дворов, 569 едоков. В посёлок подлежат сселению кулацкие хозяйства из следующих полеводческих участков: Зверьяевского – 2/7, Львовского – 36/188, Лазовского – 13/44, Остроуховского – 22/127, Фёдоровского-Виноградовского – 3/11, Кочетовского – 13/21, Красивского – 16/111. Отводимая земля среднего качества, расположена на границе округа, района и полеводческого участка, от линии жел. дороги более 20 км»⁴⁶⁸.

Буквально через несколько дней, 15 марта, президиум Токарёвского райисполкома, «ознакомившись с картой района, посчитал наиболее целесообразным произвести выдел земли для кулацких посёлков» не в шести пунктах, а в двадцати четырёх (см. приложение 9)⁴⁶⁹.

Наряду с выявлением земельных участков, перед местными властями стояла такая важнейшая задача, как вовлечение раскулаченных в работу на новом месте. Например, бюро Верхне-Карачанского райкома ВКП(б) 4 марта 1930 г. указало фракции райисполкома к 10 марта выделить дальние и худшие земли остающимся в районе кулацким хозяйствам, обеспечив их при этом худшими и простейшими средствами производства, одновременно обязав полностью и в срок засеять отведённые земли⁴⁷⁰. На совещании актива Новохопёрской райпарторганизации, проходившем 4 марта, секретарь райкома Наседкин также говорил «о выделе худшего качества отдалённых земель для расселения кулаков и выдаче из отчуждённого имущества (кулацкого) средств производства в минимально необходимых размерах для обработки этой земли»⁴⁷¹. Он считал, что отрывать кулака от производственного труда нельзя. «Наша задача, – заявил Наседкин, – экспроприировать его средства производства, лишить возможности эксплуатировать батрака, бедняка, заставить работать самого, добывать собственным трудом средства существования и не делать из них бандитов»⁴⁷². В принятой резолюции предлагалось усилить работу по подготовке к выселению «кулацких и антисоветских элементов как за пределы округа, района, так и расселению внутри района, исходя из правильности установок ОК ВКП(б) о необходимости, чтобы часть кулацких хозяйств приобщать к производственному труду, оставляя за ними минимум крайне необходимого худшего качества земли и средств производства (тягла) с выселением их на отведённые участки»⁴⁷³. На состоявшемся 17 марта 1930 г. пленуме Новохопёрского райкома представитель окружкома Семовских также подчеркнул, что кулакам, которые не подлежат выселению за пределы ЦЧО, надо «выделить отдельные участки земли и снабдить их отмирающим с.х. инвентарём»⁴⁷⁴. Бюро райкома, учитывая неподготовленность участков, отводимых для расселения кулаков (нет жилища, воды и др.), 19 марта постановило выделить им до начала сева в земельном обществе худшие земли⁴⁷⁵. 24 марта бюро райкома согласилось с предложениями партийной фракции райисполкома о выделении 15 участков площадью 701 га для размещения 285 дворов из расчёта 0,5 га на едока. Фракциям райисполкома и

райколхозполеводсоюза поручалось выделить переселенцам худший сельхозинвентарь, тягло первой необходимости для сева, а также постройки, отобранные у кулаков и непригодные для колхозов. Раскулаченным разрешалось приобретать инвентарь и семена за наличный расчёт⁴⁷⁶.

Предоставить раскулаченным возможность участвовать в весеннем севе распорядилось и бюро Мордовского райкома ВКП(б), обязав 23 марта партийную фракцию райисполкома провести выделение земли для кулацких посёлков «немедленно, не дожидаясь пересмотра списков раскулаченных», «обеспечив расселяемых по посёлкам минимумом инвентаря, не препятствуя приобретению кулацкими хозяйствами рабочего скота и мелкого инвентаря, допустив внеуставную артельную обработку земли»⁴⁷⁷.

Всю подготовительную работу по расселению кулаков на местах должны были закончить к 15 марта 1930 г. Однако не везде это сделали своевременно. 21 марта окружная газета «Колхозная правда» писала: «В округе имеется 4 140 кулацких хозяйств, которым должны быть отведены отдалённые участки земли. Президиум окрисполкома вынес постановление об отводе кулацким хозяйствам земли в размере полгектара на едока, причём кулацкие посёлки должны состоять не больше, как из 15–20 дворов.

Райисполкомы до сих пор очень мало уделяли внимания выделению кулацких посёлков. Есть случаи, когда кулацкие хозяйства по-прежнему находятся на территории колхозов. Надо принять все меры к тому, чтобы на территории колхоза не было ни одного кулацкого хозяйства»⁴⁷⁸.

27 марта 1930 г. президиум окрисполкома рассмотрел представленные из всех районов, кроме Таловского, списки кулацких хозяйств, подлежащих выселению за пределы колхозных объединений – на посёлки, и ориентировочно их утвердил:

Мордовский	район	362 хоз.
Щученский	район	327 хоз.
Токарёвский	район	445 хоз.
Жердевский	район	109 хоз.

Русановский	район	489 хоз.
Алешковский	район	354 хоз.
Борисоглебский	район	381 хоз.
Песковский	район	217 хоз.
Верхне-Карачанский	район	487 хоз.
Новохопёрский	район	386 хоз.
Елань-Коленовский	район	176 хоз.
Архангельский	район	411 хоз.
Итого		4 140 хоз.

Райисполкомы обязаны были «в 48-часовой срок произвести отвод земель кулацким хозяйствам в натуре, с тем, чтобы яровой сев производился на новых местах». Все кулацкие хозяйства ставились в известность о месте отвода им земель. Отводить земли надлежало мелкими посёлками в 15–20 дворов, ранее данное указание об оптимальности кулацких посёлков в 75 дворов отменялось. Устанавливалась норма – 0,5 га на едока. Землю следовало отводить, безусловно, худшую и вдали от энергетических центров, мест поселения, колхозов, совхозов, железных дорог и лесных массивов, но такую, которая обеспечивала бы возможность минимального получения урожая на хозяйство. В связи с невозможностью организовать межрайонное расселение из-за отсутствия пригодных участков земли, райисполкомы должны были произвести выдел земли кулацким хозяйствам в пределах своего района. Им поручалось также немедленно принять меры к выделению хозяйствам, у которых отобраны средства производства полностью, необходимого минимума живого и мёртвого инвентаря. Для наблюдения за посёлками РИКом назначались специальные лица и этот список срочно представлялся в окрисполком. Посёлкам разрешалась внеустановленная артельная обработка земли с возложением на них обязательства выполнения агроминимума и других мероприятий. Торготделу поручалось взять с переселенцев обязательства о сдаче государству хлебных излишков, своевременно вручив им соответствующее извещение. Окрисполком, не согласившись с выбранным Верхне-Карачанским райисполкомом для расселения кулаков участ-

ком земли, так как он располагался по смежеству с лесными массивами, предложил РИКу «в 48-часовой срок наметить для кулацких хозяйств участки в другом месте». Все кулацкие хозяйства, которые из-за отсутствия построек нельзя выселить немедленно, по постановлению президиума окрисполкома должны быть выселены в новые посёлки после сева, но не позже 1 июля 1930 г.⁴⁷⁹

Однако эти указания, буквально через три дня стали необязательными для исполнения. 30 марта 1930 г. все окружкомы и райкомы партии получили телеграмму секретаря обкома ВКП(б) И.М. Варейкиса следующего содержания:

«Обком предлагает немедленно прекратить до окончания сева начатое расселение третьей категории кулачества и не приступать расселению во время сева в тех местах, где оно не начато зпт ввиду неподготовленности и невозможности как правило на практике расселяемым приступать к полевым работам тчк.

2. Допустить как временную меру оставление третьей категории кулачества в данном селе с тем, что данные хозяйства не допускаясь в колхозы пользуются в данном селе отведённой им сельсоветами или РИКаами землёй в пределах трудового минимума тчк. Проследить в советском порядке и взять обязательство с их стороны, что отведённые им земли будут действительно засеяны тчк.

3. Предоставить право этим хозяйствам приобрести необходимый сельхозинвентарь рабочий скот и семена и разрешить наем на время сева сельхозинвентаря и рабочего скота тчк В исключительных случаях, когда раскулаченные хозяйства совершенно не имеют возможности за отсутствием средств приступить к весенним посевным работам, которым не был оставлен при раскулачивании необходимый минимум сельхозинвентаря и семян – таковые частично вернуть, но отнюдь не более ограниченного минимума потребных средств для производства весенних полевых работ тчк Разрешить отдельным кулацким хозяйствам супрягу тчк»⁴⁸⁰.

На местах незамедлительно отреагировали на новую установку областной власти. Бюро Верхне-Карачанского райкома ВКП(б), заслушав сообщение сек-

ретаря райкома Евсина о телеграмме обкома, уже 1 апреля 1930 г. постановило: «Принять директиву обкома партии к исполнению и руководству. Предложить фракции РИКа срочно дать указания с/советам, исходя из данной директивы»⁴⁸¹.

Итак, в Борисоглебском округе подлежало расселению 4 140 кулацких хозяйств. Для этой цели в районах выделялись участки с самыми худшими землями, удалённые от населённых пунктов, коллективных хозяйств, лесов и дорог. На них должны были создать специальные посёлки. Однако намеченное расселение раскулаченных местная власть вынуждена была остановить. Такое решение, на наш взгляд, было вызвано резким обострением политической обстановки в деревне. Открытые выступления бедняцко-средняцкой массы крестьянства против раскулачивания повлияли на темпы коллективизации, вызвав массовые выходы крестьян из колхозов, что ставило под угрозу успешное проведение весенне-посевной кампании. А переселение кулаков на малопригодные для земледелия участки могло усилить противостояние крестьянства и привести к срыву начало полевых работ. В итоге власти не удалось изолировать раскулаченных от остального крестьянского населения, в том числе и колхозников. Оставленные в родных краях, получив необходимую помощь и поддержку от родственников и односельчан, они смогли выжить, вырастить своих детей, из которых многие стали достойными защитниками Отечества в годы Великой Отечественной войны.

¹ СУ РСФСР.1928. № 54. Ст. 406.

² Там же. № 96. Ст. 616.

³ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 24.

⁵ ЦЧО. Статистический справочник. Воронеж. 1930. С. 2–3.

⁶ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 358. Л. 40.

⁷ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 358. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 76. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 358. Л. 2.

¹² Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 25.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 24.

-
- ¹⁵ Там же. Л. 26.
¹⁶ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
¹⁷ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 26.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 76. Л. 6.
²⁰ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 26–27.
²¹ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 358. Л. 15.
²² Там же. Д. 76. Л. 7.
²³ Там же. Л. 8.
²⁴ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 28.
²⁵ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 76. Л. 9.
²⁶ Там же. Д. 358. Л. 83.
²⁷ Там же. Д. 76. Л. 10.
²⁸ Там же. Л. 22.
²⁹ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 27.
³⁰ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 76. Л. 35.
³¹ Там же. Л. 36.
³² Там же. Л. 2.
³³ Там же.
³⁴ Там же. Л. 3.
³⁵ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 358. Л. 16.
³⁶ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 27.
³⁷ Там же. Л. 28.
³⁸ Там же. Л. 20.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.
⁴¹ Там же. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 62. Л. 20.
⁴² Там же. Л. 28.
⁴³ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 358. Л. 15.
⁴⁴ Там же. Ф. Р-2016. Д. 62. Л. 28.
⁴⁵ Там же. Л. 13.
⁴⁶ Там же. Л. 27.
⁴⁷ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 358. Л. 83.
⁴⁸ Там же. Ф. Р-2016. Д. 62. Л. 19.
⁴⁹ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 357. Л. 2.
⁵⁰ Там же. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 604. Л. 1.
⁵¹ Там же. Л. 8.
⁵² ГАОПИ ВО. Ф. 37, оп 1. Д. 167. Л. 3.
⁵³ Там же. Д. 168. Л. 1.
⁵⁴ Там же. Д. 370. Л. 3.
⁵⁵ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 457. Л. 23.
⁵⁶ Там же. Л. 10.
⁵⁷ Там же. Л. 18.
⁵⁸ Там же. Д. 357. Л. 3.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Там же. Д. 358. Л. 12.
⁶¹ Там же.
⁶² Там же. Л. 13.
⁶³ Там же. Л. 14.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Сталин И.В. Собрание сочинений в 18 томах / Т. 13. М., 1951. С. 38–39.

- ⁶⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / Т. 2. М., 1989. С. 215.
- ⁶⁷ Цит. по: Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 188.
- ⁶⁸ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. : пер. с англ. М., 1997. С. 277.
- ⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1969. С. 447.
- ⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 236.
- ⁷¹ Солопов А. Н. Кого считали кулаком в 20-е годы? // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 61.
- ⁷² Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 442.
- ⁷³ Правда. 1924. 1 ноябр.
- ⁷⁴ Солопов А. Н. Кого считали кулаком в 20-е годы? // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 66.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же, с. 67.
- ⁷⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. С. 341.
- ⁷⁹ Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков) : стенографический отчет. М.-Л., 1925. С. 84.
- ⁸⁰ Там же, с. 86.
- ⁸¹ Там же, с. 144.
- ⁸² Там же, с. 146.
- ⁸³ Тяжесть обложения в СССР. (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах). Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929. С. 74.
- ⁸⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. М., 2000. С. 822.
- ⁸⁵ Экономика и политика в уроках «Великого перелома» (круглый стол) // Коммунист. 1989. № 5. С. 101.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Солопов А. Н. Кого считали кулаком в 20-е годы? // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 70.
- ⁸⁸ Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929–1932 годы) : монография. Рязань, 2006. С. 25.
- ⁸⁹ Экономика и политика в уроках «Великого перелома» (круглый стол) // Коммунист. 1989. № 5. С. 101.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же, с. 102.
- ⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. М., 1969. С. 153.
- ⁹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1963. С. 145.
- ⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1964. С. 83.
- ⁹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. С. 261.
- ⁹⁶ Там же, с. 278.
- ⁹⁷ Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 74.
- ⁹⁸ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 120.
- ⁹⁹ СУ РСФСР. 1928. № 24. Ст. 212.
- ¹⁰⁰ Всесоюзное совещание по единому сельскохозяйственному налогу при Наркомфине Союза ССР в январе 1929 года. М., С. 157.

- ¹⁰¹ Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929–1932 годы) : монография. Рязань, 2006. С. 43.
- ¹⁰² Калинин М.И. Статьи и речи. 1919–1935. М., 1936. С. 342.
- ¹⁰³ Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 75.
- ¹⁰⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2, изд. 7-е, М., 1954. С. 461.
- ¹⁰⁵ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии(б) : стенографический отчёт. 1929. С. 292.
- ¹⁰⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2, изд. 7-е, М., 1954. С. 467.
- ¹⁰⁷ Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 76.
- ¹⁰⁸ Правда. 1929. 19 июля.
- ¹⁰⁹ Богденко М.Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации // Вопросы истории. 1963. № 5. С. 30.
- ¹¹⁰ Данилов В.П. Коллективизация : Как это было // Урок даёт история. М., 1989. С. 163.
- ¹¹¹ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 163; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. изд. 9-е, М., 1970. С. 346.
- ¹¹² Выцлан М.А., Ивницкий Н.А., Поляков Ю.А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 5.
- ¹¹³ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 36.
- ¹¹⁴ Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 80.
- ¹¹⁵ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 39.
- ¹¹⁶ Там же, с. 39–40; Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 81.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 85.
- ¹¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2, изд. 7-е, М., 1954. С. 545.
- ¹²⁰ М.А. Выцлан, Н.А. Ивницкий, Ю.А. Поляков Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 16.
- ¹²¹ Богденко М.Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Вопросы истории. 1963. № 5. С. 31.
- ¹²² Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 126.
- ¹²³ Там же, с. 126–127.
- ¹²⁴ Там же, с. 127.
- ¹²⁵ Там же, с. 134.
- ¹²⁶ Там же, с. 134, 135, 137.
- ¹²⁷ Там же, с. 409.
- ¹²⁸ Там же, с. 409–410; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы в 4 томах / Т. 3. 1930–1934. Книга 1. 1930–1931 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2003. С. 807.
- ¹²⁹ Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 82.
- ¹³⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. : сб. док. / отв. ред. В.П. Данилов, А. Красильников. Новосибирск, 1992. С. 20.
- ¹³¹ Богденко М.Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Вопросы истории. 1963. № 5. С. 32.

- ¹³² Власов В.А., Степанова О.В., Тишкина А.В. Пензенское крестьянство в условиях коллективизации и раскулачивания // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века : сборник статей к международной научно-практической конференции. Коломна, 2009. С. 264.
- ¹³³ Богденко М.Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Вопросы истории. 1963. № 5. С. 33.
- ¹³⁴ Известия обкома ВКП(б) ЦЧО. 1930. № 2. С. 8.
- ¹³⁵ Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963. С. 137.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области : 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 69.
- ¹³⁸ Агроминимум – посев чистосортными семенами; очистка и сортировка всех семян; рядовой посев, уничтожение меж; борьба с вредителями и сорняками...; распространение улучшенных приёмов обработки почвы; прекращение пастбы скота на озими; улучшение условий содержания и кормления скота; более правильное использование навоза как удобрения; более полное использование наличного сельхоз. инвентаря...; возможно более широкое применение фосфоритной муки, извести и золы в качестве удобрения, а также зелёного удобрения и т.п. (Декрет ЦИК СССР от 15/XII 1928 г.)
- ¹³⁹ Известия обкома ВКП(б) ЦЧО. 1930. № 2. С. 8.
- ¹⁴⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 946. Л. 11.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 229.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Там же. Л. 229 об.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 20.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 27 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 30.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 26 об.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 32–33.
- ¹⁵¹ ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 177.
- ¹⁵² Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 49.
- ¹⁵³ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 135. Л. 8–8 об.
- ¹⁵⁴ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 158; ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 135. Л. 10.
- ¹⁵⁵ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 159, 160–161; ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.
- ¹⁵⁶ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 135. Л. 9.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 971. Л. 120.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 120–121.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 121.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Красная Звезда. 1930. 21 январ.
- ¹⁶³ Колхозная правда. 1930. 2 февр.
- ¹⁶⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 1.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 5–6.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 10.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 11.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 8.

-
- 171 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.
172 Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 178.
173 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 344. Л. 23.
174 Там же. Д. 391. Л. 73.
175 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 38.
176 Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 126.
177 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 11–12.
178 Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 345.
179 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 8–9.
180 Там же. Л. 4.
181 Там же. Л. 7.
182 Там же. Оп. 1. Д. 639. Л. 298.
183 ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 180.
184 Там же. Л. 181.
185 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 10.
186 Там же. Л. 16.
187 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 31.
188 Колхозная правда. 1930. 7 февр.
189 ГАОПИ ВО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 76.
190 Колхозная правда. 1930. 2 февр.
191 Колхозная правда. 1930. 21 февр.
192 Там же.
193 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 41 а.
194 Там же.
195 Там же. Л. 73.
196 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 572. Л. 39, 37.
197 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 47.
198 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.
199 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 21.
200 Колхозная правда. 1930. 9 февр.
201 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 21.
202 Там же. Д. 391. Л. 73.
203 Там же. Л. 74.
204 Там же. Л. 45, 46.
205 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 16.
206 Там же. Ф. Р-1172, оп 3. Д. 94. Л. 20.
207 Там же. Л. 42.
208 Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 2.
209 Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 г.) / И.Е. Зеленин // История СССР. 1990. № 6. С. 43.
210 Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 27.
211 Там же. Л. 75.
212 Колхозная правда. 1930. 2 март.
213 ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 66.
214 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 50.
215 ГАВО. Ф. Р-1013. Оп. 3. Д. 7. Л. 209.
216 Колхозная правда. 1930. 2 март.
217 ГАОПИ ВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 19.
218 Колхозная правда. 1930. 5 март.
219 Там же.
220 Колхозная правда. 1930. 19 март.

- 221 ГАОПИ ВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 20–20 об.
- 222 Колхозная правда. 1930. 9 март.
- 223 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 31.
- 224 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 78.
- 225 Там же. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 760. Л. 62.
- 226 Там же. Л. 160.
- 227 Там же. Ф. Р-1439. Оп. 3. Д. 40. Л. 11.
- 228 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 11; ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 111, 115 об.; ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 105. Л. 10.
- 229 Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 524.
- 230 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД : документы и материалы в 4 томах / Т. 3. 1930–1934. Книга 1. 1930–1931 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2003. С. 349.
- 231 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 98.
- 232 Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 524.
- 233 Там же, с. 525.
- 234 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 153.
- 235 Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 126.
- 236 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 351.
- 237 Там же, с. 231.
- 238 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 17.
- 239 Там же. Л. 39.
- 240 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 46.
- 241 Там же. Д. 349. Л. 20.
- 242 Там же. Л. 67.
- 243 Там же. Л. 20.
- 244 Там же.
- 245 Там же. Л. 22.
- 246 Колхозная правда. 1930. 26 февр.
- 247 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 349. Л. 55.
- 248 Там же. Л. 63.
- 249 Там же. Л. 63–63 об.
- 250 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 104–104 об.
- 251 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 123.
- 252 Там же. Д. 304. Л. 123.
- 253 Там же.
- 254 Там же. Д. 340. Л. 9 а.
- 255 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 78.
- 256 Там же. Л. 78 об.
- 257 Там же.
- 258 Там же.
- 259 Там же. Л. 79.
- 260 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 146 об.–147.
- 261 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 50.
- 262 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 59–61.
- 263 Колхозная правда. 1930. 12 март.
- 264 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 132.
- 265 Там же. Д. 341. Л. 28, 29.
- 266 Там же. Д. 304. Л. 132.
- 267 Там же. Д. 341. Л. 40.
- 268 Там же. Д. 304. Л. 132 об.
- 269 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 32.

- 270 Колхозная правда. 1930. 12 март.
- 271 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 342. Л. 107.
- 272 Там же. Д. 343. Л. 59–61.
- 273 Там же. Д. 349. Л. 67.
- 274 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 94.
- 275 Там же.
- 276 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 104.
- 277 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 348. Л. 5.
- 278 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 104.
- 279 Там же. Д. 109. Л. 25.
- 280 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 349. Л. 89.
- 281 Там же. Д. 304. Л. 80.
- 282 Там же. Д. 349. Л. 64.
- 283 Там же. Д. 304. Л. 80.
- 284 Там же. Д. 340. Л. 44.
- 285 Там же. Д. 304. Л. 80.
- 286 Там же. Л. 80–80 об.
- 287 ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 344. Л. 102.
- 288 Там же. Д. 304. Л. 80 об.
- 289 Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области: 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 74–75.
- 290 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 92.
- 291 Там же. Л. 93.
- 292 Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 126.
- 293 Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. : сб. док. / отв. ред. В.П. Данилов, А. Красильников. Новосибирск, 1992. С. 20.
- 294 Богденко М. Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Вопросы истории. 1963. № 5. С. 34.
- 295 Выщлан М.А., Ивницкий Н.А., Поляков Ю.А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 18.
- 296 Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 344.
- 297 Там же, с. 346.
- 298 Там же.
- 299 Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963. С. 176.
- 300 Там же.
- 301 Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 129.
- 302 Там же, с. 129–130.
- 303 Там же, с. 130.
- 304 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 38.
- 305 Там же. Л. 39.
- 306 Там же. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.
- 307 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 119.
- 308 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 603. Л. 60.
- 309 Там же. Л. 61.
- 310 Там же.
- 311 Там же.
- 312 Там же. Л. 62.
- 313 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 6.
- 314 Там же. Л. 11.
- 315 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

-
- 316 Там же. Л. 3.
317 Там же. Д. 18. Л. 15.
318 Там же. Л. 15–17.
319 Там же. Л. 17.
320 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 21.
321 Там же. Л. 29.
322 Там же. Л. 36–37.
323 Там же. Д. 344. Л. 36.
324 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 572. Л. 37.
325 ГАОПИ ВО. Ф. 37, оп 1. Д. 342. Л. 58.
326 Там же. Д. 350. Л. 23.
327 ГАВО. Ф. Р-1172. Д. 572. Л. 373.
328 Там же. Л. 379.
329 Там же.
330 Там же. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 17 об.
331 Там же. Л. 13.
332 Там же. Л. 11–11 об.
333 Там же. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 79.
334 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 344. Л. 6.
335 Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.
336 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 340. Л. 7.
337 Там же.
338 Там же. Л. 20, 22.
339 Там же. Оп. 1. Д. 341. Л. 23.
340 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 41.
341 Там же.
342 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 73.
343 Там же. Л. 45, 46.
344 Колхозная правда. 1930. 26 февр.
345 ГАОПИ ВО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 76 об.
346 Колхозная правда. 1930. 2 март.
347 Колхозная правда. 1930. 26 март.
348 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 43 об.
349 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 351.
350 Колхозная правда. 1930. 12 февр.
351 ГАВО. Ф. Р-1013. Оп. 1. Д. 311. Л. 407.
352 Там же.
353 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 96.
354 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 84.
355 Колхозная правда. 1930. 9 март.
356 Колхозная правда. 1930. 21 февр.
357 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 487. Л. 186.
358 Там же. Л. 186 об.
359 Там же.
360 Там же. Л. 188.
361 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 29.
362 Там же. Л. 29 об.
363 Там же. Л. 29.
364 Колхозная правда. 1930. 9 март.
365 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 42.
366 Там же. Д. 341. Л. 37.

- ³⁶⁷ Там же. Д. 349. Л. 54–55.
- ³⁶⁸ Там же. Л. 57.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 62.
- ³⁷⁰ Там же. Л. 65.
- ³⁷¹ Там же. Д. 350. Л. 41.
- ³⁷² Там же. Д. 340. Л. 39.
- ³⁷³ Там же. Д. 341. Л. 49.
- ³⁷⁴ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 639. Л. 115.
- ³⁷⁵ Там же. Л. 114.
- ³⁷⁶ Там же. Д. 572. Л. 406, 415.
- ³⁷⁷ Там же. Л. 357, 360.
- ³⁷⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 348. Л. 13.
- ³⁷⁹ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 572. Л. 302.
- ³⁸⁰ Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 79–79 об.
- ³⁸¹ Там же. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 94 об.
- ³⁸² Там же. Д. 109. Л. 25.
- ³⁸³ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 126.
- ³⁸⁴ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 313–314.
- ³⁸⁵ Финаров Л.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 273–291.
- ³⁸⁶ Трифонов И.Я. Указ. соч. С. 369–370.
- ³⁸⁷ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 353.
- ³⁸⁸ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 66–67.
- ³⁸⁹ Рыбаковский Л. Миграционная политика, её цели и пути осуществления // Демографическая политика в СССР. М., 1983. С. 69–75.
- ³⁹⁰ Гуцин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.
- ³⁹¹ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928–1933 : методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 2. С. 32–34.
- ³⁹² Тепцов Н.В. В дни великого перелома : История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям, 1929–1930 годы. М., 2002; Земсков В.Н. Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико – географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165; Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930–1954 гг.). М., 1995; Шашков В.Л. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–1933 г. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 150–156; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
- ³⁹³ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 11.
- ³⁹⁴ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 412; Северный край был образован в октябре 1929 г. путём объединения Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и автономной области Коми (Зырян).
- ³⁹⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 975. Л. 5.
- ³⁹⁶ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области : 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 70.
- ³⁹⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 342. Л. 26.
- ³⁹⁸ Там же. Л. 86.
- ³⁹⁹ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 107. Л. 252–253.

-
- 400 Там же. Л. 282.
401 Там же.
402 Там же.
403 Там же. Л. 294.
404 Там же. Л. 295.
405 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 31.
406 ГАВО. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 499. Л. 219 об.
407 Там же.
408 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 344. Л. 52.
409 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 90.
410 Там же.
411 Там же. Л. 91.
412 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. л. 83.
413 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 107. Л. 283–285.
414 Там же. Л. 286.
415 Там же. Д. 94. Л. 71.
416 Там же.
417 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 344. Л. 88–89.
418 Там же. Д. 355. Л. 92.
419 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 102.
420 Там же. Л. 141.
421 Там же. Л. 146.
422 Там же. Л. 147.
423 Там же. Л. 151.
424 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 130.
425 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1, 136. Л. 94.
426 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 19.
427 Там же. Д. 343. Л. 23.
428 Там же. Л. 23 об.; Там же. Д. 304. Л. 47.
429 Там же. Д. 342. Л. 109.
430 Там же. Д. 343. Л. 22.
431 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 95.
432 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 342. Л. 107.
433 Там же. Д. 304. Л. 46.
434 Там же. Л. 34.
435 Там же. Л. 46.
436 Там же. Л. 34.
437 Там же. Л. 47.
438 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 54.
439 Там же. Л. 55 об, 55.
440 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 92.
441 Там же. Д. 304. Л. 45.
442 Там же.
443 Там же. Л. 39.
444 Там же. Л. 33.
445 Там же.
446 Там же. Л. 34.
447 Там же. Л. 25.
448 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 975. Л. 7.
449 Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 416.
450 Там же, с. 413.

-
- ⁴⁵¹ Неизвестная Россия. XX век : альманах / сост. : В.А. Козлов, С.М. Завьялов. М., 1992. С. 219–220.
- ⁴⁵² Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 127.
- ⁴⁵³ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 30.
- ⁴⁵⁴ Там же.
- ⁴⁵⁵ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵⁶ Там же. Л. 30.
- ⁴⁵⁷ Там же. Л. 14–15.
- ⁴⁵⁸ Там же. Л. 15.
- ⁴⁵⁹ Там же. Л. 30.
- ⁴⁶⁰ Там же. Л. 20.
- ⁴⁶¹ Там же. Л. 21.
- ⁴⁶² Там же. Л. 27.
- ⁴⁶³ Там же. Л. 29.
- ⁴⁶⁴ Там же. Д. 107. Л. 252–253.
- ⁴⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 25.
- ⁴⁶⁶ Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 45–45 об.
- ⁴⁶⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 350. Л. 37.
- ⁴⁶⁸ ГАВО. Р-1172. Оп. 1. Д. 603. Л. 26.
- ⁴⁶⁹ Там же. Оп. 3. Д. 107. Л. 222–223.
- ⁴⁷⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 42.
- ⁴⁷¹ Там же. Д. 344. Л. 57.
- ⁴⁷² Там же.
- ⁴⁷³ Там же. Л. 58.
- ⁴⁷⁴ Там же. Л. 116.
- ⁴⁷⁵ Там же. Л. 89.
- ⁴⁷⁶ Там же. Л. 90.
- ⁴⁷⁷ Там же. Д. 342. Л. 112.
- ⁴⁷⁸ Колхозная правда. 1930. 21 март.
- ⁴⁷⁹ ГАВО. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 499. Л. 219–219 об.; так же ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 639. Л. 213–214; ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 83–83 об.
- ⁴⁸⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 216.
- ⁴⁸¹ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 53.

Глава 2. Взаимоотношения власти и крестьянства в период проведения ликвидации кулацких хозяйств

§ 1. Противодействие крестьянского населения раскулачиванию

По утверждению представителей власти раскулачивание проводилось при активном участии широких слоёв крестьянства. Секретарь областного комитета ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкис 18 февраля 1930 г. так докладывал в ЦК: «Беднота большими группами ходит вместе с комиссиями по кулацким дворам, отбирает имущество. По ночам по своей инициативе сторожит на дорогах при выездах из селений, с целью задержания убегающих кулаков, на общих собраниях выносят решения, требующие немедленного выселения из области особо злостных кулаков»¹. О том, что крестьяне «проявили огромную энергию», заявил и председатель ВЦИК М.И. Калинин на объединённом заседании облисполкома и Воронежского горсовета 19 февраля 1930 г.: «Органам власти, в 95 случаях из 100 приходится в области раскулачивания играть сдерживающую роль»².

В советской историографии также отмечалось, что раскулачивание было поддержано широкими слоями сельского населения. П.Н. Шарова, например, утверждала: «Трудящиеся массы крестьянства одобряли решения партии и Советского правительства, отвечающие их коренным интересам и предлагали самые решительные меры к немедленной ликвидации кулацких хозяйств»³. Н.А. Ивницкий в 1972 г. писал: «Сотни тысяч бедняков и батраков активно включились в последний, решительный бой с кулачеством, отбирали нажитое на эксплуатации трудового крестьянства имущество, изгоняли кулаков из сёл и деревень, станиц и хуторов. Трудно было в разгар массового колхозного движения сдержать стихийное возмущение крестьянства против эксплуататоров»⁴. Однако такая односторонняя характеристика отношения крестьян к раскулачиванию не отражает всего разнообразия в их настроении и поведении, поскольку среди них были как сторонники, так и противники раскулачивания.

На материалах Борисоглебского округа покажем наиболее типичные формы противодействия крестьян раскулачиванию, выясним действительные причины и мотивы их протестного поведения.

Одной из «наиболее тяжёлых по своим экономическим последствиям форм крестьянского протеста против насилия в коллективизации, – как считал Н.А. Ивницкий, – являлось сознательное уничтожение ими своего скота»⁵. В ЦЧО к 10 февраля 1930 г. по сравнению с весной 1929 г. крупного рогатого скота сократилось на 49 %, овец и коз – на 67 %, свиней – на 86 %⁶. Значительная «убыль скота в результате хищнического убоя в осенне-зимний период со стороны населения под влиянием кулацкой агитации» произошла и в Борисоглебском округе. Секретарь окружкома ВКП(б) М.И. Колесников докладывал 12 марта 1930 г. обкому партии, что по сравнению с данными на весну 1929 г. по 12 районам округа лошадей вместе с молодняком стало меньше на 14,6 %, крупного рогатого скота с молодняком – на 37,2 %, овец – на 49,8 %, свиней – на 75,1 %⁷. Значительное сокращение поголовья скота отмечено и в постановлении президиума Борисоглебского окрисполкома от 8 мая 1930 г.: лошадей – на 12,6 % (с 147 567 до 128 975), крупного рогатого скота – на 35,8 % (с 277 965 до 178 410), коров – на 5,2 %, овец – на 45,2 % (с 705 998 до 38 6851), свиней – на 76 % (с 77 580 до 18 656)⁸.

Как видно из приведённых данных, больше всего уменьшилось поголовье продуктивного скота: овец – почти на половину, свиней – на 2/3. Это, безусловно, вело к снижению обеспеченности необходимыми продуктами питания не только сельского, но и городского населения. Сокращение лошадей, основной тяговой силы в полеводстве, почти на 20 тысяч голов не могло не ухудшить условия развития всего сельскохозяйственного производства. Одной из причин массового убоя скота, по мнению исследователя Е.А. Кирьяновой, было стремление зажиточных крестьян сократить своё хозяйство, чтобы оказаться в категории «маломощных»⁹. Таким способом они надеялись избежать раскулачивания.

Чтобы остановить уничтожение скота, местные власти, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» от 16 января 1930 г., могли лишать этих хозяев права пользования землёй, конфисковывать у них скот, сельхозинвентарь, а также привлекать к уголовной ответственности с лишением свободы на срок до двух лет с высыланием¹⁰.

Некоторые крестьяне, боясь раскулачивания, бросали своё хозяйство и меняли местожительство. К лету 1930 г. в целом по стране убежали в города и промышленные центры 200–250 тыс. крестьянских семей¹¹. В официальных документах такое явление называлось «самораскулачиванием». Фактически, как верно считают современные историки, это была пассивная форма сопротивления крестьянства коллективизации и раскулачиванию¹².

Бегство крестьян из сёл и деревень проявилось и в Борисоглебском округе. Так, председатель Мордовского райисполкома Лифановский на заседании бюро райкома ВКП(б) 26 января 1930 г. заявил, что «в Мордово кулаки уже удирают, бросают всё»¹³. О том, что кулак «бежит со своим имуществом» в Жердевском и Токарёвском районах, сообщал и уполномоченный областной власти Коган¹⁴. О 80 случаях бегства кулаков из Песок докладывал обкому партии секретарь Борисоглебского окружкома Колесников¹⁵. Что подобные случаи не были единичными, указывают и меры, предпринятые местными властями для пресечения бегства кулаков. Бюро Мордовского райкома партии, например, предложило районному административному отделению «отобрать подписки от намеченных к высылению об их невыезде из пределов района без разрешения»¹⁶. Подписки о невыезде отбирались и в Верхне-Карачанском районе, что вызвало у кулаков «паническое настроение». В информационной сводке районного административного отделения от 11 февраля 1930 г. сообщалось: «Некоторые из них без разрешения на то власти выехали неизвестно куда, несмотря на то, что за ними ведётся наблюдение, не снимаясь с учёта как в сельсовете, а также и с учёта военнопленных (Макарово, В-Карачан), по негласным сведениям побег совершают в Сибирь»¹⁷. Как видим, власть не везде могла воспрепятствовать бегству крестьян из деревни.

Чтобы уберечь своё имущество от конфискации, крестьяне пытались его спрятать. В Верхне-Карачанском районе, как докладывал 24 января 1930 г. окружному руководству начальник РАО, кулаки «измышляют все хитро»: в ночное время увозят своё имущество в другие места, а некоторые крестьяне им помогают, прячут их сундуки и деньги в ямы. Виновные в этом были привлечены к уголовной ответственности¹⁸. В селе Кирсановка, по информации окружного прокурора Гуцева, при изъятии ржаной соломы у владельца просорушки Трофима Лаптева под соломой были обнаружены ямы, в которых оказались спрятанными 153 пуда ржи и 89 пудов проса. Кроме того, на потолке были найдены ещё 8 пудов ржи, 30 пудов овса, 9 пудов пшена, 20 пудов ржаной муки¹⁹. В Жердевском районе, как докладывал уполномоченный областной власти Коган, «пока шли разговоры, кулак припрятал всё ценное», а в Токарёвском районе «кулаки действовали более организованно, кроме орудий производства и того, что было на них, ничего не находили»²⁰. «И ни в одном селе, – сетовал Коган, – не удалось обнаружить, куда кулак девал хлеб и остальное ценное имущество»²¹.

Согласно установке центральной власти, списки подлежащих раскулачиванию хозяйств, должны были обязательно обсуждаться и затем утверждаться на собраниях бедноты. Однако далеко не везде бедняки давали своё согласие на раскулачивание односельчан, открыто заявляя, что кулаков в селе нет. Характерным примером является позиция крестьян Михайловского сельсовета Жердевского района. Вот что сообщал об этом в Воронеж уполномоченный Коган: «Мы собрали там собрание бедноты человек 35, на котором поставили ряд вопросов, связанных с ликвидацией кулака как класса и коллективизацией. В этой деревне не нашлось ни одного кулака для раскулачивания, и стоило нам только открыть рот по вопросу о раскулачивании, как женщины организованно стали защищать положение, что никакого кулака у нас нет, не было, что это всё выдумки, что действительно есть часть людей, которых мы считаем кулаками, а на самом деле это благодетели бедноты и если бы не они, то бедняки давно бы померли с голода. Один комсомолец выступил против и сказал, что этот самый

Яков Григорьевич, которого защищают женщины, есть настоящий кулак. В результате этого, если бы мы свободно дали произойти событиям, то этого комсомольца разорвали бы в клочки»²². Такое настроение крестьян Коган объяснял тем, что «никакой работы среди бедноты не ведётся»²³.

На наш взгляд, поведение крестьян отражало реально существовавшие отношения между различными слоями сельского населения. Ведь именно зажиточные хозяева являлись в то время надёжным и единственным гарантом выживания, своего рода социальным страховщиком бедноты. Они оказывали своевременную и ощутимую помощь своим односельчанам при пожарах, неурожаях и других трудных жизненных ситуациях. Будучи мастеровыми кустарями-умельцами (мельниками, кузнецами, сукновальщиками), они обеспечивали односельчан необходимыми товарами и услугами. Подтверждением нашей точки зрения может служить такой пример. 24 марта 1930 г. в селе Новая Кирсановка Алешковского района проводился пленум сельсовета с участием бедноты, где обсуждались два вопроса: о необходимости выселения двух кулаков-мельников, лишённых прав гражданства, и об аресте трёх кулаков за антиколхозную агитацию. Беднота и члены сельсовета, как сообщается в оперативной сводке оперативной группы Борисоглебского окружного отдела ОГПУ от 26 марта 1930 г., категорически отказались от выселения кулаков и вынесли постановление: «С выселением кулаков-мельников не согласны». Беднота заявила: «Кулаки-мельники, которых Вы хотите выселить, являются нашими благодетелями и кормильцами, а поэтому мы выселять их не допустим». Беднота и члены сельсовета воспрепятствовали также и аресту за антиколхозную агитацию трёх кулаков. Для выявления инициаторов таких действий в село выехал член опергруппы. Им были приняты «оперативные меры»²⁴.

С началом конфискации имущества у зажиточных хозяев противодействие крестьянства раскулачиванию приобрело более решительный и упорный характер. Покажем это на примерах событий, произошедших в ряде сёл Таловского района. Так, в селе Тройня 3 февраля 1930 г. сельсовет приступил к взысканию штрафа у несдатчиков зерна в общественный семенной фонд И.Ф. Субботина и

А.Д. Ершовой. Около их домов собралось 200 человек. С криками «Не дадим штрафовать и не дадим никого грабить» толпа начала наступать на председателя и других членов сельсовета, угрожая их убить. Чтобы не волновать народ, работники сельсовета удалились²⁵. А крестьяне направились к сельсовету, взяли со двора конфискованный у И.Ф. Субботина скот и отогнали его хозяину. Собравшаяся по колокольному звону толпа около тысячи человек митинговала 2–3 часа. Угрожала избить заместителя председателя сельсовета П.П. Чумакова, потом разошлась²⁶. Более двух недель в селе было сравнительно тихо, но почти каждую ночь в домах Субботина и Ершовой для их охраны оставалось ночевать несколько односельчан, а созываемые сельсоветом собрания граждан срывались²⁷.

В селе Красное 6 февраля 50 человек помешали членам сельсовета производить опись имущества в доме М.З. Гусева. Собравшиеся выкрикивали: «Раскулачивать мы не дадим, бей активистов, сов. работников, коммунистов!» Затем толпа направилась к дому Т.А. Мельникова, где в это время председатель сельсовета вместе с другим членом сельсовета описывали имущество, и также не дала раскулачить²⁸.

В посёлке Ильинка 12 февраля членам сельсовета и земуполномоченному Д.К. Катокину не удалось описать имущество у И.С. Коновалова. Им помешали около двух десятков местных жителей, выкрикивавших: «Мы Вас не признаём, комиссии содействия не подчиняемся, вы пришли нас грабить, уходите туда, откуда пришли»²⁹. Когда на следующий день в посёлок прибыл председатель сельсовета с двумя членами комиссии содействия подготовки к весенне-посевной кампании Орловым и Пузырёвым и 6 членами бригады по коллективизации, к дому Коновалова собралось уже около 150 человек. С криками: «Семян у нас нет, засыпать семенные фонды не будем, раскулачивать никого не дадим, вы нас грабите» – они не допустили производить опись. Члены бригады были избиты, на некоторых из них – порвана одежда. Всем прибывшим пришлось бежать³⁰. Когда члены сельсовета попытались изъять имущество у Я.Н. Забродина, тот заявил: «Я вас не признаю, имущество своё не отдам». Его

поддержали односельчане³¹. Через два дня председатель сельсовета с двумя членами сельсовета и одним милиционером хотели раскулачить П.Н. Медведева, но и им воспрепятствовала толпа из 60 человек³².

В течение двух дней, 12 и 13 февраля, 150 жителей Казанки защищали от раскулачивания своих односельчан, выкрикивая: «Не будем сдавать семенной материал и долой колхозы». Члены сельсовета и бригады были избиты³³. Во 2-м Шанинском сельсовете толпа не позволила увезти изъятые у Г.Ф. Найдёнова, Н.И. Кудряшёва и других зажиточных крестьян семена, сбросив их с саней³⁴.

В селе Красное 15 февраля проходил пленум сельсовета. Узнав об этом, около 80 крестьян подошли к зданию сельсовета и начали кричать: «Не нужно никакого раскулачивания, не нужно семенных фондов, бей активистов, не арестовывайте без нашего ведома никого». Уполномоченные бригады и уполномоченный куста колхозов (объединения колхозов. – *Е.Т.*) Болтыхов вынуждены были из села бежать. В 4 часа дня жители стали расходиться, а некоторые из них, в основном женщины, направились на квартиру уполномоченного бригады Коновалова и частично её разгромили³⁵.

19 февраля в селе Новая Чигла сельсовет приступил к конфискации имущества у М.И. Махинова. Около его дома быстро собралась толпа до 200 человек и не дала провести раскулачивание. Из толпы раздавались выкрики, что «если что-либо с Махиновым сделаете, то Вас убьём, и что у нас нет кулаков»³⁶.

Подобное сопротивление конфискации имущества оказывалось и в других районах округа. Так, в селе Борисовке Мордовского района «кулаки сумели сагитировать бедноту, в результате чего раскулачивание и изъятие имущества растянулось на двое суток». Как докладывал 9 марта 1930 г. в областную прокуратуру окружной прокурор Гуцев, было «возбуждено 15 дел по ст. 79-1 УК, по которым привлечены два кулака и 13 середняков»³⁷.

Большое упорство в защите кулаков проявили и крестьяне деревни Горденино Полетаевского сельсовета Токарёвского района. 4 марта Василий Фарыкин не дал изъять имущество своего отца, в этом его поддержали односельчане. Бригада, проводившая раскулачивание, вынуждена была покинуть деревню.

Спустя два дня, 6 марта, в Горденино совместно с бригадой приехал агент уголовного розыска Шеменев. К дому Фарыкина со всех концов деревни стали сбегаться мужчины и женщины. Они отбили у бригады изъятую у Фарыкина корову. Некоторые из соседей Фарыкина появились с вилами. Шеменев «был вынужден вооружиться револьвером и предупредить массу». Сына кулака арестовали и поместили в местную школу. Толпа окружила школу и не расходилась в течение 7 часов. Женщины через окно требовали освобождения арестованного, а мужчины в это время прятались за стенами и в соседних домах. На помощь агенту уголовного розыска по его просьбе из села Полетаево прибыл председатель сельсовета. В районное административное отделение был послан пакет с донесением, но из-за сильной снежной бури его туда не доставили. Однако посылка за помощью в Токарёвку подействовала на толпу: узнав об этом, она «рассеялась», после чего арестованного препроводили в РАО. На 22 марта, как сообщал в окружной административный отдел начальник РАО Уткин, в Полетаево над Фарыкиным назначен показательный суд³⁸.

Следует отметить, что участие работников милиции в конфискации имущества у кулаков не везде оказывало на крестьян успокаивающего воздействия. Так, 14 апреля в селе Туголуково Жердевского района сельсовет при содействии двух сотрудников милиции пытался изъять корову у Алексея Кондаурова. Собралась толпа в 150–200 человек. Кондауров стал призывать односельчан к избиению работников милиции и возвращения ему коровы. Толпа, как сообщал в окружной административный отдел начальник РАО Конищев, отбросила работников милиции и, нанеся легкие побои старшему милиционеру Заподавникову, отобрала корову³⁹.

Активное сопротивление бедняков и середняков раскулачиванию, на наш взгляд, можно объяснить тем, что большинством трудового крестьянства конфискация имущества воспринималась как грабёж чужого добра. Такой источник благосостояния и благополучия им был чужд. Выступление в защиту раскулачиваемых вызывалось и опасением оказаться самим под угрозой лишения собственности.

После состоявшейся конфискации имущества крестьяне продолжали открыто выражать своё недовольство. Они требовали возврата отобранной собственности её хозяевам. Примечательно, что такие решения принимались вполне демократично: на пленумах сельсоветов и на собраниях граждан. Например, пленумом Ертильского сельсовета Щученского района 11 марта 1930 г. было решено вернуть трём кулакам часть имущества. Как докладывал окружному руководству начальник районного административного отделения, «этим многие недовольны, но сельсоветчики, по частным слухам, пьянствовавшие с раскулаченными, это сделали, причём на пленуме присутствовали все родственники раскулаченных»⁴⁰. В селе Вязовое того же района, по данным оперативной сводки окружного отдела ОГПУ, общее собрание крестьян 26 марта 1930 г. вынесло постановление ходатайствовать перед ВЦИКом о возвращении кулакам имущества, о невырезке колхозам земли и наделении кулаков земельным наделом наравне со всеми, без всякого выдела им земли худшего качества⁴¹. В селе Тихвинке Верхне-Карачанского района, как сообщается в информационной сводке РАО за период с 1 по 15 марта 1930 г., крестьяне, подавшие заявления о выходе из колхоза, также требовали возвращения изъятого при раскулачивании имущества⁴².

Подобные требования иногда сопровождались угрозами. Так, в селе Артюшкино Архангельского района, как сообщал 1 марта 1930 г. в окрисполком уполномоченный Ивлиев, в квартиру уполномоченного Федотова подкинули анонимное письмо, в котором указывалось, чтобы Федотов разорвал список подлежащих раскулачиванию, иначе его убьют. Через несколько дней в него стреляли⁴³. В Жердевском районе, как докладывал в областную прокуратуру 30 марта 1930 г. окружной прокурор Гуцев, в ящик по приёму жалоб при райисполкоме было опущено два анонимных письма, в которых «предлагалось вернуть кулакам имущество, иначе все члены РИКа – будут уничтожены»⁴⁴.

Призывы о возврате изъятого имущества звучали и на многолюдных митингах и собраниях. Например, крестьяне села Александровки Таловского района в течение 10 дней настойчиво требовали возврата конфискованного имуще-

ства бывшим хозяевам. 10 февраля около 80 человек явились в здание сельсовета и находились там с 9 до 12 часов вечера, требуя вернуть раскулаченным их имущество. 11 февраля этого добивались уже 200 жителей. 13 февраля толпа в 800 человек настаивала закрыть колхозное собрание и открыть общегражданское, на котором обсудить вопросы о прекращении сбора семенного материала, о разводе по домам обобществлённого скота и о раздаче скота, отобранного у кулаков. 16 февраля около 500 александровцев призывали представителей власти вернуть изъятое имущество, угрожая им побоями. Председателя сельсовета хватили за руки, заставляя идти разводить отобранных коров и другой скот их хозяевам. То же самое требовали сельчане, собравшись в группы из несколько десятков человек, и 17 февраля⁴⁵. 18 февраля жители разогнали бригады, собиравшие семенной материал, и выгнали из села приехавших из райисполкома уполномоченных⁴⁶. На общегражданском собрании, в котором участвовало 700 крестьян, звучали заявления, что «у нас нет кулаков», и требования раздать скот и прекратить раскулачивание. Об этом заявлялось и 19 февраля на общем собрании граждан с участием около тысячи человек⁴⁷. Власть не выполнила требования крестьян, тогда они самовольно разобрали с колхозного двора всех лошадей⁴⁸.

Также поступили и крестьяне в деревне Алексеевка Жердевского района. Уполномоченные по Алексеевскому сельсовету Ломака, Шемонаев и другие решили весь изъятый у кулаков скот передать Марьинскому колхозу. Скот вывели на улицу для передачи его представителям колхоза. Тут же собралось около 100 крестьян. Находившиеся среди толпы раскулаченные Алексей Панин и Андрей Фомин стали призывать: «Бабы, ребята, берите свою скотину». Хозяева увели скот на свои дворы, но уполномоченные снова его отобрали и передали колхозу. Как докладывал 4 марта в окрисполком старший милиционер Жердевского РАО Сысоев, со стороны раскулаченных сопротивления не оказывалось, только были выкрики, обращённые к коровам: «Маруся, не ходи!», а собравшиеся односельчане кричали, что у них нет никаких кулаков⁴⁹. Попытки вернуть скот раскулаченным хозяйствам предпринимались алексеевскими кре-

стьянами и спустя более месяца, 10 апреля, но уже с большим упорством и решительностью. Подобное сопротивление оказали и жители деревень Максимовка и Марьино. Уполномоченный райисполкома при содействии работников милиции там пытался отобрать разобранный скот, но, как докладывал начальник Жердевского РАО, население этому воспрепятствовало. Органы ОГПУ при участии работников РАО и вызванных из окружного административного отдела работников милиции с 15 по 18 апреля принимали меры по наведению порядка. Было арестовано 26 человек, из них 3 кулака, 14 середняков, 2 бедняка, 6 бывших бандитов и один бывший полицейский⁵⁰.

В деревне Ивановке 12 апреля жители помешали передаче в колхоз семенного материала от раскулаченных хозяйств, растащили картофель и корма. Как указано в донесении начальника Жердевского РАО, органами ОГПУ было арестовано три человека, из них двое являлись кулаками и один – бедняком, членом сельсовета⁵¹.

Секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкис докладывал наркомхозу земледелия СССР Я.А. Яковлеву, что выселение кулаков за пределы области происходило «сравнительно спокойно, без всяких эксцессов», «не было ни одного случая, когда бы возникли какие-либо осложнения при выселении и при перевозке выселяемых»⁵². Между тем, как свидетельствуют документальные материалы, в Борисоглебском округе сопротивление выселению кулаков оказывалось. Так, в Жердевском районе в деревне Ивановка Михайловского сельсовета 25 марта 1930 г. толпа в 100 человек помешала выселить три семьи. В селе Воскресёновке того же сельсовета при выселении трёх семей собралась толпа крестьян в 50 человек и не допустила вывоза их из села. В селе Тафинцево Вязовского сельсовета 100 крестьян воспрепятствовали выселению двух семей. В селе Ивановке категорически отказались от выселения трёх кулаков члены Рыбинского сельсовета, заявившие, что они подчиняются только народу. В Алексеевке, Ивановку, Тафинцево и Воскресёновку выезжали члены опергруппы окротдела ОГПУ с отрядами коммунистов. Были приняты меры к выявлению инициаторов сопротивления выселению кулаков в селе Ивановке⁵³.

Активно противодействовали вывозу раскулаченных и жители села Кисельное Русановского района. Собравшаяся по набатному звону 23 марта в 6 часов утра толпа около 1 000 человек помешала выселению Д.И. Дабанина. Крестьяне самостоятельно открыли собрание и создали комиссию по пересмотру раскулаченных хозяйств, в которую вошли кулаки и два члена партии. Комиссия постановила раскулачить одного коммуниста. Для наведения порядка в Кисельное выезжали уполномоченный окротдела ОГПУ и начальник районного административного отделения⁵⁴. Прибывшая 25 марта в село опергруппа окротдела ОГПУ «изъяла» трёх кулаков, инициаторов выступления, и возвратила члену партии отобранное у него имущество⁵⁵.

Чтобы крестьяне не мешали проводить намеченную операцию по вывозу кулаков, власть применяла методы запугивания. Так, в райцентре Мордово 22 марта 1930 г. на крик выселяемого Сергея Боева собрались односельчане. Увидев их, председатель сельсовета Ширяев и комсомольцы в панике кинулись бежать. Инспектор районного административного отделения Попов, не испугавшись толпы, вынул лист бумаги и сделал вид, что записывает участников собрания. Это подействовало на крестьян, и в течение 10 минут толпа рассеялась⁵⁶. Однако чаще всего многолюдный протест не позволял представителям власти сразу осуществить запланированный вывоз раскулаченных.

Крестьянами предпринимались также попытки вернуть выселяемых уже с пути следования их к пунктам сбора. Приведём один, но достаточно яркий пример. В селе Алексеевке Жердевского района 23 марта были «изъяты» две кулацкие семьи. Однако при выезде из села около речки Бурнак подводы с выселяемыми встретила и остановила толпа крестьян в 300 человек с вилами, железными лопатами и тяпками. Из села вслед за «изъятыми» кулацкими семьями гнались две подводы. В одной из них был комсомолец – родственник кулака. Догнав обоз, крестьяне «путём угроз» «отбили» эти семьи у сопровождавшей их группы и увезли с собой. Крестьяне выкрикивали: «Всю ночь будем дежурить, но ни одного кулака не дадим изъять, ничего нам власть не сделает, разо-

брали свой скот, разберём ещё и семена». Жителям Алексеевки помогали в этих действиях крестьяне деревень Марьино и Михайловки⁵⁷.

Аналогичные попытки не допустить выселения односельчан предпринимались крестьянами и в других округах ЦЧО. Об этом сообщается в сводке областного административного отдела за 22 марта 1930 г. В селе Самодурово Фатежского района Курского округа 18 марта во время изъятия кулацких семей толпа в 700 человек оказала сопротивление членам сельсовета и представителям РИКа. Отряд милиции и члены партии в количестве 15 человек предложили крестьянам разойтись, но те не подчинились. Из толпы по отряду было произведено два выстрела. После этого милиционеры дали один выстрел в воздух, и жители разбежались. Для «улаживания волнения» на место выехали помощник окружного прокурора и другие должностные лица⁵⁸.

В селе Нижнее Турово Советского района Старо-Оскольского округа при выселении кулаков собралась толпа в 500–700 человек. Крестьяне стали бить в набат, требуя освобождения подлежащих выселению односельчан. При этом они обезоружили двух милиционеров и одного комсомольца. Находившихся там уполномоченного ОГПУ, начальника РАО и уполномоченного РИКа толпа не тронула, а наоборот допустила разговаривать с жителями. На место выехали секретарь райкома, председатель райисполкома, уполномоченный окрисполкома, уведомив окружные учреждения, что в помощи они не нуждаются и ликвидируют беспорядки своими силами⁵⁹.

Выселению кулаков воспрепятствовала 3 апреля 1930 г. и толпа в селе Тростинец Велико-Михайловского района Старо-Оскольского округа. Кулаки растащили конфискованное имущество, выгнали из домов бедняков. Уполномоченным РИКа толпа предложила под угрозой расправы покинуть село. На место выехала опгруппа с 15 милиционерами. Об этом Полномочный представитель ОГПУ по ЦЧО Н.Н. Алексеев в тот же день в 23 часа 30 минут доложил по телеграфу заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде⁶⁰.

Выселению кулаков, как сообщал Н.Н. Алексеев, сопротивлялись и в Тамбовском округе. В селе Сабинка Моршанского района толпа в 200 человек из-

била уполномоченных, выгнала членов сельсовета из помещения, заявив, что не допустит изъятия кулаков, «хотя бы приехала вооружённая сила». В село был послан отряд коммунистов. Толпа в 200–300 человек не давала выселить кулаков в сёлах Кершинские Борки и Чиркино. И туда отправились оперативные работники с отрядом коммунистов из 30 человек. В райцентре Алгасово выселению кулаков воспрепятствовала толпа женщин, также заявившая, что не допустит выселения, «хотя бы и была прислана вооружённая сила». На место выехали оперативный работник окружного отдела ОГПУ и заместитель председателя окрисполкома с отрядом из 20 человек⁶¹.

Проведение раскулачивания вызвало в стране массовые крестьянские выступления. За первые два месяца 1930 г. в СССР произошло 1 467 таких выступлений⁶². В Центрально-Чернозёмной области с января по 15 марта 1930 г. было учтено 265 выступлений: в январе – 60, в феврале – 82, в марте – 123⁶³. В записке начальника СОУ ОГПУ Е.Г. Евдокимова, адресованной 7 марта 1930 г. И.В. Сталину, указывалось, что по количеству участвующих в выступлениях область «занимает первое место»⁶⁴. Как верно отмечает исследователь Л. Виола, в ЦЧО деревни были достаточно большими, а их население в целом однородным как в социальном, так и в экономическом отношении, что повышало вероятность участия в восстании всех жителей, а сравнительно высокая плотность населения позволяла поддерживать тесный контакт между мятежными деревнями⁶⁵. По данным информационного отдела ОГПУ, в числе округов ЦЧО, наиболее «поражённых» крестьянскими волнениями, значится и Борисоглебский округ. В январе 1930 г. здесь было зафиксировано 4 массовых выступления, в феврале – 15 выступлений⁶⁶.

О некоторых из этих выступлений упоминается в отдельных работах⁶⁷, обстоятельного же их освещения в литературе пока нет. В советской историографии всем волнениям, произошедшим в период коллективизации, давалась однозначная оценка как кулацким, контрреволюционным. Современные исследователи в основном отмечают их антиколхозную направленность. Однако ограничиваться только такой характеристикой нельзя. Для получения более объек-

тивного представления о политической обстановке в деревне необходимо воссоздать полную и достоверную картину событий. Попытаемся это сделать на примере крестьянских выступлений, произошедших зимой 1930 г. в Таловском районе Борисоглебского округа.

В селе Никольском волнение крестьян началось 30 января 1930 г. в связи с предпринятыми местной властью арестами некоторых зажиточных хозяев. Собравшаяся толпа (около тысячи человек) потребовала разъяснения, за что арестовывают их односельчан. О мотивах протестного поведения крестьян можно судить по звучавшим в толпе призывам: «У нас нет кулаков, какие тут кулаки, когда все сидим без хлеба и скота. Пусть тогда берут всех нас, а то по одному они всех нас переарестуют и передёргают, не надо давать ни одного, пусть всех берут!». Шумно демонстрируя свое несогласие с политикой раскулачивания, крестьяне, однако, никаких других действий против власти не предпринимали, а затем и вовсе разошлись по домам. Представители власти к населению не вышли и не дали никаких разъяснений, но в то же время запросили по телеграфу помощи у районного руководства. Уже вечером 30 января в Никольское прибыла группа ответственных работников: начальник Таловского районного административного отделения М.П. Черенков, старший милиционер Спорыхин, наряд из восьми вооружённых милиционеров, уполномоченный окружкома ВКП(б) и окрисполкома Д.А. Яковлев, председатель райколхозсоюза Н.З. Мехедов, райуполномоченный ОГПУ Чернов, старший инспектор окррозыска П.Ф. Яненко. Они попытались арестовать некоторых жителей села, что привело к новому всплеску недовольства никольцев. В селе поднялся женский крик. Несмотря на глубокую ночь, крестьяне быстро выходили из домов и направлялись к площади. У церкви собралось 600–800 человек. Преимущественно это были женщины и несовершеннолетняя молодежь. Толпа, «вооружённая камнями, палками, вилами, лопатами» с криками: «Бей коммунистов, бандитов, долой грабителей и насильников, не дадим в обиду наших отцов и благодетелей!» с церковной площади устремилась к правлению колхоза. Там её встретили милиционеры и местные партийцы, рассыпавшись цепью⁶⁸. Из толпы доносилось:

«Нам не нужна Советская власть. Кулаков у нас нет, и мы их вам не выдадим. У нас все пролетарии. Если вы сейчас выселяете кулаков, то доберётесь и до нас — бедноты»⁶⁹. Следует отметить, что представители власти в создавшейся обстановке проявили достаточно выдержки и благоразумия, чтобы не допустить кровопролития. Мехедов, Чернов и Яковлев вышли навстречу жителям, призывая их остановиться, близко не подходить и слушать, что им будут говорить⁷⁰. Но их слова перебивались стуком лопат, руганью и криками: «Бей их!», «Грабители!»⁷¹, «У нас нет кулаков!»⁷². Когда крестьяне подошли почти вплотную, работники, предупредив, что за их головы придётся отвечать сторицею, объявили, что в бедноту и середняков они стрелять не намерены, и уговаривали не вынуждать их на этот последний шаг. Предлагая следующим утром на специальном собрании поговорить обо всём, они просили собравшихся разойтись по домам⁷³. Сдерживание толпы продолжалось до 3 часов ночи⁷⁴. Уговоры подействовали, народ стал успокаиваться. Около 600 человек отступили к церковной ограде, а Мехедов, Чернов, Яковлев, Рязанов, подойдя к оставшимся, ещё в течение часа вели с ними беседу⁷⁵. Только с рассветом жители разошлись⁷⁶. Утром противостояние власти и крестьянства возобновилось. Народ потребовал открыть собрание граждан села. Предложение председателя райколхозсоюза Мехедова удалить кулаков с собрания было встречено возгласами: «Нет их у нас! Не дадим!»⁷⁷, «У нас в Никольске кулаков нет!»⁷⁸, «Это выдумка сельского совета», «Они лишены избирательного права неверно, они раньше были батраками», «Арестовывать в Никольском никого не дадим»⁷⁹, «У нас нет кулаков! Все мы стали одинаковы и равны!»⁸⁰. Не сумев разубедить крестьян, Мехедов ушел с собрания в здание сельсовета⁸¹. Пошумев, разошлись и крестьяне.

На выступление никольцев незамедлительно отреагировало и окружное руководство. 31 января к 15 часам в Никольское прибыли начальник окружного административного отдела Ерофеев, инспектор уголовного розыска с 10-ю милиционерами, начальник окружного отдела ОГПУ Вейнберг с сотрудниками, комиссар авиашколы с 55-ю курсантами⁸². В это время в селе было спокойно. Начались аресты «кулаков». А спустя полчаса по улице забегали жители, соби-

раясь около церкви. Красноармейцы, милиционеры, сотрудники железнодорожной охраны начали убеждать людей разойтись. Начальник окротдела ОГПУ Вейнберг, начальник окрадмотдела Ерофеев пытались разъяснить крестьянам, что они действуют неверно, что это дело не бедняков, не середняков, а кулаков. В ответ на предложения разойтись жители шумели: «Стреляй нас!»⁸³. Как докладывал в областной административный отдел Ерофеев, их пришлось разгонять «силой»⁸⁴. Село было взято под контроль военными и милицейскими патрулями. Для связи с руководством округа из Борисоглебска были вызваны 3 учебных самолета. Аресты кулаков продолжились. Всего арестовали 18 жителей села⁸⁵. На следующий день, 1 февраля, арестованных под конвоем направили в Борисоглебск, с ними следовали начальник ОГПУ Вейнберг и его сотрудники⁸⁶. Порядок в Никольском был восстановлен, все красноармейцы покинули село. Сотрудники ОГПУ начали следствие, которое велось в чрезвычайном порядке.

Участие в усмирении никольских крестьян и районного, и окружного руководства прямо свидетельствует об опасении власти распространения протестных действий в других селениях и её стремлении это предотвратить. Однако рост недовольства крестьянства продолжился. В селе Новая Чигла причиной к выступлению, как отмечал начальник окружного административного отдела Ерофеев, «главным образом, послужило то, что местному священнику было предложено вывезти семенной материал – он не вывез и подвергся пятикратному штрафу, а когда и штраф в количестве 140 пудов им был не выполнен, то приступили к описи разного движимого имущества – собравшаяся толпа воспрепятствовала изъятию его»⁸⁷. Исследованные нами архивные документы позволили установить, какие требования выдвигали крестьяне, какие действия они совершали, и что предпринимала местная власть для успокоения населения. 1 февраля 1930 г. группа женщин из 50 человек стала требовать от сельсовета дать им подписку о том, что «у них не возьмут попа А.М. Щёголева», у которого в этот день за невыполнение контрольного задания по сдаче семенного материала было изъято имущество на сумму 547 руб., хотя земельного надела

он не имел. Они также потребовали, чтобы не закрывали церковь. В это время на площади против сельсовета собралось до трёхсот женщин. Толпа направилась к складу, где хранилось конфискованное у раскулаченных имущество, но местным работникам «путём разъяснения» удалось увести людей в помещение театра, где состоялся митинг, после которого все разошлись⁸⁸.

2 февраля толпа в 500 человек потребовала освободить арестованного священника Антонова и всех кулаков, прекратить раскулачивание, вернуть кулакам их имущество⁸⁹. Крестьяне возмущённо кричали, «что их насильно сгоняют в колхоз, в который они не хотят идти, непосильно обложили семматериалом, т.к. и без того их местная власть ограбила, напрасно сажают попов и грабят их имущество.

3 февраля у сельсовета собралось до двух с половиной тысяч жителей, преимущественно женщин. Среди них были и приезжие из посёлков и хуторов Осиновского, Воскресенского и 2-го Вознесенского сельсоветов. По требованию этой многочисленной толпы под открытым небом началось сельское собрание, председателем которого была выбрана неграмотная беднячка Матрёна Костылёва, а секретарём – «крепкая середнячка» Татьяна Федодеева. В повестку дня по предложению сельсовета включили два вопроса: значение подготовительной работы к весенне-посевной кампании и революционная законность. Но об этом местным работникам пришлось говорить мало, так как собравшиеся не хотели их слушать, и слово для выступления предоставлялось женщинам, находящимся в толпе. Татьяна Федодеева призывала не вступать в колхоз. Требование Екатерины Слизковой о том, что «нужно освободить забранных властью попов и кулаков», было встречено громкими продолжительными аплодисментами. В поддержку кулаков высказалась и беднячка Наталия Дементьева, член президиума 1-го Ново-Чигольского сельсовета⁹⁰. Из толпы были слышны голоса: «Кулаков у нас нет!», «Надо раскулачить коммунистов и лишить их права голоса»⁹¹. Когда член президиума Таловского райисполкома Малоброцкий объявил о закрытии собрания, возмущённые жители, «захватив в свои тесные кольца всех присутствующих отдельных работников», стали настаивать на про-

должении собрания, при этом председатель сельсовета Долгушин получил несколько ударов⁹². Пошумев до 5 часов вечера, жители, как и в предыдущие дни, ушли домой⁹³. 4 февраля на базарной площади вновь собралось около тысячи человек. Местные и приехавшие районные работники «влились» в массу, давая разъяснения по вопросам недовольства граждан. С наступлением темноты все разошлись. Как свидетельствуют документы, жители Новой Чиглы также были не согласны с политикой раскулачивания. Их требования были вполне обоснованными. Противодействие крестьян ограничилось здесь лишь шумным протестом. Начальник Таловского районного административного отделения Черенков и агент уголовного розыска Мукосеев отмечали, что за все эти дни «какое-либо вооружение у массы отсутствовало»⁹⁴. Они сообщали в окружной административный отдел: «В настоящий момент в Чигле спокойно, т.к. проводились всевозможные собрания с бедняцким и середняцким активом и приступлено к практической работе в частности по налаживанию дел коллективизации»⁹⁵. 5 февраля крестьяне «продемонстрировали по селу» «Красным обозом» и свезли на общий двор весь свой сельскохозяйственный инвентарь⁹⁶.

Чтобы не допустить дальнейшего распространение массовых крестьянских выступлений, власть предпринимает следующие меры.

7 февраля 1930 г. начальник Таловского районного административного отделения М.П. Черенков обратился в президиум райисполкома с ходатайством за счёт ассигнования особой статьи бюджета РИКа дополнить штат сотрудников, чтобы иметь для постоянного дежурства при РАО или одного штатного помощника, или двух старших милиционеров и трёх ведмилиционеров⁹⁷.

В тот же день, 7 февраля 1930 г., состоялся пленум Таловского райкома ВКП(б), на котором с докладом «Уроки Никольского и Чигольских событий» выступил уполномоченный окружкома и окрисполкома Д.Я. Яковлев⁹⁸. В прениях по докладу были названы такие причины волнений. События в Чигле «произошли исключительно из-за неправильного раскулачивания, начавшегося с ареста попа и конфискации предметов первой необходимости», а также из-за «отбора у попа мелких вещей»⁹⁹. В принятом постановлении отмечалось: «Ку-

лак ликвидировался административно – без мобилизации общественного мнения и инициативы бедняцко-средняцких масс. Классовый принцип раскулачивания подменялся административным отбором «барахла», а не средств орудий производства (Чигольский сельсовет), отбором у попа мелких домашних предметов – очков, гребешков, панталон и проч. Метод раскулачивания использовался в первую очередь на ликвидацию «поповства», без увязки с углубленной работой и инициативой масс»¹⁰⁰. Указаны были также и нарушения, допущенные при создании семенных фондов: «Порядок раскладки семфондов противоречил законодательству и ориентировался не на реальность обеспечения семенами ярового посева, а использовался как метод раскулачивания. Семфондом переобложен не только кулак, но и некоторая часть середняка (Чигольский сельсовет), середняцкие хозяйства, платящие с/х налог до 10 руб. облагались в отдельных случаях от 300 до 800 пудов зерна и клубнеплодов»¹⁰¹.

Пленум признал, что со стороны партийных ячеек «не проявлено должного своевременного реагирования предупредительного характера до непосредственного разгара волнений, путём усиления работы с беднотой и батрачеством». Было принято решение снять с работы секретаря Никольской ячейки Алешникова «за слабость руководства, нераспорядительность и паникёрство», немедленно переизбрать состав сельсоветов, отменить раскладку семфондов, «увязав порядок раскладки с действующими директивами, обеспечивая реальный сбор семфонда, а не барахление». Одновременно предлагалось укрепить административный отдел в районе и по участкам, «путём качественного подбора милицейского состава и замены начальника РАО, тов. Черенкова за проявленную растерянность и паникёрство с работы снять». Наряду с этим, в целях «обеспечения охраны революционной законности», пленум счёл необходимым «за счёт ассигнования местного бюджета» «иметь специально на районе уполномоченного ОГПУ – хотя бы за счёт ассигнования местного бюджета»¹⁰².

Уполномоченный окружкома и окрисполкома Д.Я. Яковлев сообщил секретарю окружкома Колесникову, что, по его мнению, способствовало росту недовольства крестьян и что привело к выступлениям: «В результате обследования

ния Никольского, Чигольского и Трайнянского с/советов – установлены факты извращения политики «раскулачивания», а именно: масса остается в стороне от осуществления мероприятий «раскулачивания» и таковое проходит в большинстве административным путем и в лучшем случае лишь при инициативе Пленума с/с. Есть случаи разменивания на мелочи и недооценки настроения масс. Так, например, факт поголовного отбора имущества у попа, вплоть до отбора домашних вещей (расчёсок, рубашек, рваных брюк и т. д.), что вызывает ропот со стороны религиозного крестьянства»¹⁰³. Далее он делает вывод: «Крестьянская волынка, имевшая место в Таловском районе, объясняется активным сопротивлением кулачества и подогревалась рядом принципиальных и практических ошибок и искривлений, допущенных местными парт. и сов. организациями»¹⁰⁴.

Таким образом, причины крестьянских выступлений властью были установлены, и некоторые ответственные работники привлечены к ответственности. Секретарь окружкома партии Колесников уже 13 февраля 1930 г. поспешил доложить по телеграфу в обком: «Волынок подобным Таловским остальным районам не наблюдается»¹⁰⁵.

Между тем, в самом Таловском районе сопротивление крестьян раскулачиванию не прекращалось, а, напротив, охватывало новые селения. Политическая обстановка в районе с середины февраля 1930 г. становилась всё более напряжённой. О том, какими мерами власть намеревалась сдерживать рост массовых волнений, можно судить по письму начальника Таловского районного административного отделения М.П. Черенкова, адресованному 19 февраля 1930 г. в окружной административный отдел. В нём изложена такая просьба: «В виду неблагополучности в районе в связи с проводимыми политическими кампаниями, считаю необходимым ходатайствовать перед Вами о присылке нам во временное пользование, как запас на всякий случай, винтовок 6 штук, патрон к ним 1500 шт., револьверов 2 шт., патрон к ним 200 шт., подсумков 12 шт., кроме этого, прошу о выполнении моего заказа на три седла и сообщить в отношении лошадей или отпуска средств на покупку таковых и пяти шашек.

Если винтовки во временное пользование получить нельзя, то высылайте за наличный расчёт. Деньги будут высланы по получении»¹⁰⁶.

Как показали последовавшие вскоре события, вооружённые милиционеры всегда привлекались местным руководством для усмирения крестьянского населения. Кроме того, использовались и войска ОГПУ. Так, 19 февраля 1930 г. в 22 часа из Воронежа в Таловский район была направлена специальным поездом маневренная группа войск ОГПУ в составе 100 штыков при пулемётах во главе с начальником ОО-КРО ПП ОГПУ Ж.И. Дамберг. Группа прибыла на место 20 февраля в 3 часа и «приступила к операции»¹⁰⁷. 21 февраля «отряд ПП ОГПУ в количестве 80 штыков и 3-х пулемётов» и начальник Таловского РАО с личным составом вступили в Тишанку.

Анализ документов позволил воссоздать подлинную картину события, произошедшего в Тишанке.

19 февраля в Секретно-оперативное управление ОГПУ из Воронежа поступила телеграмма от полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО, в которой сообщалось о захвате толпой колхозного зерна из амбара в селе Тишанка и о том, что на место «выехала маневренная группа войск ОГПУ, представители окружного комитета ВКП(б) и окрисполкома»¹⁰⁸. Полномочный представитель ОГПУ по Центрально-Чернозёмной области Н.Н. Алексеев 25 февраля 1930 г. по прямому проводу проинформировал Секретно-оперативное управление ОГПУ, что в Тишанке 19 февраля по набатному звону собралась толпа в количестве 3,5 тысяч человек с требованием раздачи обобществлённого и конфискованного скота и инвентаря, она избивала председателя колхоза, двух милиционеров, сломала замки скотного двора и разобрала обобществлённый скот¹⁰⁹.

Да, действительно, 19 февраля в Тишанке по набатному звону собралось более трёх тысяч человек. Крестьяне требовали освободить арестованных кулаков и священника, вернуть обобществлённый и конфискованный скот, имущество, инвентарь, собранный семенной материал и высланных на Соловки кулаков¹¹⁰. Затем они устремились к правлению колхоза. Оттолкнув председателя колхоза и сломав запер на воротах, ворвались во двор¹¹¹. Одни стали выводить

из помещений лошадей, коров, овец. Другие, сбив замки на сараях и амбарах, разбирали инвентарь, сбрую, тащили сани¹¹². Всего увели 20 лошадей, 9 коров, 23 овцы¹¹³. Правда, как свидетельствуют документы, скот и имущество разбирали в основном их бывшие хозяева: например, Григорий и Анна Лазукины – конфискованных у их отца лошадь, жеребёнка и трёх овец, Андрей Костин – свою лошадь, Пётр Зайцев – конфискованную у него корову, Гавриил Чибисов – лошадь, сбрую и сани¹¹⁴. Толпа, увеличившись до четырёх тысяч человек¹¹⁵, колоннами направилась из 1-го сельсовета за 3,5 версты во 2-ой сельсовет, где находилось отделение колхоза¹¹⁶. Там крестьяне растащили часть инвентаря, рассыпали по двору зерно из семенного фонда, потом начали бить камнями и кирпичами в стены сельсовета. Из толпы кричали: «Кулаков у нас нет!», «Прекратить раскулачивание!», «Вселить в дома выгнанных кулаков!»¹¹⁷. Несколько человек ворвались в здание сельсовета и набросились на его председателя Марфу Чибисову с угрозами: «Бей председателя, посадим на их место своих!»¹¹⁸. Четырём сельским исполнителям и активистам из бедняков удалось её защитить, заперев в другую комнату¹¹⁹. Обнаружив шкаф, отобранный у одного из раскулаченных, и выбросив из него бумаги и книги, крестьяне унесли его. Вечером толпа разошлась¹²⁰. Местный актив, работники сельсовета, члены партии, боясь расправы, всё это время находились в здании почты, «где они организовали штаб и установили дежурство»¹²¹.

На следующее утро в Тишанке вновь зазвонил набатный колокол и собралось около 3,5 тысяч человек. На состоявшемся общегражданском собрании была принята резолюция: «...а) вернуть в 24 часа арестованных из Соловков и других мест; б) колхозов не надо; в) церковей не трогать, налоги не накладывать, попов не трогать, вернуть попам дома, ныне занятые учреждениями, убрать из церковей профсоюзных сторожей; г) кулаков у нас нет; определять их будем мы; лишения избирательных прав без нашего участия не допускать; описи имущества, аресты без нашего ведома не производить; д) немедленно выселить из конфискованных домов культработников, вернуть их владельцам; е) долой коммунистов из кооперации и совучреждений, переизбрать кооперативы и

сельсоветы, поставить своих людей; ж) норма выдачи товара для всех одинакова; з) семена ссыпать не будем; свободу в 1917 году завоевали мы и распоряжаться землёй будем сами; и) долой коммунистов, комсомольцев, пионеров»¹²².

По содержащимся в резолюции требованиям можно сделать вывод, что проводимая в деревне политика вызывала у значительной части крестьянства неодобрение и стремление заставить власть её изменить. Крестьяне добивались, прежде всего, прекращения раскулачивания и возврата конфискованного имущества, так как считали насильственные действия по отношению к крепким хозяевам несправедливыми.

Восстание в Тишанке, как докладывал руководству области временно исполняющий обязанности начальника областного административного отдела Земисев, «было подавлено»¹²³. 53 его участника арестовали¹²⁴. Какими мерами устранялись беспорядки, можно судить по тексту докладной записки представителя окружкома ВКП(б) Зоркина: «По приезде нас в Тишанку с отрядом всё, конечно, изменилось. Арестованы руководители митинга, участники грабежа колхоза. Проведены собрания сельсоветов всех трёх сел, совместно с активом.

А 22/II с 2-х час. дня до 7 час. вечера нами проведён общегражданский митинг в количестве 3 с лишним тысяч чел. Была абсолютная тишина и лишь только при принятии резолюции большинство крестьян от 2-го сельсовета, выкриками протестовали против резолюции, заявляя об отсутствии семян.

Но подавляющим числом голосовавших от 1-го с/совета, а также и от Старой Тишанки – голосовали за принятие»¹²⁵.

Так с помощью военной силы порядок в селе был восстановлен, а разорванное имущество возвращено колхозу.

Для пресечения недовольства крестьян военные команды были направлены и в другие сёла Таловского района. 24 февраля 1930 г. красноармейский отряд особого назначения вступил в Новую Чиглу. Там сразу собралось около 700–850 жителей¹²⁶. Из толпы раздавались выкрики: «Не дадим никого арестовывать»¹²⁷. Простояв до 2 часов дня и видя, что красноармейцы ничего не предпринимают, толпа поредела. На площади осталось 250–300 человек. В 3 часа

дня красноармейцы отдельными группами разъехались по селу арестовывать кулаков, крестьяне побежали вслед за ними¹²⁸. Около одного из домов, где производился арест, собралось до 100 человек. Крестьяне попытались обезоружить красноармейцев. Бойцы дали в воздух несколько выстрелов, но рассеять окружившую их толпу не удалось, и им с трудом пришлось пробираться через неё. То же самое происходило и в других местах, и там также раздались выстрелы. 10 жителей всё же было арестовано¹²⁹.

Когда зазвучали выстрелы, жители со всех сторон устремились к сельсовету. Для сдерживания толпы встала цепь красноармейцев с пулемётом в середине. Многочисленные предупреждения остановиться и разойтись народ не слушал и продолжал наступать, требуя освободить арестованных. Тогда военные дали вверх несколько винтовочных выстрелов и пулемётных очередей. Толпа немного приостановилась. Выстрелы производили только «вверх», в народ не стреляли. Представители власти попытались уговорить крестьян успокоиться и разойтись по домам. Подойдя к ним, командный состав и сотрудники окружного отдела ОГПУ, начальник отряда, местные партийцы, комсомольцы и активисты просили их не волноваться, не выступать против советской власти, успокоиться и разойтись по домам. Однако это не помогло. Жители, требуя освободить арестованных, вернуть отобранное имущество¹³⁰, призывали красноармейцев перейти на их сторону: «Сдавайте оружия, всё равно вы с нами ничего не сделаете, у царя было 60 тысяч пулеметов и то победили», «Зачем вы идёте на своих отцов и братьев, ведь они так же у вас бунтуют, как и мы»¹³¹. Заметив, что к сельсовету с арестованными возвращаются несколько красноармейцев, крестьяне с криками бросились на них и, нанеся удары, освободили односельчан. Чтобы выручить своих товарищей, бойцы из отряда дали в воздух несколько залпов из винтовок и пулемётных очередей и оттеснили нападавших. Звон на колокольне не прекращался. «Ага, приехали грабить, вот мы вам покажем», — неслось из толпы. Крестьяне вновь стали напирать на красноармейцев. Отряд вынужден был зайти во двор сельсовета, выставив там пулемёт. В это время начало темнеть. Открыв пулемётный и ружейный огонь вверх, бойцы кинулись к

толпе и оттеснили её. Крестьяне, заявив, что завтра вооружатся, чем только можно, стали расходиться, и к 20 часам площадь опустела. Для успокоения жителей командир военного отряда распорядился освободить из-под ареста 10 человек¹³².

На другой день, 25 февраля, с 9 часов утра на улицах появились отдельные толпы по 100–200 человек. Им был объявлен приказ начальника гарнизона, в котором жителям «в последний раз» предлагалось мирно разойтись по домам. Но это не возымело действие. Тогда патрули рассеяли стоявших крестьян «путём стрельбы вверх и разгона». С 2 часов дня в селе началось «изъятие» кулаков и других лиц, «чуждых соввласти». Эта «работа», по сообщению старших милиционеров 3-го участка Головина и Шинкаренко, «протекала спокойно». В течение суток было задержано 160 мужчин и женщин, из них 85 человек отправили из села, а остальных отпустили. Не обошлось без жертв среди крестьян: один житель села, сын кулака-«лишенца», звонивший в колокол, оказался убитым, два крестьянина-середняка были ранены, один из которых впоследствии умер в больнице¹³³. В последующие дни «работа пошла обычным путём»: 27 февраля раскулачили 26 хозяйств, 28 февраля к 12 часам поступило 750 пудов семян¹³⁴.

Большое упорство проявили и жители Александровки. Заведующий агит-массовым отделом окружкома Зоркин, принимавший непосредственное участие в подавлении беспорядков, докладывал секретарю окружкома ВКП(б) Колесникову: «Там после ареста главарей толпа настойчиво требовала освобождения и собранием граждан так была настроена, что не давали говорить всем нам по очереди выступавшим. И, несмотря на то, что собрание было под открытым небом при значительном морозе, они не расходились и оставались у здания правления колхоза, до самого момента отправки арестованных в Таловую»¹³⁵. Столь решительную поддержку кулаков председатель сельсовета Найдёнов объяснял так: «Кулаки имеют сильное влияние на остальные прослойки, в частности на бедноту, во-первых, благодаря родственных связей (до 50 % бедняцких хозяйств с кулацкими), примерно: у Покатаева И.Е. и Хромых И.И. до 60 бедных

хозяйств в родстве и, во-вторых, с чисто экономической стороны (отпуск в кредит и проч. одолжения). Кроме, также родственная связь имеется в населённых пунктах: сёл Н. Чиглы, В. Тишанки, Ст. Тишанки, посёлков Успенского, Н. Александровкого, Н. Троицкого, откуда за отсутствием церквей (в посёлках), приезжают в с. Александровку для совершения церк. обрядов и т.п., так что перчисленные селения между собой тесно связаны (расстояние они друг от друга от 5 до 17 вёрст). В селе Александровке имеется школа, крестьянство политической интересуется, выписывается масса газет»¹³⁶. Как видим, представителем власти давалось вполне объективное объяснение протестному поведению середняков и бедняков. Тем не менее, основным методом воздействия на них стало использование вооруженной силы.

Войска ОГПУ были направлены и в Шанинские хуторные участки, где жители также активно выступали против раскулачивания. К зданию 2-го Шанинского сельсовета 22 февраля с разных посёлков приехало 15 подвод, полных людьми. Работники сельсовета разбежались, а толпа численностью более 200 человек кричала: «Не дадим раскулачивать кулаков, не сдавайте семзерна, долой колхозы!» В этот же вечер на 38-м участке был разобран обобществлённый скот и инвентарь. То же самое произошло 23 февраля на 32-м и 35-м участках, где, кроме того, были избиты представители сельсовета. Разобрать семенной фонд крестьяне пытались 24 февраля и на 27-м участке, но колхозным активистам удалось отстоять его. Чтобы успокоить народ, сельсовет в этот же день созывал два общих собрания, но они были сорваны противниками раскулачивания и коллективизации¹³⁷.

«У нас нет кулаков, штрафовать и раскулачивать некого», – заявляли жители и в селениях 1-го Шанинского сельсовета. Там крестьяне также препятствовали изъятию штрафа за не сдачу зерна в семенной фонд и требовали прекратить раскулачивание, возвратить конфискованное имущество и не создавать колхозов. Призывая брать пример с Новой Чиглы, они не давали арестовывать своих односельчан. 23 февраля возбуждённой толпой на 40-м участке был разо-

бран обобществлённый скот и растащен инвентарь, а 26 февраля то же сделали и на 28-м участке¹³⁸.

3-м Шанинским сельсоветом 18 февраля на 20-й участок были посланы бригадиры колхоза «Путь Ленина» для сбора семенного материала. В 11 часов утра у дома раскулаченного А.Ф. Мухина собралось около 500 человек, кричавших: «Долой колхозы, не сдавать семена и не давать никого раскулачивать!» Толпа остановила двух бригадиров, вывалила их из саней и начала бить. Был избит и председатель сельсовета, а заведующего конной станцией ударили колом по голове. На другой день, 19 февраля, поддержать крестьян 20-го участка спешили на 15 подводах с кольями и лопатами в руках жители 24-го и 14-го участков. Но милиция их не допустила. 23 февраля на 23-м участке крестьяне разобрали инвентарь и намеревались растащить семенной фонд. Милиционеры пробовали разогнать толпу, но жители, отобрав лошадь, прогнали их. Те отступили, отстреливаясь. После прихода красноармейского отряда были произведены аресты крестьян¹³⁹.

Неспокойно стало в эти дни и в Тройне. 23 февраля работники сельсовета вновь приступили к взиманию штрафа за несдачу зерна в семенной фонд у И.Ф. Субботина, но односельчане заявили им, что если они не перестанут этого делать, то их убьют. Сельсоветчикам пришлось прекратить изъятие имущества. К вечеру по селу прошёл слух, что тех, с кого не удалось взыскать штраф, будут арестовывать. Опять зазвонили на колокольне. У домов И.Ф. Субботина и А.Д. Ершовой собрались крестьяне и всю ночь охраняли их. 24 февраля с рассветом, узнав, что у колоколов отбиты языки, взбежавшие на колокольню крестьяне зазвонили кто чем мог – топорами, молотками. К церкви быстро собралось почти всё село. Окружив дом, в котором находились приехавший в Тройню председатель райисполкома Смирнов с председателем сельсовета Маликовым и членами совета, крестьяне начали ломать дверь. Выбив бревном дверь, ворвавшиеся в дом выволокли на улицу члена сельского совета Беляева и начали избивать его, а затем и председателя сельсовета. Только общими усилиями сельским исполнителям удалось отбить их¹⁴⁰. Жители потребовали открыть

общее собрание. После того, как им это было обещано, они направились к сельсовету и распустили колхозных лошадей, выкрикивая: «Вот вам, чтобы ваш колхоз не существовал!»¹⁴¹, «Всё равно не дадим строить колхоз!»¹⁴². Собрание прошло довольно спокойно, хотя крестьяне говорили, что они не дадут отправлять семенной фонд¹⁴³. Весь вечер многотысячная толпа под непрерывный набат требовала прекращения обобществления семян и скота и долгое время не расходилась¹⁴⁴. На следующий день, 25 февраля, в селе отмечалось сравнительное затишье, жители сорвали только одно участковое собрание да по улицам ходили небольшими кучками по 10–15 человек¹⁴⁵. Однако это вовсе не означало, что крестьяне согласились с коллективизацией и раскулачиванием.

Очаг неповиновения крестьян, возникший в Тройне, власть также намеривалась ликвидировать с помощью военной силы. Подтверждением тому служит докладная записка представителя окружкома ВКП(б) Зоркина, адресованная ещё 21 февраля 1930 г. секретарю окружкома Колесникову. В ней, в частности, говорилось: «Я прошу переговорить с обл. ГПУ т. Гордон, чтобы их маневренную группу задержать до 27 февраля и не отзывать 25-го, т.к. я имею в виду охватить ещё Тройню и Осинки, где без реальной силы взять имеющиеся там контрреволюционные элементы и кулаков не удастся, а сделать это необходимо именно теперь, не дожидаясь распространения большего влияния на бедняцко-средняцкую часть деревни, т.к. там те же лозунги, как-то: «Долой коммунистов, вся власть народа, без крови не обойдёмся, без войск не возьмёте ничего»¹⁴⁶.

Для личной встречи с крестьянами 26 февраля в 3 часа дня в Тройню на самолёте прилетел секретарь окружкома партии Колесников. Но митинг, на котором он пытался выступить перед жителями, был сорван криками: «Ты прилетел нас запугивать и уговаривать идти в колхоз», «Долой его с трибуны!» Вечером был созван пленум сельского совета с участием колхозников. Собравшаяся по колокольному звону большая толпа с вилами, кольями, лопатами и топорами в руках, с криками «бей их» сорвала его проведение. Милиционеры попытались разогнать толпу¹⁴⁷. Крестьяне, «рассвирепев», стали избивать членов сельсовета

и милиционеров, и Колесникову вместе с 10 милиционерами пришлось уходить из села. Толпа долго преследовала их. Представители власти вынуждены были отступить 7 километров¹⁴⁸.

После неудавшейся попытки окружного руководства воздействовать на крестьян уговорами, усмирить их было поручено отряду войск ОГПУ. 26 февраля, как сообщал в секретно-оперативное управление ОГПУ по прямому проводу из Воронежа полномочный представитель ОГПУ по ЦЧО Н.Н. Алексеев, в Тройню выбыл начальник окружного отдела ОГПУ Дамберг с маневренной группой 100 штыков¹⁴⁹. В Тройню красноармейский отряд вступил 27 февраля. Местные жители пытались занять колокольню, чтобы ударить в набат, но им это сделать не удалось. Когда начали производиться аресты, крестьяне с кольями, топорами и вилами встречали красноармейцев, пытаясь оказать им сопротивление. Чтобы оттеснить толпу, бойцы дали несколько выстрелов вверх, и только после этого им удалось арестовать «нужных лиц»¹⁵⁰. Итак, противодействие крестьян власти и в Тройне было пресечено с использованием военной силы.

В тот же день, 27 февраля 1930 г., секретарь обкома ВКП(б) И.М. Варейкис по телеграфу докладывал И.В. Сталину: «Во всех сёлах Таловского района, в результате работы отряда ПШ ОГПУ, теперь спокойно. Произведены аресты. В с. Тройню отправлен отряд войск ОГПУ в составе 100 штыков»¹⁵¹. Необходимость применения вооруженных сил для усмирения крестьянского населения И.М. Варейкис обосновывал так: «Наличных войск ОГПУ 276 штыков в области явно недостаточно. Невозможность использования отдельных проверенных частей РККА при отсутствии войск ОГПУ может привести к промедлению в ликвидации выступлений, что чревато неблагоприятными последствиями»¹⁵². Секретарь обкома предлагал «либо увеличить для области общее число войск ОГПУ, либо разрешить распоряжением обкома, ПШ ОГПУ и местного военного командования брать в крайних случаях отдельные проверенные части РККА»¹⁵³.

Демонстрацией оружия перед крестьянским населением власть не ограничилась. Для пресечения массовых выступлений применяются жесточайшие репрессии против их «зачинщиков». После арестов их привлекают к уголовной ответственности. По завершении следствия дела рассматривались «тройкой» при полномочном представительстве ОГПУ по ЦЧО во внесудебном порядке. Так, по постановлению «тройки» от 27 февраля 1930 г. десять крестьян села Никольское Таловского района были приговорены к расстрелу, четверо по постановлениям «тройки» от 27 и 28 февраля 1930 г. приговорены к заключению в концлагерь сроком на десять лет и один – на пять лет¹⁵⁴.

Тяжкие испытания выпали на долю родных репрессированных никольцев. Об этом автору исследования удалось узнать из личных бесед с ними. Гонениям подверглись и родители, и жены, и дети осуждённых «тройкой» крестьян. Несколько семей вывезли в «телячьих» вагонах в Сибирь, в Бадайбинский район Иркутской области. Среди них были жена Степана Васильевича Кисурина Марфа Кирилловна с сыном Алексеем, и дочкой Авдотьей, сын Василий с женой, трёхлетним сыном и полуторагодовалой дочкой, дочь Мария с тремя детьми. Её мужа Сырова Ивана Петровича отправили в Ленинградскую область на принудительные работы, где он и сгинул, в возрасте чуть более 30 лет. Брата Ивана Петровича Сырова Тимофея Петровича сослали вместе с матерью и женой Ефросиньей Ивановной. Ефросинья, в девичестве Артамонова, была из семьи среднего достатка и только вышла замуж. Сыровы жили рядом с Никольском, на хуторе «Семнадцатом», их семья была большая, около 40 человек. Все работали помногу и жили богато. У них была чайная, просорушка, маслобойня, мельница. Из соседних деревень к ним приезжали молотить муку. Для приезжих они бесплатно пекли блины. После раскулачивания Ефросинья, будучи беременной, отправилась с роднёй мужа в ссылку. Их с Тимофеем первенец родился в 1931 г. уже в Сибири. В Бадайбинский район были выселены и жена Козьмы Петровича Сырова Елена Тимофеевна с сыновьями Василием, Иваном, дочерьми Марией и двухлетней Пелагеей. Лиха тут хлебнули сполна. Выгрузили в открытое поле. Пришлось рыть землянки в мерзлоте, затем строить бараки. И ра-

ботать, работать, работать... И лес валить в тайге, и руду промывать в ледяной воде, добывая драгоценные металлы. А когда началась война, их дети ушли на фронт.

Воевал и сын расстрелянного Степана Кисурина Алексей. В 1943 г. в боях на Юго-Западном фронте он проявил мужество и героизм, был награждён медалью «За боевые заслуги». Погиб. Другой сын Степана Григорий тоже не вернулся с войны. Под Ленинградом погиб и сын Василия Степановича Кисурина Николай. Внучку Степана Кисурина Анну Сырову призвали в армию в 17-летнем возрасте. Два года воевала. Была награждена. Тимофей Сыров сражался на Воронежской земле, погиб при форсировании Дона в районе Богучара 31 декабря 1942 г. Похоронен в братской могиле в центре города Богучар. Были на фронте и сыновья расстрелянного Козьмы Петровича Сырова Иван и Василий. Василий потерял на войне руку. Храбро воевали и сыновья расстрелянного Семёна Прохоровича Сырова Иван и Алексей. Иван был танкистом, получил ранение. Алексей ушёл на фронт в 1942 г., служил в разведке. Также был ранен. Награждён. Оба брата вернулись с войны. Иван продолжал служить в армии, имел звание капитана. Алексей работал в колхозе в Никольском, участвовал в Выставке достижений народного хозяйства в Москве, имел звание «Почётный колхозник».

За участие в волнениях в феврале 1930 г. суровые наказания понесли и жители Новой Чиглы, Тишанки, Александровки, Красного, Осинки, Казанки, Ильинки, Шанино, Орловки, Тройни. Всего было арестовано 252 человека¹⁵⁵. По постановлению «тройки» от 8 марта 1930 г. 65 крестьян приговорили к расстрелу, 106 – к заключению в концлагерь на срок от трёх до десяти лет, к высылке в Казахстан – двоих – на пять лет и 13 человек – на три года; двоим срок заключения в концлагерь на пять лет «по молодости» был сокращён на одну треть¹⁵⁶. По постановлению «тройки» от 14 марта 1930 г. ещё 6 крестьян были приговорены к расстрелу, 10 – к заключению в концлагерь на срок от трёх до десяти лет¹⁵⁷. Это были одни из первых невинных жертв политических репрессий 1930-х гг. Спустя 60 лет все они реабилитированы.

Власть опасалась, что выступления крестьян в Таловском районе вызовут протестные действия жителей других районов округа. 26 февраля 1930 г. окружком ВКП(б) направил секретарю Елань-Коленовского райкома Черкасову следующее письмо: «Вам надлежит с особенной бдительностью следить за политико-моральным состоянием Е. Коленовского района, ибо волнения в Таловском районе, начавшиеся в западной части, передвинулись на восток в сельсоветы, граничащие с Вашим районом. Несомненно, кулачество Вашего района будет всеми мерами стараться повторить в Вашем районе Таловские события»¹⁵⁸. По сведениям работника окружкома Семовских в некоторых сельсоветах уже были симптомы кулацкой активности: в Синявке – призыв к разводу скота, агитация за выход из колхоза, в Анохинке – расспрашивание неизвестным лицом местонахождения амбара с зерном, в Бурляевке – два пожара, пожар общественной конюшни и пожар вблизи амбара с зерном. Окружное руководство рекомендовало особое внимание обратить на сельсоветы, пограничные с Таловским районом, а также на те, где «наблюдается резко бросающийся в глаза рост кулацкой активности». Там необходимо было развернуть широчайшую работу с батрачеством, беднотой, середняком, а также «немедленно расследовать все открытые формы проявления классовой борьбы (поджоги, избиения и т.п.), используя силы ГПУ, милиции, прокуратуры, следственного аппарата, решительно и быстро проводя через ГПУ изъятия наиболее активного контрреволюционного элемента»¹⁵⁹.

1 марта начальник Елань-Коленовского РАО докладывал в окружной адм-отдел, что 27 февраля в селе Абрамовке старшим милиционером Тыняным обнаружено на одной улице два воззвания, в которых содержался призыв к восстанию: «Мы уже восстали, помогите нам, там у нас в с. Тишанке власть проливает кровь». Был задержан один кулак, началось следствие. Всем участковым милиционерам начальник РАО дал указание «делать объезды своих участков ежедневно и в особенности обращать внимание на все наклеенные объявления»¹⁶⁰.

О возможных вспышках массового недовольства крестьян в Щученском районе свидетельствует записка начальника РАО К.И. Клюкина, направленная 2 марта 1930 г. начальнику окружного адмотдела: «Посылаю нарочного старшего милиционера Селезнёва, прошу вашего распоряжения о выдаче для Щученского РАО десять винтовок, 1 000 штук винтовочных патронов, 200 штук наганных патронов, 8 наганов, ибо РАО оружием обеспечено недостаточно, кроме того, на всякий необходимый случай, в связи с проводимой работой на селе, согласно вашего распоряжения организован из партийцев по договорённости с райкомом секретный коммунистический отряд на случай необходимости, при наличии имеющегося оружия мы весь вооружить не сможем, а по сему прошу, если возможно, то выдать не десять, а 20 винтовок. Просьбе прошу не отказать, ибо необходимо учесть отдалённость района и так же и отсутствие надлежащей связи»¹⁶¹.

Усилить вооружение своих работников считал необходимым и начальник Архангельского РАО. Временно исполняющий должность начальника окружного административного отдела Костин 13 марта сообщил ему, «что на складе ОкрАО револьверов не имеется, патроны же могут быть отпущены»¹⁶². Взамен револьверов он предлагал приобрести винтовки, для этого следовало выслать приёмщика с деньгами для расчёта на месте за стоимость оружия и боеприпасов. Костин распорядился: «В вопросах раскулачивания и принятия мер при вспышках увязывайте всю административную работу с райкомами ВКП(б) и уполномоченными окротдела ОГПУ. О всех событиях в районе своевременно информируйте окрадмотдел»¹⁶³.

Эти документы свидетельствуют о том, что именно вооружённые силы власть считала главным условием поддержания порядка в деревне. В подтверждение приведём такой пример. В селе Синявка Елань-Коленовского района 3 апреля 1930 г. 300 женщин «демонстрировали» по улице, держа в руках вилы, колья, ножи, красные и чёрные флаги. Они требовали «раздать семфонд, вернуть кулакам имущество и дать им землю». Толпа прогнала лиц, отводивших земельные участки колхозу. Мужчины в выступлении участия не прини-

мали, заявив, однако, что если к женщинам будут приняты репрессивные меры и их требования не удовлетворят, то и они присоединятся. Как докладывал заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде полномочный представитель ОГПУ по ЦЧО Н.Н. Алексеев, восстановить порядок «путём разъяснительной работы» не удалось, поэтому, 3 апреля в 22 часа на место выехал заместитель начальника окротдела ОГПУ с отрядом в 25 человек¹⁶⁴.

Массовые выступления крестьян, произошедшие в Таловском районе, как отмечалось в обвинительном заключении по делу Воронежской областной контрреволюционной организации «Трудовой Крестьянской Партии», «как по организованности, так и по масштабу, как это установлено следствием, несомненно, являлись результатом подготовительной деятельности не обнаруженной в процессе ликвидации выступлений контрреволюционной организации»¹⁶⁵. Однако исследованные нами материалы позволяют дать иную оценку этим событиям. Сопротивление крестьян было, прежде всего, ответной реакцией на насильственные меры власти в отношении зажиточных хозяев. Изначально их действия носили оборонительный характер и являлись выражением крестьянской взаимопомощи. Невыполнение властью требований крестьян о прекращении раскулачивания и возврате конфискованного имущества привело в ряде мест к возникновению массовых выступлений. Для них были характерны типичные черты: стихийность и спонтанность, отсутствие единого руководства. Сведения ОГПУ о существовании в Борисоглебском округе контрреволюционной организации, результатом деятельности которой, якобы, и стали эти выступления, в исследованных нами архивных материалах не нашли подтверждения. Одновременность выступлений крестьян различных селений указывает на общность их причин и мотивов и не даёт оснований считать их заранее спланированными и подготовленными. Социально-политическую активность участников массовых выступлений, на наш взгляд, можно объяснить осознанием ими необходимости сплочения всего сельского населения в борьбе за сохранение крестьянских хозяйств как основу дальнейшего существования. Нам близка позиция И.Е. Зеленина, что «крестьянство в целом, его отдельные слои и группы

порой осознанно, а чаще стихийно ожесточенно боролись против произвола и насилия, отстаивая своё право на землю, право быть на ней хозяином»¹⁶⁶. Добавим к этому, что политика ликвидации кулачества как класса, провозглашённая партийно-государственным руководством страны, не была понятна основной массе трудового крестьянства, так как она не отражала реального состояния взаимоотношений различных слоёв сельского населения, сводя его только к имущественному различию и классовому противоборству. Между тем, существенную роль играли и родственные связи, и личные качества сельских хозяев. Нельзя не принимать во внимание и ещё сохранившиеся особенности общинного менталитета российского крестьянства: стремление к справедливости, сострадание чужому горю и готовность оказать помощь нуждающемуся в этом. В выступлениях ярко проявилась противоположность позиций по отношению к наиболее активной и предприимчивой части крестьянства со стороны государства и со стороны сельского населения. Для власти крепкий хозяин был потенциально опасным «контрреволюционным антисоветским элементом», а для трудового крестьянства – чаще всего уважаемым односельчанином, обладающим деловыми качествами, мастерскими умениями и высокой нравственностью. Призыв «Долой коммунистов, Советскую власть!», на наш взгляд, был эмоциональным проявлением недовольства крестьян, а не политическим требованием. Особенностью массовых выступлений в Борисоглебском округе является неприменение крестьянами огнестрельного оружия против представителей власти. Власть же для усмирения крестьян здесь, как и в других регионах страны, использует вооружённые силы, а затем и репрессии к участникам волнений. В то же время, встретив упорное сопротивление крестьянства, власть была вынуждена приостановить раскулачивание и смягчить проводимую в деревне политику.

§ 2. «Перегибы» при раскулачивании и устранение их властью

Количество раскулаченных хозяйств, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хо-

зяйств в районах сплошной коллективизации», должно было составить в среднем 3–5 % от численности всех крестьянских хозяйств. Такие ограничения позволяли сосредоточить удар «по действительно кулацким хозяйствам» и предупреждали его распространение «на какую-либо часть середняцких хозяйств». Не подлежали выселению и конфискации имущества также семьи красноармейцев и командного состава РККА¹⁶⁷. Однако данная установка центральной власти на практике зачастую не выполнялась. В Центрально-Чернозёмной области, как докладывал 18 февраля 1930 г. в ЦК секретарь обкома ВКП(б) И.М. Варейкис, имел место «ряд грубых извращений, сводящихся к следующему: раскулачивание некоторых середняков, школьных работников, семей красноармейцев, красных партизан»¹⁶⁸. О том, что в области «допущена масса перегибов, захватывающих середняка, коммунистов, рабочих, сельских интеллигентов, учителей», И.М. Варейкис сообщил 2 марта 1930 г. и наркому земледелия Я.А. Яковлеву¹⁶⁹.

Советские историки отмечали наличие перегибов при проведении раскулачивания, но ограничивались констатацией этого явления, не показывая подлинный его размах. Так, И.Я. Трифонов писал: «Кое-где занялись даже раскулачиванием середняцких хозяйств»¹⁷⁰. Современные исследователи считают, что несоблюдение «ограничительного контингента» раскулачивания в 3–5 % для зерновых районов было повсеместным явлением. Н.А. Ивницкий, например, пишет: «В ЦЧО в некоторых районах к кулацким хозяйствам относили даже до 50 % крестьянских хозяйств. Не удивительно поэтому, что в ЦЧО в числе раскулаченных почти половину составляли середняки»¹⁷¹.

Рассмотрим, какое распространение получили перегибы при проведении раскулачивания в Борисоглебском округе и какие меры предпринимали местные власти для их устранения. Ещё в самом начале кампании окружным руководством была дана директива о недопущении раскулачивания середняцких хозяйств. Секретарь окружного комитета ВКП(б) М.И. Колесников 19 января 1930 г. указал секретарям райкомов «не допускать, чтобы удар, предназначенный для кулака, падал на середняцкое крестьянство», напомнив, «что кулаком

является такой слой крестьянства, который живёт за счёт эксплуатации наёмной рабочей силы в своём хозяйстве или же за счёт присвоения прибавочного продукта путём ростовщичества, аренды, частной торговли, дачи в наём рабочего скота, сельхоз. машин и т.п.»¹⁷². Обязательность исполнения данного распоряжения подкреплялась строгим предупреждением: «Смешивать этот слой с середняцким хозяйством, даже в единичных случаях, будет преступление перед партией»¹⁷³.

Предотвратить необоснованное раскулачивание пытались и районные власти. Например, бюро Верхне-Карачанского райкома ВКП(б) 25 января 1930 г. «категорически предложило» всем партийным ячейкам, уполномоченным райкома «ни в коем случае не подводить под раскулачивание середняков, пресекая все тенденции к этому отдельных коммунистов, комсомольцев и колхозников, бедноты», «отдельные случаи раскулачивания середняков немедленно исправить, вертая всё отобранное имущество обратно»¹⁷⁴. Для руководства ликвидацией кулачества была образована «тройка» в составе председателя райисполкома Литвинова, секретаря райкома Евсина и члена бюро райкома Пищугина¹⁷⁵. 28 января «тройка» направила всем партиячкам и уполномоченным райкома письмо, в котором отмечалось, что всего по району раскулачено 420 хозяйств, однако «имеется опасение», что в это число вошла и часть середняков. Уполномоченным райкома и секретарям партиячек поручалось под их персональную ответственность «тщательно проверить признаки кулацких хозяйств, особенно тщательно подходить к хозяйствам, не лишённым права голоса». Им надлежало учесть следующие рекомендации: «Основными признаками кулацких хозяйств могут быть: лишение права голоса, индивидуальное обложение сельхоз. налогом, эксплуатируется в данное время чужой труд, торговцы, ростовщики. Ни в коем мере не оценивать того или другого намеченного к раскулачиванию по мощности его хозяйства, если он не подходит к указанным признакам. У нас есть крепкие середняки с мощным хозяйством, но не эксплуатирующие чужой труд. Таких нельзя раскулачивать. За такое раскулачивание нужно со всей строгостью привлекать к партийной и судебной ответственности»¹⁷⁶. Всем середня-

кам, «раскулаченным по ошибке», обязаны были вернуть отчуждённое у них, разъяснив эти ошибки на собраниях крестьян¹⁷⁷.

В Алешковском районе собрание кандидатской группы ВКП(б) 3 Александровского сельсовета 30 января 1930 г. также постановило «не допускать ни в коем случае голого администрирования и ошибок в раскулачивании средняка вместо кулака»¹⁷⁸.

Однако, несмотря на такие указания, середняков всё же подвергали раскулачиванию. И делали это, как свидетельствуют многочисленные документы, по инициативе, прежде всего, уполномоченных райисполкомов и райкомов ВКП(б), а также членов местных партийных ячеек и сельсоветов. Так, в Елань-Коленовском районе ликвидировать хозяйства середняков, красноармейцев, красных партизан пытались отдельные партийные ячейки и посланные на места работники¹⁷⁹. В Терновском сельсовете два хозяйства раскулачили «за невыполнение семзаготовок», хотя среди членов обоих хозяйств были красноармейцы. Когда же жалобы поступили в райисполком, он вместо того, чтобы отменить незаконное раскулачивание, постановил «отозвать красноармейцев из Красной Армии». «Никаких признаков, – как докладывал в областную прокуратуру окружной прокурор Гуцев, – для отнесения этих хозяйств к кулацким не было»¹⁸⁰.

Средняки, монашки, красные партизаны, красноармейцы раскулачивались и в селениях Поляна, Козловка, Братки, Сукмановка, Ново-Троицкое Русановского района¹⁸¹. «Увлечлись раскулачиванием» и некоторые сельсоветы Верхне-Карачанского района. В селе Васильевка, по сообщению начальника районного административного отделения, «за последнее время намечают к раскулачиванию совслужащих, отцы которых до революции занимались торговлей и дети полные пролетарии»¹⁸². Под раскулачивание попали середняки и в Алешковском районе¹⁸³. А в Алешковском сельсовете, как докладывал в областную прокуратуру окружной прокурор Гуцев, «произведено раскулачивание крестьянина-бедняка с производством обыска». Ощупывали присутствующих жен-

щин, предлагали снять штаны мужчинам. Изъяли 3 золотых кольца и 62 рубля. Деньги эти без согласия хозяина были переданы «под задатки на трактора»¹⁸⁴.

В Новохопёрском районе, как указано в информационной сводке окружного административного отдела за февраль 1930 г., были случаи, когда «наравне с кулаками» раскулачивались и бедняцкая и середняцкая часть сельского населения «на почве сведения личных счётов», а также вымогательства под угрозой «завтра раскулачим»¹⁸⁵. Под раскулачивание попали, например, середняки в слободе Красной¹⁸⁶. Окружной прокурор Гуцев докладывал в областную прокуратуру, что в Новохопёрском районе директивы партии о раскулачивании механически перенесли на городских жителей, допустили раскулачивание семей партизан и заслуженных коммунистов¹⁸⁷.

5 апреля 1930 г. газета «Колхозная правда» опубликовала критическую статью в адрес новохопёрских руководителей «Чудовищные извращения партийной линии». Её автором был заместитель окружного прокурора А. Сельвестров. Вот, какие факты приведены в этой статье:

«Чудовищное извращение партийной линии в раскулачивании мы имеем в самом Новохопёрске. Лозунг о ликвидации кулачества как класса здесь дополнили лозунгом о «ликвидации новой буржуазии» и раскулачили 58 частных, не имеющих связи с сельским хозяйством.

В пристанционном посёлке в 3 верстах от райисполкома раскулачено 16 хозяйств, но ни одно из них не связано с сельским хозяйством.

Если уж так делали в городе, то что говорить о деревне. В Краснянском сельсовете раскулачена семья агронома Мищенко, раскулачена семья партизана Сидоренко, раскулачен Тарасов Фёдор, служивший два года в Красной Армии и получивший инвалидность на фронте, раскулачен и выселен из своего дома.

Не лучше и с лишением избирательных прав. Оно производилось кавалерийским наскоком и в результате по ряду сельсоветов число лишенцев увеличилось в несколько раз. Так, в Старожиловском – до 1929 года было 128 лишенцев, теперь стало – 218, в Алфёровском – было 119, стало – 271, по Богдановскому и Половцевскому – было 22, стало – 120. Усердствовали настолько,

что в Кочережинском сельсовете в умалишённые зачислили глухонемых Чурсина и Андрианова и по конституции лишили их избирательных прав, в К.-Садовке гр-н Александров лишён за то, что пел в церкви, тогда как сам он 12 лет был батраком, служил в Красной Армии, был на польском фронте и т.д.

Но все эти перегибы РИК особенно не волнуют. Он палец о палец не стукнул, чтобы их исправить, груды жалоб лежат нерассмотренными.

Наряду с ошибками есть и случаи явного злоупотребления. Председатель Троицкого сельсовета Рясков раскулачил двух середняков Рысковых лишь за то, что они осмелились выступить на собрании и упрекнуть его в расхищении общественных средств.

Список подобных безобразий можно было бы продолжить, но и его достаточно для характеристики грубейших извращений партийной линии в Новохопёрском районе»¹⁸⁸.

В селе Третьяки Песковского района раскулачивание прошло без участия батраков, бедняков и середняков. В заметке, напечатанной в окружной газете «Колхозная правда», говорилось, что работники сельсовета и партийцы сами ходили по кулацким двором и отбирали имущество. Вопрос о раскулачивании на заседании групп бедноты, на собрании колхозников «не прорабатывался», партячейка и сельсовет сами наметили подлежащих к раскулачиванию и сами же его провели¹⁸⁹. Данная публикация, правда, вскоре была опровергнута на объединённом собрании группы бедноты, членов профсоюзов и делегатов, так как вопрос о раскулачивании «прорабатывался» группами бедноты сельсовета, потребительского общества и на межсоюзном собрании¹⁹⁰. Однако этот факт не может, на наш взгляд, ставить под сомнение другие случаи «антисередняцких» перегибов, о которых писала окружная газета.

Например, в селе Стеллецкое Мордовского района уполномоченные райисполкома, члены ВКП(б) Иванников и Молоканов 17 февраля, явившись под охраной милиционера Бурова в дом середняка Транина Е.М., начали выгребать у него из закрома последний хлеб и забирать скотину. За что у Транина был изъят хлеб? Вместо причитающихся с него 285 кг. семян, тот вывез – 270 кг., за

что был «стрелецкими головотяпами» оштрафован в трехкратном размере как «злостный» неплательщик. В доме середняка Транина П.А. Иванников и Молоканов до того перепугали неоправившуюся ещё после родов жену Транина, что «она до сих пор лежит в постели»¹⁹¹.

Раскулачили семьи красноармейцев, партизан и участников гражданской войны (сторонников советской власти) в Казьминском и Кужневском сельсоветах Мордовского района. Эти «нетактичные моменты», как отмечало бюро райкома, были допущены рядом уполномоченных РК ВКП(б)¹⁹².

Середняки были раскулачены и в некоторых сельсоветах Жердевского района. Как сообщал в окружном ВКП(б) секретарь райкома Берёзкин, председатель Жердевского сельсовета представил в райисполком характеристики на подлежащих раскулачиванию крестьян, якобы согласованные с группой бедноты, но без фактического обсуждения с ней. Райисполком утвердил их, и в результате оказалось, что в списке есть середняки. Председатель сельсовета «с работы снят, ведётся следствие»¹⁹³. В селе Пичаеве раскулачили середняков А.Ю. Шемонаева и Л.С. Бакина¹⁹⁴. Раскулачивание «произошло административным путём» и в Бурнакском сельсовете. Как докладывал 15 апреля в областную прокуратуру окружной прокурор Гуцев, о раскулачивании не знал даже председатель сельсовета, не говоря уже о бедноте и членах сельсовета. Группой бедноты обсуждался лишь вопрос о выселении кулаков, на пленуме же сельсовета даже этого вопроса не поставили. Характеристики писались строго конфиденциально секретарём Бредихиным и некоторыми членами президиума сельсовета. В список, уже обсуждённый беднотой, Бредихин по собственной инициативе внёс ещё 6 хозяйств. В результате раскулачивание прошло безобразно: всё валилось в кучу, не проверялось и растаскивалось¹⁹⁵.

Ликвидировать кулачество в Жердевском районе попытались даже «исключительно через суд». Райисполком направил свои постановления о раскулачивании в народный суд. Признав кулаков виновными в подстрекательстве к убою скота, суд вынес приговоры о немедленной высылке из пределов ЦЧО не только их самих, но и всех членов их семей. Рассмотрено было около двадцати

таких дел. Окружной суд, пересмотрев эти дела, исключил из приговоров высылку членов семьи¹⁹⁶.

В селе Рамонье Архангельского района «партячейка и сельсовет при раскулачивании наломали палок, так как проводили его кабинетным путём, без участия широких бедняцко-средняцких масс». Наметив к раскулачиванию 70 хозяйств, они решили во чтобы то ни стало добиться утверждения этого списка. На собрании групп бедноты руководители села «без лишних разговоров» предложили голосовать за список, «под нажимом» список был утверждён и на пленуме сельсовета, на котором вместо 44 членов сельсовета присутствовало только 15. В результате такой скоропалительной «проработки» в список раскулаченных попали середняки и даже бедняки. В Козловке Терновского района раскулачивание также проводилось «путём составления списком в сельском совете», без обсуждения их на массовых бедняцких собраниях, в результате было допущено «много искривлений и недоделок»¹⁹⁷.

В Токарёвском районе в селе Чичерино бригадир Морзов раскулачивал всех, кого сельизбирком лишал избирательных прав, в селе Мамонтово был раскулачен активист-общественник, в Кулешовке – поп. Количество лишённых избирательных прав в районе возросло на 700 человек¹⁹⁸. В Мало-Даниловском сельсовете, по сообщению нарследователя 9 участка, был раскулачен Андрей Васильевич Заборовский, хозяйство которого состояло из кирпичного дома, одной лошади и одной коровы, за то, что «порезал свинью и овец». В Чичеринском сельсовете раскулачили Александра Даниловича Бухарина, в хозяйстве у него имелся амбар, лошадь, корова и две овцы. По распоряжению райисполкома, как докладывал 9 марта в областную прокуратуру окружной прокурор Гущев, имущество ему возвращено¹⁹⁹.

В Таловском районе при проведении раскулачивания «изрядно» «наломали дров», был «основательно задет середняк». Раскулачивание там начинали с попа. Об этом написала областная газета «Коммуна»²⁰⁰.

В ряде районов округа раскулачиванию подвергли даже учителей. Как сообщал 6 марта 1930 г. в окрисполком председатель правления окружного отде-

ления профессионального союза работников просвещения СССР Мяценен, так поступили в селе Большая Грибановка Грибановского района с учительницей Никифоровой, в селе Тюковке Песковского района с учительницей Рушевой и в селе Рамонье Архангельского района с тремя учителями Спиридоновыми²⁰¹.

Основной причиной «перегибов», по мнению самих представителей власти, являлся, прежде всего, «административный метод» проведения раскулачивания. Подтверждением тому служит сообщение уполномоченного областной власти Когана о раскулачивании в Токарёвском районе. Там решили, что «нужно воспользоваться этой кампанией и избавиться от всего негодного и нежелательного». Составили список в 800 человек. В него внесли всех бандитов и разных других людей с такими формулировками, как «тёмная личность». Кампанию по раскулачиванию провели в три приёма. В ночь с 31 января на 1 февраля осуществили «налёт административным порядком на 125 торгашей-недоимщиков». Всех их выгнали из домов и забрали всё, что у них было, независимо от того, кто сколько должен. Затем раскулачили «административным порядком через милицию» 82 хозяйства, обложенных по 28 ст. в индивидуальном порядке. И, наконец, 328 хозяйств раскулачили в порядке ликвидации кулака как класса при обсуждении этого вопроса на сельсоветах. В селе Петровское Львовского сельсовета сначала раскулачили 28 семейств, затем рабочая бригада без обсуждения партячейки представила сельсовету список в 60 хозяйств, обложенных по 28 ст., причём среди них было много середняков, потому что иногда и они «обкладывались в индивидуальном порядке» на 4–10–15 рублей. На пленуме сельсовета и актива это дело «провалилось». Крестьяне ведут разговоры, что раскулачивают не только кулаков, но середняков, и даже бедняков²⁰². По мнению Когана, так как беднота «не была вовлечена в эту работу, было администрирование, и поэтому во многих местах мы не подчистили кулака, а в других местах, несомненно, затронут середняк»²⁰³.

Об этих фактах написала и газета «Колхозная правда». Им была дана такая оценка: «Эти перегибы говорят за то, что к проведению важнейшей директивы партии, в первую очередь парторганизации, подошли «с кондачка», без широ-

кой разъяснительной работы, без привлечения к этому делу батрацко-бедняцких масс, не поняв самой сущности новой политики партии по ликвидации кулачества как класса»²⁰⁴.

Чтобы пресечь подобные нарушения, местные власти предпринимают меры. Бюро Елань-Коленовского райкома ВКП(б), например, 2 февраля 1930 г. постановило «решительно отказаться» от попыток раскулачивания середняков, красноармейцев, красных партизан²⁰⁵. Пленум Русановского райкома партии 3 февраля поручил бюро «привлекать к самой суровой ответственности, вплоть до предания суду» лиц, «пытающихся задеть середняка, извращающих классовую политику»²⁰⁶. Бюро Верхне-Карачанского райкома 4 февраля обязало все партийные ячейки «тщательно проверить социальное лицо раскулаченных, исправляя возможные ошибки в отношении середняков, вертая им обратно всё конфискованное и реабилитируя их на собраниях колхозников»²⁰⁷. Для проверки работы местных организаций «в деле раскулачивания и исправления возможных ошибок» была образована районная комиссия под председательством члена бюро райкома Пищугина в составе: Сурат от фракции райисполкома и Боковой от рабоче-крестьянской инспекции. Комиссии следовало немедленно приступить к работе и закончить её не позже 20–25 февраля²⁰⁸. В связи с отзывом в районную комиссию по чистке советского аппарата Бокового, бюро 20 февраля включило в комиссию третьим членом П.Д. Попова. Ему было поручено срочно выехать в сёла Кутки и Тихвинка²⁰⁹. Как докладывал 19 февраля начальник районного административного отделения Рубаненко, «раскулачивание и уничтожение кулака как класса кончено, в данный момент выехала по району специальная комиссия по проверке и выяснения правильности классовой выдержанности раскулачивания, есть случаи возвращения обратно имущества, настроение кулака подавлено и паническое»²¹⁰.

Наглядное представление о том, как проверяли обоснованность раскулачивания, даёт заметка, опубликованная в окружной газете «Колхозной правде»:

«Общее собрание бедноты с. В.-Карачан. Народом буквально переполнен. Обсуждается список раскулаченных. Бедняки каждого разбирают «по косточкам».

– Кавешников И.З. – кулак, мельник. Не ошиблись мы, раскулачивая его? – спрашивает председатель.

– Не ошиблись, правильно поступили, – соглашаются бедняки.

– Зыков Д.М. Что скажете о нём?

– А то, что он с бандой на нас выезжал воевать, к чёрту его из общества!

– Попов Н.Я....

– Этому руку на мельнице оторвало, когда он наш хлебишко воровал. Поделом его!

– А вот мясника, лишенца Маркова мы раскулачили...тоже поступили правильно?

– Крой дальше, не ошиблись и с этим...

– Торговец швейными машинами Шолохов П. А...

– Знаем и его. 5 лисьих шуб на наши денежки справил, дом какой закатил!

– Савельев В.Е.

– Этого зря тронули. Трудовик парень, на мельнице всего-навсего 2 месяца работал, и ту ветром воротило. Оставить его, а имущество вернуть.

– Так решили сделать и мы, – говорит член комиссии.

– Волосов

– Урядником был в 1905 г., нас преследовал – раскулачить! Вон его!..

– Товарищи, прошу слово – вдруг заявляет один.

Так с 5 до 12 ч. ночи обсуждала беднота список раскулаченных хозяйств. В результате из 100 с лишним раскулаченных, свыше 20 решено признать трудящимися и возратить им имущество.

Нашли бедняки и ещё одного кулачка, не значившегося в списках и которого беднота настояла раскулачить. Это Шипилов И.М., занимался спекуляцией скота».

Автор заметки делает вывод: «В В. Карачане некоторых раскулачили неправильно, этого бы не случилось, если б В. Карачанские власти с самого начала работы вовлекли батраков и бедноту»²¹¹.

Немедленно пересмотреть список раскулаченных, обсудив его на группе бедноты и с батрачеством, постановило 11 февраля 1930 г. и собрание членов и кандидатов партии и комсомольцев в Алешковском районе. Чтобы не допустить повторения ошибок, решено было также обсуждать с беднотой и батрачеством и дополнительное раскулачивание²¹².

Соответствующие директивы были даны и окружным руководством. Так, 22 февраля 1930 г. временно исполняющий должность председателя окрисполкома Дьяков, отметив, что «ликвидация кулака как класса проходит в отдельных случаях без индивидуального подхода», что имеются факты раскулачивания семей коммунистов, красных партизан, красноармейцев, командного состава и произвольных арестов середняков и бедняков и что в отдельных районах «до сих пор продолжается раскулачивание уполномоченными или бригадами без активного участия батрацко-бедняцких масс» указал председателям райисполкомов немедленно устранить эти недочёты с тем, «чтобы удар пришёлся по действительно кулацкой части деревни, ни в коем случае не распространяя этих действий на середняка»²¹³. В свою очередь, окружной административный отдел обязан был руководствоваться циркуляром обладмотдела от 25 февраля 1930 г., согласно которому бедняцко-средняцкую часть деревни не разрешалось заключать под стражу²¹⁴.

Между тем, устранение перегибов по-прежнему оставалось актуальным. Так, бюро Жердевского райкома ВКП(б) 23 февраля 1930 г. указало комфракции райисполкома «в срочном порядке произвести поголовное обследование практического проведения мероприятий по ликвидации кулачества как класса», выявить допущенные ошибки и исправить их, «в срочном порядке» вернуть по описи всё отображенное имущество ошибочно раскулаченным²¹⁵. В плане, подписанном 28 февраля 1930 г. председателем райисполкома Завадским, намечалось для «ограждения интересов середняка, исправления возможных ошибок» про-

вести на массовых собраниях «проработку» лиц, подвергшихся к 1 марта раскулачиванию. Двум инструкторам райисполкома совместно с агентом ГПУ следовало объехать район и выявить «допущенные искривления» в раскулачивании. Президиум райисполкома, пользуясь добытыми в ходе проверки материалами, должен был пересмотреть дела каждого, подвергавшегося раскулачиванию, и закончить разбор к 5 марта²¹⁶. Проверить всех раскулаченных и при наличии допущенных ошибок немедленно вернуть всё отобранное по описи постановило и собрание партийного актива²¹⁷.

После опубликования 2 марта 1930 г. в «Правде» статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» исправление перегибов стало для местных властей первоочередной задачей. Секретарь окружкома ВКП(б) Колесников, выступая 4 марта 1930 г. перед партактивом в Борисоглебске, указал: «Необходимо повести самую беспощадную и решительную борьбу с теми перегибами и недопустимым администрированием, которое будет замечаться в деле коллективизации и подготовки к весенней посевной кампании. Надо особенно «лихих» наших товарищей... немедленно с работы отозвать, отдельных из них привлечь к партийной и, если нужно, даже судебной ответственности»²¹⁸. Колесников заявил, что окружком «предупреждает о недопустимости раскулачивания середняков, красных партизан, деревенских общественников (учитель и т.д.)»²¹⁹.

«Принять меры к выявлению допущенных ошибок при раскулачивании отдельных середняцких хозяйств, имеющих революционные заслуги партизан, красноармейских хозяйств с целью их исправления и возврата отчуждённого имущества» было решено на собрании партийного актива, состоявшемся 4 марта и в Новохопёрском районе²²⁰.

Собрание партактива, проходившее 4 марта в Русановском районе, с участием 78 человек, в том числе коммунистов, присланных из Москвы, Воронежа, Борисоглебска, Тамбова для проведения весенней посевной кампании, также постановило: «Там, где было допущено раскулачивание середняка, семей коммунистов и комсомольцев, это немедленно исправить, возвратив им полностью

всё их имущество и виновных в их раскулачивании привлечь к ответственности»²²¹. По отношению к семьям красноармейцев и партизан было рекомендовано проявить «сугубую осторожность»: «Если вызывается необходимость раскулачить то или другое хозяйство красноармейца и по явным признакам как кулацкое хозяйство, проводить это в каждом отдельном случае с согласия РИКа, для этого представлять на каждое хозяйство полнейшую экономическую и политическую характеристику. В тех сельсоветах, где уже проведено раскулачивание красноармейцев, партизан и их семей, на эти хозяйства не позже 7-го марта с/г представить полнейшие экономические и политические характеристики, дабы иметь возможность исправить немедленно могущие быть ошибки при раскулачивании»²²².

Такое особое отношение к семьям красноармейцев, на наш взгляд, не было случайным. Его можно объяснить стремлением власти не допустить недовольства военнослужащих, большую часть которых составляли выходцы из крестьян, и сохранить армию как свою надёжную опору.

Власть была явно обеспокоена негативными последствиями перегибов при проведении раскулачивания. Запись протокола собрания партактива Русановского района тому яркое подтверждение: «Ликвидация кулачества как класса в условиях сплошной коллективизации должна была закрепить организационно колхозное строительство и мобилизовать вокруг этих мероприятий батрачество, бедноту и середняцкие слои колхозников. Однако в результате неправильного подхода в методах раскулачивания, администрирования это в отдельных случаях повлияло наоборот и дало козыри в руки классовому врагу, который не только находит сочувствие и поддержку со стороны колхозников, но отдельные элементы бедноты и середняков принимают кулака под покров и помогают в содержании (Сукмановка, Русаново, Козловка)»²²³.

Между тем, рассмотрение материалов о раскулачивании в том же Русановском районе шло «чрезвычайно слабо», не было «достаточной чуткости в выявлении первоисточников и причин имеющихся злоупотреблений и нарушений существующих установок»²²⁴. В связи с этим бюро райкома 5 марта обязало

партийную фракцию райисполкома создать «авторитетную комиссию» для проверки правильности раскулачивания. Комиссии поручалось «немедленно выехать на места» и закончить всю работу к 10 марта. При выявлении случаев «подведения под раскулачивание лиц, не подлежащих ему», виновных в этом надлежало немедленно привлекать к уголовной ответственности»²²⁵.

Бюро Верхне-Карачанского райкома 4 марта, подтвердив решение, принятое ещё месяц назад, 4 февраля, «о восстановлении и реабилитации» раскулаченных середняцких хозяйств, постановило немедленно вернуть им «изъятые имущество, средства производства, тягловый продуктивный скот, ни в коем случае не допуская впредь раскулачивание середняцких хозяйств, хозяйств красных партизан, командного состава, красноармейцев, коммунистов и учительства»²²⁶.

При раскулачивании учителей следовало соблюдать особый подход. Об этом 3 марта 1930 г. написал Архангельскому райисполкому заместитель окружного прокурора Сельвестров:

«Сообщаю, что школьные работники и вообще совслужащие (по инструкции о выборах 1927 г.) могут быть лишены избирательных прав, если у них основным источником существования является не работа по найму, а участие в общем хозяйстве, члены коего за эксплуатацию ли по другим причинам лишены избирательных прав. В противном случае, т.е. когда они юридически и не порвали связь с хозяйством лишенцев, но фактически живут исключительно на свой заработок – лишению избирательных прав не подлежат.

А отсюда и отношение к раскулачиванию, если школьные работники не лишенцы избирательных прав, значит, они признаны, что они порвали связь с кулацким хозяйством, и поэтому претендовать на оставление хозяйства не могут.

При раскулачивании таких хозяйств, всё лично принадлежащее имущество школьным работникам или вообще служащим изъятию не подлежит»²²⁷.

Окрисполком, получив копию письма Сельвестрова, дал 10 марта соответствующую директиву всем председателям райисполкома. Отметив, что «имеют

место случаи неправильного подхода к раскулачиванию и лишению избирательных прав служащих советских учреждений вообще и, в частности, школьных работников, он указал «особо осторожно подходить к разрешению вопросов, связанных с лишением избирательных прав и раскулачиванием совслужащих»²²⁸.

А вот, как реагировало на перегибы при раскулачивании областное руководство. Секретариат обкома ВКП(б), заслушав 12 марта 1930 г. доклад секретаря Борисоглебского окружного комитета Колесникова о подготовке к весеннему севу и коллективизации, отметил, что при «правильной в основном линии ОК по раскулачиванию, местные районные и сельские парторганизации допустили ряд грубейших политических извращений и ошибок (наличие случаев раскулачивания середняков, бывших красноармейцев, специалистов – учителей, механическое подведение к раскулачиванию лишенцев, без достаточного учёта экономической мощности этих хозяйств и т.п.)»²²⁹. Особое внимание было обращено на «крупнейшие политические извращения и ошибки, допущенные Таловским районным партруководством при проведении мероприятий по коллективизации (запугивание, угрозы, включительно до арестов)». Обком партии указал окружному комитету «в ближайшие дни произвести проверку проведённой работы по раскулачиванию, немедленно устранить допущенные ошибки и извращения и явные перегибы в отношении середняка»²³⁰.

Обсудив работу облсуда и облпрокуратуры, 12 марта 1930 г. бюро обкома ВКП(б) постановило: «Борьба с перегибами и извращениями классовой линии при проведении раскулачивания не дала ещё необходимых положительных результатов. Предложить в 2-х недельный срок провести ряд показательных процессов в отношении лиц, допускающих преступное головотяпство (раскулачивание середняков, бедняков, специалистов и т. д.), широко освещая эти процессы в печати»²³¹. Прокуратуре и суду предлагалось также принять более решительные меры к прекращению арестов крестьян лицами, не имеющими на это никакого права, вплоть до привлечения виновных к уголовной ответственности»²³².

К началу марта 1930 г. перегибы при раскулачивании приобрели в стране широкий размах. «Почти везде, – писал 7 марта И.В. Сталину начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимов, – отмечаются факты подведения середняков и даже бедняков, в отдельных случаях быв. красных партизан, под категорию раскулачиваемых»²³³. Заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода также сообщал И.В.Сталину: «Наиболее серьезным и распространенным видом извращения является подведение середняка, бедняка и даже батрака и рабочего, а также красных партизан и семей красноармейцев под категорию раскулачиваемых и выселяемых. Эти факты отмечаются почти повсеместно в том или ином размере»²³⁴. Представленные из ОГПУ материалы содержат примеры типичных «искривлений». Среди них значится случай и по Борисоглебскому округу: «В с. Курлак Щученского района на квартиру селькора газеты «Новая деревня», активиста-середняка, явились председатель сельсовета, уполномоченный райисполкома и три члена сельсовета и заявили, что имущество подлежит описи и изъятию как «кулацкое». В отсутствие селькора выгнали жену и раздетых малолетних детей на улицу, описали и сложили вещи, заперли их в сундук, взяв с собой ключи»²³⁵. Аналогичные факты были зарегистрированы и в ряде других сёл Борисоглебского, а также Елецкого, Россошанского, Льговского, Козловского округов ЦЧО²³⁶.

По указанию И.В. Сталина вопрос о перегибах был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 10 марта 1930 г. Отметив, что «в число «раскулаченных» попала значительная часть середняков», что в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, ЦК обязал парторганизации немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семей красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных), вернув им отобранное имущество²³⁷. 15 марта в газете «Правда» было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», положившее начало новой государственной кампании²³⁸.

Выполнение этого постановления стало основной задачей и для местной власти Борисоглебского округа. Так, уже 17 марта в повестку дня заседания бюро Верхне-Карачанского райкома ВКП(б) был включён вопрос «О проработке в парторганизации решений ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлением партлинии в колхозном движении и решение обкома по докладу Борисоглебского окружкома и постановление окружкома от 16 марта 30 года». Эти постановления бюро «целиком и полностью» одобрило и признало их «вполне правильными». Было также отмечено, что «факты искривления и извращения партийной линии», изложенные в постановлениях, имели значительное распространение и в Верхне-Карачанском районе²³⁹. Так как работа комиссии по проверке раскулачивания затянулась и остались непроверенными ещё три сельсовета, что тормозило отвод кулакам земли, бюро указало комиссии ускорить работу «с таким расчётом, чтобы в ближайшие дни она была полностью закончена»²⁴⁰.

Решения ЦК ВКП(б) и окружкома обсуждало 17 марта и бюро Мордовского райкома. Оно также «целиком и полностью» их одобрило и признало, что факты искривлений имели место и в их райпарторганизации. Отметив, что «исправления ошибок и искривлений со стороны партячек, партруководителей учреждений и уполномоченных не получили большевистской решительности в работе», списки раскулаченных не пересмотрены, не проверены и списки лишённых избирательных прав, бюро предупредило о привлечении к ответственности виновных за невыполнение директив. Для проверки раскулачивания было решено создать комиссию в составе: Арцибас (председатель), Сердюк, Ткаченко²⁴¹.

Состоявшийся 17 марта Пленум Новохопёрского райкома ВКП(б) обязал бюро райкома и фракции советских и кооперативных организаций срочно исправить допущенные ошибки и искажения, восстановить и возвратить имущество неправильно раскулаченных и лишённых права голоса середняцких хозяйств. Работников, допустивших эти искажения, надлежало привлечь к ответственности²⁴². Для окончательной проверки правильности раскулачивания и

исправления ошибок следовало послать на места ответственных уполномоченных²⁴³.

Бюро Токарёвского райкома ВКП(б), также одоблив решение ЦК, 20 марта наметило ряд мероприятий. Для пересмотра списка раскулаченных и исправления ошибок было решено создать районную комиссию в следующем составе: Братерский, Ковалёв, Силкин, Иншаков, Баранова, Макаров. Ей предлагалось для выезда на места образовать три «тройки» с привлечением местных уполномоченных. Комиссия обязана была проверить персонально состав раскулаченных на собраниях групп бедноты с активом. Бюро предупреждало, что цель проверки «не только исправление ошибок в духе решения ЦК, но и выявление кулаков, ускользнувших от раскулачивания». На комиссию возлагалась также проверка и «состава лишенцев», чтобы затем все выявленные ошибки исправить через райизбирком. Закончить работу комиссия должна была в 14-дневный срок. Прокурору Ковалёву в течение 10 дней поручалось рассмотреть дело бригад по Чичеринскому, Мамонтовскому и Лазовскому сельсоветам и уполномоченного райисполкома Невежина, «обвиняющихся в грубом извращении партлинии»²⁴⁴.

Деятельность районной власти по исправлению допущенных ошибок контролировалась окружным руководством. Так, временно исполняющий обязанности председателя окрисполкома Дьяков, ознакомившись с письмом председателя Песковского райисполкома Г.М. Пинюгина, в котором были приведены факты о самовольном разборе обобществлённых лошадей, 19 марта рекомендовал немедленно пересмотреть «все поданные заявления о неправильном раскулачивании, отменив свои решения в части раскулаченных середняцких хозяйств и возратить им всё изъятое имущество»²⁴⁵. Рассмотрев принятые Жердевским райисполкомом постановления, окрисполком посчитал, что к разрешению вопроса о раскулачивании «РИК отнёсся формально, без наличия достаточных оснований», в них «совершенно нет сведений о социальном и имущественном положении раскулаченных в дореволюционное и настоящее время, лишены ли раскулаченные избирательных прав». «Данное обстоятельство, – писал Дьяков

председателю райисполкома, – не даёт окрисполкому уверенности в правильности проведения Вами классовой линии партии при разрешении вопроса о раскулачивании»²⁴⁶. Районному руководству было указано «тщательно пересмотреть списки раскулаченных хозяйств, абсолютно не подвергая раскулачиванию середняцкие и бедняцкие хозяйства, строго руководствуясь изданными по этому вопросу директивами и указаниями правительства и советских органов»²⁴⁷.

27 марта 1930 г. президиум окрисполкома постановил немедленно проверить списки раскулаченных и лишённых избирательных прав и исправить ошибки, допущенные в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семей красноармейцев, краснофлотцев, сельских учителей и учительниц, а также внимательно отнестись к рассмотрению жалоб раскулаченных хозяйств, имеющих членов семей специалистов (агрономов, врачей, ветеринаров)²⁴⁸. Быстрое и всестороннее рассмотрение жалоб крестьян о неправильном раскулачивании поручалось обеспечить прокуратуре. Необходимость скорейшего исправления «всех указанных недостатков» была вызвана тем, что основной задачей в тот момент являлось «максимальное укрепление колхозов и обеспечение полного выполнения посевного плана». Президиум окрисполкома предупреждал: «Работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с искривлениями директив партии и правительства, смещать с постов и заменять другими»²⁴⁹.

Облсуд и прокуратура, учитывая Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении» и Постановление бюро обкома от 12 марта 1930 г., дали на места свою «директиву о решительной борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении»²⁵⁰. В ней указывалось провести в ближайшее время ряд показательных процессов в отношении лиц, допустивших «преступное головотяпство при проведении коллективизации и ликвидации кулачества (раскулачивание середняков, бедняков, учителей, специалистов и т. д.)», в первую очередь в тех районах, «где искривления директив партии и правительства носили особо распространённый характер, в

частности, где они вызвали массовые волнения крестьян». При рассмотрении этих дел надлежало «принять строжайшие меры социальной защиты и в отдельных случаях, когда преступные действия доходили до мародёрства, квалифицировать такие действия по ст. 59-3 Уголовного Кодекса, как бандитизм, с применением в необходимых случаях к виновным мер социальной защиты вплоть до расстрела»²⁵¹; виновных за раскулачивание середняков, бедняков, учителей, специалистов привлекать к ответственности по ст. 110 Уголовного Кодекса, за незаконные аресты бедняков и середняков по ст. 110 или ст. 115 УК²⁵². Предписывалось о результатах этих процессов широко освещать в печати. Низовые звенья обязывались в сводках-десятидневках и в очередных бюллетенях информировать областной суд о конкретных результатах выполнения этих директив с обязательным освещением содержания рассмотренных в округе дел и указанием применённой меры соцзащиты и отношения масс к процессу²⁵³.

Пленум облсуда, состоявшийся 18 марта 1930 г., постановил принять окружным судам «энергичные меры к полному проведению в жизнь директив облсуда и облпрокуратуры по борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Однако, несмотря на «твёрдые указания облсуда о недопустимости распространения на середняков, а тем более на бедняков мероприятий, предназначенных исключительно против кулацких элементов (привлечение к уголовной ответственности по ст. ст. 61 и 79-1 УК за невыполнение заданий по семфонду и за убой скота) – на местах эта директива всё же нарушалась: середняки, а в отдельных случаях даже бедняки привлекались к уголовной ответственности вместо применения в отношении их лишь мер общественного воздействия». Окружным судам поручалось пересмотреть все дела середняков и бедняков, неправильно привлечённых и осуждённых²⁵⁴.

Директивы вышестоящих инстанций активизировали работу органов прокуратуры и суда Борисоглебского округа. Так, окружной прокурор Гуцев с 13 по 21 марта 1930 г. лично проверял Жердевский район. В итоге его пребывания в районе было возбуждено 6 уголовных дел против уполномоченных по раску-

лачиванию за допущенные ими «злоупотребления и извращения» и 4 уголовных дела против должностных лиц местной власти, принято и разрешено 9 жалоб. 20 марта Гуцев присутствовал на заседании бюро райкома, где заслушивался доклад Бурнакской партийной ячейки, и по его предложению отдельные члены ячейки как уполномоченные райисполкома, «за искривления и злоупотребления при раскулачивании» были преданы суду. С 16 по 27 марта окружная судебная следственная бригада обследовала Песковский район. Больше всего случаев нарушений и искривлений было обнаружено в 1-м, 2-м Песковском и Горельском сельсоветах. Там раскулачивание «производилось грубо и по произволу», поэтому под раскулачивание «попали» учителя и середняки. Как сообщал в областную прокуратуру Гуцев, председателей сельсоветов Гусянникова, Яковлева и Овчинникова за злоупотребление при раскулачивании, а члена правления колхоза «Красные Пески» Евтеева за администрирование при коллективизации, за незаконный арест середняка, «за раскулачивание по собственному почину», за грубость при раскулачивании и за разрешение из отобранной белой муки печь пышки привлекли к уголовной ответственности. Раскулаченные учитель и пять середняков были восстановлены²⁵⁵.

В районы выезжали и другие работники окружной прокуратуры: с 19 марта Мордовский район проверял помощник окружного прокурора Ковалёв, с 25 марта в Таловском районе находился заместитель прокурора округа Сельвестров²⁵⁶.

Следует отметить, что в деятельность прокуратуры порой вмешивалось местное партийное руководство. Так, окружная прокуратура 4 марта 1930 г. поручила нарследу Таловского района произвести расследование и привлечь к уголовной ответственности «всех должностных лиц, допустивших явное злоупотребление своим служебным положением и перегибы, имевшие за собой последствия». Однако по распоряжению райкома партии следствие было приостановлено до 15 марта, т.е. на две недели, «по тем причинам, что часть работников, подлежащих привлечению к ответственности, посланы для работы на село и дёргать их, дескать, неудобно». Заместитель прокурора округа Сельвест-

ров 14 марта обратился в окружном ВКП(б): «Мы считаем подобные действия райкома неправильными, вследствие чего даём Нарследу распоряжение продолжать следствие, о чём ставим вас в известность и просим дать указание со своей стороны райкому ВКП(б)»²⁵⁷. Этот факт указывает на то, что партийные органы в структуре государственной власти занимали особое положение.

Между тем, как свидетельствуют многочисленные документы, исправление допущенных перегибов на местах по-прежнему велось не так быстро, как того требовали директивы вышестоящих инстанций. В Песковском районе, например, 29 марта 1930 г. конференция группы бедноты обратилась к райисполкому с просьбой «в срочном порядке произвести проверку неправильно раскулаченных»²⁵⁸. Не проверили социальный состав раскулаченных и списки лишённых права голоса в Жердевском районе²⁵⁹.

Слабым был темп проверки раскулаченных и в Мордовском районе. В связи с этим бюро райкома ВКП(б), заседавшее 29–30 марта с участием уполномоченных райкома и райисполкома, уполномоченных окружкома Яковлева, Ковалёва, контрольной комиссии Галенкина, указало комиссии и всем уполномоченным райкома и партийной фракции райисполкома в 24 часа проверить списки раскулаченных и лишённых избирательных прав и представить материал для утверждения фракцией райисполкома. Уполномоченные были обязаны следить за тем, чтобы при утверждении раскулачивания сельсоветы «писали ясную и краткую характеристику каждого рассматриваемого хозяйства», и фиксировать все допущенные при раскулачивании «искривления». Возвращать имущество неправильно раскулаченным хозяйствам разрешалось только после утверждения райисполкома. Пересмотр списков раскулаченных партийная фракция райисполкома должна была завершить к 5 апреля 1930 г.²⁶⁰ Но к указанному сроку она также этого не сделала. Бюро райкома, проходившее 8 апреля с участием представителей окружкома Яковлева, Гончарова, Ирьянова, обязало фракцию райисполкома «немедленно рассмотреть все жалобы и закончить всю работу в ближайшие 3–4 дня»²⁶¹.

Несмотря на директивы ЦК ВКП(б), обкома и окружкома партии, «недостаточно переключились в сторону решительной борьбы с перегибами и извращениями» и в Новохопёрском районе. Президиум окружной контрольной комиссии, заслушав 6 апреля 1930 г. об этом доклад заместителя прокурора округа Сельвестрова, объявил выговор бюро райкома, уполномоченному Окружной Контрольной Комиссии и председателю райисполкома. Партийной фракции райисполкома было предложено снять с работы секретаря и распустить президиум горсовета, окружному прокурору поручено «за нереагирование на все случаи нарушения революционной законности» наложить дисциплинарное взыскание на участкового прокурора Диденко²⁶².

О задержке в устранении перегибов доложил 15 апреля в областную прокуратуру и окружной прокурор Гуцев: «До сих пор в округе, как районными организациями, а также судебно-следственными работниками, не принято должных мер к исправлению допущенных перегибов при коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Мы уже сообщали, что Окружная судебно-следственная бригада и до настоящего времени не могла дать характерного дела, как она борется с перегибами. Районные судебно-следственные органы не проявляют своей инициативы по вскрытию извращений и перегибов, с другой стороны районные руководящие организации не достаточно ведут борьбу с допущенными извращениями»²⁶³. В связи с этим на места выезжали окружной прокурор, заместитель прокурора, три помощника прокурора и старший следователь. Ими было обследовано 6 райисполкомов, 19 сельсоветов, 2 колхоза, отменено раскулачивание 53 хозяйств и предложено восстановить в избирательных правах 22 человека²⁶⁴.

По мнению исследователя Е.А. Кирьяновой, руководители среднего и низшего звена были недовольны тем, что вышестоящие органы власти стремятся возложить всю вину за просчёты на них, местных «головотяпов», поэтому «предпочитали бездействовать, чтобы вновь не попасть в число «перегибщиков», теперь уже в преодолении перегибов»²⁶⁵. Да, действительно, и в Борисоглебском округе местные работники не соглашались с обвинениями вышестоя-

щей инстанции и высказывали в адрес окружного руководства свои замечания. Приведём наиболее типичные из них: «сейчас можно обвинять низовые организации, когда нас вызывали в округ с докладами, то там нам говорили о неразъяснении массе, о поднажмитае»; «со стороны округа мало было практических указаний, а также не было уполномоченных»; «все искривления были не только по вине райкома, но и по вине окружкома, так как уполномоченные округа не исправляли наши ошибки и не давали нам указания, а сами делали их»; «в большинстве случаев виноваты вышестоящие органы, мы выполняли все директивы²⁶⁶»; «почему окружком своевременно не поставил вопроса об исправлении ошибок и не дал директив до статьи тов. Сталина. Ошибки есть, но они не только со стороны местных организаций, эти ошибки являются общими»²⁶⁷. Секретарь Верхне-Карачанского райкома партии Евсин в связи с докладом окружной контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции о результатах проверки района заявил на бюро райкома 10 апреля 1930 г.: «Согласиться же с выводами комиссии о наложении партвзыскания на членов бюро РК за то, что они не выполняли постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с перегибами и искривлениями партлинии» ни в коем случае нельзя, так как фактов и документов на это не найдётся. К этому вопросу комиссия подошла необъективно, лишь приехать в ОкрКК с партвзысканиями и щегольнуть ими. Можно бы согласиться с комиссией, если б она констатировала недостаточную работу парт. организации по выполнению решений ЦК ВКП(б), это было бы справедливо. Но считать, что мы совершенно не выполняли постановления ЦК ВКП(б), как это пишет комиссия, за это привлекать к партответственности, не считаясь с партдокументами и фактами. Это будет слишком горячо и притворно, факты это опровергают (протокол бюро РК, районное совещание актива, посылка во все 16 с/совет. уполномоченных РК, проведение в районе двух кустовых конференций бедноты, рассмотрение более 250 жалоб в РИКе, восстановление 48 раскулаченных, возвращение колхозникам свиней, предание трёх человек суду, исключение одного члена ВКП(б) из партии, объявление выговора партбюро Кирсановской яч. и т.д., организация специальной комиссии по проверке раскула-

чивания ещё до постановления ЦК ВКП(б)). Нет сомнения, что ОкрКК, разбирая материал комиссии, будет более объективнее»²⁶⁸.

Для оценки этого явления, на наш взгляд, важно не то, чья вина больше, центральной или местной власти, а то, что перегибы не были случайными. Они вытекали из общего политического курса партийного и советского руководства. В этом и есть корень проблемы. Широкий перечень признаков кулацких хозяйств позволял местным властям подвести под раскулачивание кого угодно: и середняков, и бедняков. К кулакам могли причислить и по политическим мотивам, прежде всего, тех, кто был не согласен с проводимыми в деревне преобразованиями. Именно этим, а не «головотяпством» местных руководителей, можно объяснить массовый характер перегибов, допущенных при проведении раскулачивания, в том числе и в Борисоглебском округе ЦЧО.

Исправлять допущенные перегибы власть была вынуждена, опасаясь взрыва крестьянского недовольства. В Закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 2 апреля 1930 г. отмечалось: «Поступившие в феврале мес. в Центральный Комитет сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской обл. вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»²⁶⁹.

Действительно, материалы исследования доказывают, что и в Борисоглебском округе проведение раскулачивания с массовыми «перегибами» не только не содействовало коллективизации крестьянских хозяйств, а вызвало рост антиколхозных настроений. Начался массовый выход из колхозов. Так, на 1 марта 1930 г., как отмечалось в докладной записке заведующего окружным земельным управлением Вдовина и окружного агронома Леонова, адресованной в об-

ластное земельное управление, в округе насчитывалось 138 096 коллективных хозяйств, что составляло 89,1 % от общего числа крестьянских хозяйств кроме раскулаченных. На 10 марта процент коллективизации понизился до 84,2; на 20 марта – до 66; на 1 апреля – до 30–35. В Алешковском районе на 20 марта коллективными было 92 % хозяйств, на 1 апреля в 7 сельсоветах осталось 388 коллективных хозяйств, т.е. 11,8 %. В Русановском районе вместо 100 % на 20 марта в 11 сельсоветах числилось 480 коллективных хозяйств, т.е. около 7 %. В Верхне-Карачанском районе вместо 100 % коллективизации в колхозах осталось только 5 % хозяйств, в Мордовском районе – 9,5 % хозяйств²⁷⁰.

Борьба с «перегибами» в ЦЧО, как пишет П.Н. Шарова, началась во второй половине февраля 1930 г.²⁷¹ Исследовав документы, мы установили, что в Борисоглебском округе проверять списки раскулаченных стали ещё в начале февраля 1930 г. Однако восстановление необоснованно раскулаченных затянулось здесь на несколько месяцев. Не способствовало быстрейшему пресечению «перегибов» и привлечение виновных в этом работников к ответственности, в том числе и к уголовной. И хотя отдельным хозяйствам раскулачивание было отменено, курс на ликвидацию кулачества остался неизменным, поэтому сохранились и условия для «перегибов» и «искривлений» государственной политики в отношении крестьянства и в последующие годы.

§ 3. Работа местных органов власти с жалобами о раскулачивании

Осуществление политики ликвидации кулачества как класса вызвало многочисленные жалобы крестьян. Они поступали в различные государственные учреждения, партийные комитеты, редакции газет и даже первым лицам государства И.В. Сталину, М.И. Калинин. Авторы открыто заявляли о своём несогласии с раскулачиванием. Они не считали себя кулаками, поскольку хозяйства создавали личным трудом, поэтому просили раскулачивание отменить и отобранное имущество вернуть. Подача жалоб в вышестоящие инстанции, как верно считает исследователь Р.В. Шамшин, «оставалась единственно доступным средством добиться отмены неправильно принятого решения»²⁷².

Рассмотрим, как жалобы о неправильном раскулачивании разбирали в Борисоглебском округе ЦЧО. Прежде приведём одно из характерных заявлений крестьян. Житель деревни Ястребовки Гладышевского сельсовета Токарёвского района Василий Васильевич Жутиков написал в редакцию «Крестьянской газеты» следующее письмо: «Товарищи, обратите внимание на моё положение, что я страдаю безвинно, напрасно, и неизвестно, за что остался без хлеба с малыми детьми в семействе. Дело такое. Я простой крестьянин, середняк, бывший солдат Германской войны, прослуживший рядовым на фронте всю войну, торговлей никогда не занимался, арендованной земли не имел, и никто в роду не занимался ничем, кроме крестьянского труда. Отец мой совершенно бедный. И вот на меня наложили сначала 150 п. Я выполнил, потом стали накладывать ещё и ещё, всего догнали до 310 п. Я напрягал все силы и выполнил эту развёрстку. Это было в январе. Но вот на меня накладывают ещё 100 пуд., но у меня оставалось только 8 п. и выполнить было не посильно. Тогда меня стали раскулачивать. Наложили штраф в 500 п., а так как хлеба столько не было, забрали последние 8 пуд. ржи, 2 коровы, 2 лошади, 5 овец и весь мёртвый инвентарь. У меня в семье 12 едоков. Налог с/х я платил только 7 р. 50 к. и в настоящее время я остался без хлеба, без инвентаря, и сам не знаю за что. Семья вынуждена голодать, в семье есть двое грудных детей и двое малолетних. Тут же меня лишили голоса и всю семью лишили. Я обращался к прокурору, в РИК, но никакого результата нет: мне ответили – мы тебя не считаем кулаком, а просто оштрафовали и всё. Товарищи, обратите внимание и войдите в защиту, и прошу расследовать и вернуть мне скот и инвентарь, а также и последний хлеб 8 п., мне нечем кормиться, и я пропадаю. Прошу также принять меры к восстановлению меня в правах, как лишили голоса меня неправильно и ни за что. 8/Ш 30 г.»²⁷³.

Исследованные материалы позволили выяснить, как местные власти реагировала на подобные обращения крестьян.

Президиум Центрально-Чернозёмного облисполкома в связи с непрекращающимся потоком жалоб на неправильное раскулачивание 3 апреля 1930 г. установил следующий порядок их рассмотрения:

«а) все жалобы и заявления указанной категории лиц должны рассматриваться в первую очередь райисполкомами;

б) постановления РИКов об отказе в удовлетворении жалоб могут быть обжалованы окрисполкомам, постановления которых являются окончательными и в исключительных случаях могут пересматриваться по протесту прокуратуры или по инициативе облисполкома;

в) РИКи и Окрисполкомы должны в письменной форме объявлять жалобщикам о результатах рассмотрения их жалоб»²⁷⁴.

4 апреля 1930 г. это постановление опубликовала областная газета «Коммуна», а 9 апреля – Борисоглебская окружная газета «Колхозная правда».

Для работы с жалобами крестьян о неправильном раскулачивании создавались особые комиссии. Например, 5 апреля 1930 г. такая комиссия была образована в Новохопёрске. По решению президиума городского совета в её состав вошли член горсовета, кандидат ВКП(б), заведующий складом имущества раскулаченных Рясков, рабочий железной дороги, член ВКП(б), член секции Рабоче-Крестьянской Инспекции Вербин и член горсовета Калашникова. Список раскулаченных рассматривался на заседании президиума горсовета, после чего выносилось то или другое решение и передавалось в комиссию для исполнения. 5 мая комиссия отчиталась перед президиумом горсовета о проделанной работе. Из 94 раскулаченных хозяйств, насчитывающих 281 человек, было восстановлено 56 хозяйств, из них 26 хозяйств, не связанных с сельским хозяйством, 10 хозяйств (9 середняцких и одно бедняцкое), связанных с сельским хозяйством. В трёх хозяйствах были служащие – учительницы, в 17 хозяйствах – извозчики, монашки и другие. У одних при раскулачивании были конфискованы домовладения, у других изъяты отдельные предметы: лошадь, пианино, сундук с вещами и т.д.). Восстановленным хозяйствам имущество возвратили, за исключением некоторых вещей. Всего вернули имущества на сумму 5 508 р. 01 коп.,

не считая стоимости домов. Три хозяина, не получившие своих коров, просили вернуть им коров или деньги за них, но по рыночной цене²⁷⁵.

В Жердевском районе решением бюро райкома ВКП(б) от 11 апреля комиссию возглавил председатель райисполкома Завадский²⁷⁶. 14 апреля комиссию создали в Елань-Коленовском районе. Она состояла из трёх человек – Никитина, Дунаева и Егорова. Закончить работу комиссия должна была к 1 мая²⁷⁷. В Русановском районе бюро райкома 15 апреля обязало партийную фракцию райисполкома, секретарей партячеек и уполномоченных райкома не позднее 20 апреля проверить, как исправляются «ошибки по перегибам», и привлечь к ответственности отдельных работников за «невнимательное отношение» к выполнению партийных директив. К 20 апреля партийная фракция райисполкома должна была рассмотреть и все жалобы на неправильное раскулачивание. Кроме того, персонально поручалось провести проверку фактов «самоуправства и самовольного восстановления раскулаченных»: Костюкову – по Кисельнскому и Луначарскому сельсоветам, Михальченко и Ильину – по Ивановскому сельсовету, Михальченко – по Братковскому сельсовету»²⁷⁸. В Архангельском районе, как сообщал председатель райисполкома Чуканов, с 15 марта по 11–12 апреля президиумом райисполкома вместе с представителями окрисполкома Мухиным и Наумец из 514 раскулаченных хозяйств (2 853 едока) было восстановлено 288 хозяйств (1 658 едока), возвращено имущества на сумму 133 747 рублей. Если скот был уже продан, то возвращали деньги. Землю восстановленные хозяйства засеяли всю²⁷⁹.

Между тем, как свидетельствуют документы, районные комиссии зачастую считали, что большинство хозяйств раскулачено правильно и «с таковым» соглашались. Так, Президиум Верхне-Карчанского райисполкома, рассмотрев на своём заседании 15 апреля 1930 г. материал по раскулачиванию 25 граждан по Васильевскому сельсовету, признал неправильным раскулачивание и отменил его только у четырёх крестьян, а двадцати крестьянам раскулачивание утвердил и одно дело направил следственным органам²⁸⁰. Одним из тех, кого райисполком восстановил, был священник Никонор Никитович Ткалин. Но добиваться

этого ему пришлось в течение трёх месяцев. Ткалин был раскулачен Васильевским сельсоветом 22 января 1930 г. У него отобрали одну хату (ветхую, 8 х 8 аршин), оценённую в 150 руб., денег (медных) 13 рублей, облигаций на 25 руб., квитанций потребительского общества на 20 руб., стол, три стула, железную койку, одну перину, 2 подушки, два одеяла, пальто женское, две пары новых валенок, примус, мясорубку (непригодную), утюг (простой). 3 марта 1930 г. Ткалин ходатайствовал перед райисполкомом об отмене раскулачивания. Правление РИКа 3 апреля признало его раскулачивание правильным и отказало в возвращении личного имущества, как «явно кулацкому хозяйству». 15 апреля Ткалин обратился с заявлением в Борисоглебский окрисполком. «На самом деле, – писал Ткалин, – я к кулацким категориям не принадлежу». Он просил окружной окрисполком «из числа кулацкого элемента его исключить с возвращением отобранного имущества». Обращение к окружной власти возымело действие на районное руководство. Президиум РИК 15 апреля 1930 г. постановил раскулачивание Ткалина признать неправильным и отменить его.

Документы свидетельствуют, что работу с жалобами местные власти вели недостаточно активно. Например, в Жердевском районе жалобы по месяцу оставались без рассмотрения. Райисполком вместо того, чтобы «самым решительным образом устранять ошибки, всю работу взвалил на сельсоветы». Заключения сельсоветов о восстановлении или об отказе группировались у технического работника, который материалы о восстановлении вносил на рассмотрение президиума РИКа, а отказы без всякого просмотра ответственными лицами РИКа складывал в шкаф. Допускаемые сельсоветами ошибки поэтому не могли быть своевременно исправлены. Сам райисполком «несерьёзно» отнёсся к восстановлению раскулаченных: 17 марта он восстановил десять хозяйств, а в окрисполком послал выписки о восстановлении на четыре хозяйства; что касается остальных шести хозяйств, то оказалось, что они раскулачены правильно²⁸¹.

В связи с тем, что эта «чрезвычайно важная работа» передоверялась «техническим, второстепенным работникам», а некоторые сельсоветы к ней ещё со-

вершено не приступали, президиум Борисоглебского окрисполкома 13 апреля 1930 г. постановил рассмотреть все жалобы на раскулачивание в кратчайший срок комиссией, возглавляемой председателем райисполкома или его заместителем²⁸². Был установлен и следующий порядок возвращения конфискованного имущества:

«В случае, когда при восстановлении неправильно раскулаченных отобранного у них имущества не оказывается, колхозы возмещают деньгами.

Предложить райисполкомам твёрдо придерживаться принципа, что всё имущество восстановленных было возвращено им полностью, что же касается предприятий и сельхоз. машин, переданных ККОВ (комитет крестьянской общественной взаимопомощи – *Е.Т.*) или в колхоз, при добровольном согласии восстановленного можно последнего компенсировать деньгами.

Коров, отобранных у неправильно раскулаченных и данных беднякам в обмен на выбракованных у них коров, необходимо восстановленным возвращать обратно. В случае, когда бедняки купили этих коров, а не получили их в обмен за свои выбракованные, то колхозные организации, которые продали бедняку корову, выплачивают восстановленному ту сумму, за которую корова была продана»²⁸³.

Наблюдение за рассмотрением жалоб и заявлений граждан, поступающих из ВЦИКа, облисполкома и других органов, и внесение их на рассмотрение президиума окрисполкома поручалось инструктору орготдела Перепелицыну²⁸⁴.

17 апреля 1930 г. окрисполком «категорически» указал райисполкомам «рассматривать все жалобы не позже 48 часов с момента поступления». Всем крестьянам, обжалующим постановления райисполкомов, рекомендовалось разъяснить, что для ускорения разборки их дел, подача жалоб в окрисполком должна производиться через райисполком, который обязан был весь материал и жалобу немедленно оформить и «в 24 часа направить по принадлежности». К материалам в обязательном порядке следовало прилагать опись отчуждённого имущества, а также другие документы, «характеризующие раскулаченного жа-

лобщика». Руководство районов предупреждалось, что «за всякую волокиту и недооценку важности данной работы будет строго взыскано»²⁸⁵.

Однако проверка жалоб на местах по-прежнему шла медленно. Как отмечалось в директиве окрисполкома от 27 апреля 1930 г., особенно плохо это делали в Архангельском, Алешковском, Песковском, Мордовском, Таловском и Русановском районах. Указание о рассмотрении жалоб в 48 часов и немедленном возвращении материалов в окрисполком при неудовлетворении жалобщиков там своевременно не выполнялось, причём задержка достигала от 10 до 15 дней. Райисполкомы не предоставляли также «достаточного объяснения и необходимых документов» на возражения жалобщика и мотивы, послужившие поводом к раскулачиванию²⁸⁶. «Такое отношение, – писал председатель окрисполкома Ключев, – указывает на недооценку серьёзности данного момента, наносит громадный ущерб посевной кампании и социалистическому строительству вообще, являясь абсолютно нетерпимым в работе советских органов»²⁸⁷. Президиум окрисполкома «ещё раз категорически» потребовал срочно пересмотреть дела раскулаченных, после разрешения райисполкомом в 24 часа вернуть имущество неправильно раскулаченных, немедленно представить «со всей полнотой обоснованные материалы по запросам» и не позже 5 мая – протоколы заседаний президиумов райисполкомов²⁸⁸.

Постановления райисполкомов об отказе в восстановлении крестьяне могли обжаловать в окрисполком. Для рассмотрения таких жалоб президиум окрисполкома 24 апреля 1930 г. образовал специальную комиссию. Её председателем стал секретарь окрисполкома Аксентьев, в состав вошёл и заместитель начальника окружного отдела ОГПУ Буданцев. Комиссии были переданы поступившие жалобы и поручено представить их на рассмотрение очередного заседания президиума окрисполкома²⁸⁹. 8 мая 1930 г. заведующий орготделом Перепелицын доложил президиуму окрисполкома, что результаты пересмотра списков раскулаченных «подтверждают имевшие место перегибы, как в сторону раскулачивания середняков, так и в сторону возвращения имущества явно кулацким хозяйствам». Рассмотрение материалов в окрисполкоме и райиспол-

комах идёт медленно, райисполкомы допускают «формальный подход к рассмотрению жалоб», что вызывает необходимость новых запросов и, вследствие этого, «задержку окончательного разрешения жалоб». На местах РИКами было восстановлено 1 545 хозяйств или 27,2 % раскулаченных и комиссией при ОкрИКе – 10 хозяйств или 18 % от общего количества рассмотренных жалоб на решения РИКов. Президиум окрисполкома указал президиумам райисполкомов более внимательно подходить к рассмотрению жалоб раскулаченных и лишенцев и закончить эту работу в установленные сроки. Орготделу поручалось «обследовать» работу по пересмотру списков раскулаченных и лишенцев Песковского, Русановского и Алешковского райисполкомов и выяснить причины задержки ответов по жалобам. Для ускорения рассмотрения жалоб орготделу рекомендовалось привлечь по одному постоянному работнику от рабочекрестьянской инспекции, прокуратуры, окрсуда и горсовета²⁹⁰.

Президиум окрисполкома рассмотрел представленные комиссией 47 жалоб (38 – из Верхне-Карачанского района, 8 – из Токарёвского района, 1 – из Алешковского района)²⁹¹. Было отменено раскулачивание 13 человек (12 – из Верхне-Карачанского района и 1 – из Токарёвского района). Райисполкомы этих районов обязывались в трёхдневный срок возвратить хозяевам конфискованное имущество, за исключением изъятых у Попова Алексея Борисовича $\frac{1}{4}$ мельницы (село Калиново – *Е.Т.*) и у Шипилова Ивана Сергеевича $\frac{1}{2}$ ветряной мельницы (село Верхний Карачан – *Е.Т.*). Жалобы 34 крестьян были оставлены «без последствий». Отменено было и решение президиума Алешковского райисполкома о возвращении Зыкову Ивану Михайловичу дома с надворными постройками и коровы²⁹².

2 июня 1930 г. президиум окрисполкома рассмотрел, по нашим подсчётам, 206 жалоб. Раскулачивание было отменено только 22 крестьянам (10 – из Верхне-Карачанского, 6 – из Архангельского, 3 – из Жердевского, 2 – из Песковского, 1 – из Алешковского района). Жалобы 184 крестьян (86 – из Верхне-Карачанского, 26 – из Токарёвского, 23 – из Архангельского, 18 – из Песковского, 14 – из Борисоглебского, 13 – из Жердевского, 2 – из Алешковского, 2 –

из Русановского, 1 – из Елань-Коленовского районов) отклонил, признав их раскулачивание правильным. Президиум окрисполкома отменил решение президиума Токарёвского РИКа о возвращении имущества Кузину Фролу Андреевичу, а Борисоглебскому РИКу указал из изъятого у Попова Фёдора Ильича (село Чигарак) выделить имущество сироте дочери красноармейца, учредив над ней опеку. Кроме того, Верхне-Карачанскому РИКу было предписано вернуть Кученковой Марии Фёдоровне личные вещи, конфискованные при раскулачивании, Песковскому РИКу – «поставить вопрос» об отзыве из Красной Армии сына Артёмов Ивана Ивановича», а Токарёвскому РИКу – рассмотреть вопрос о лишении избирательных прав Полуэктова Романа Трофимовича²⁹³.

С восстановлением окрисполкомом раскулаченных хозяйств не всегда было согласно районное руководство. Так, на заседании бюро Верхне-Карачанского РК ВКП(б), состоявшемся 12 июня 1930 г., председатель райисполкома Кольнов заявил, что раскулаченные, которые восстановлены окружной комиссией, являются «действительными кулаками». Бюро постановило, что протест РИКа против восстановления 9 хозяйств «вынесен действительно верно», от восстановления этих хозяйств воздержаться. Партийной фракции РИКа поручалось собрать материал в сельсоветах и группах бедноты там, где проживают эти кулаки, и направить его в окружную комиссию для пересмотра²⁹⁴.

Президиум Песковского райисполкома 20 июня 1930 г. категорически возразил против восстановления кулацких хозяйств Хорябина Ивана Мареевича (Пески), Волошина Моисея Ивановича (Губари), Поминова Ивана Фёдоровича, Шаталова Кондратия Васильевича, Стерликова Семёна Афанасьевича (Горелка), Хмылова Михаила Антоновича (Третьяки), Рогожникова Ивана Антоновича, Дякина Павла Дмитриевича (Танцыреи), Артёмов Ивана Ивановича (Мазурка). Было решено для более точного рассмотрения дел и недопущения ошибок просить ОкрИК выслать выездную комиссию в район²⁹⁵. Президиум окрисполкома посчитал этот протест необоснованным. В письме, адресованном Песковскому райисполкому, он указал на его «безответственное отношение»: «Прежде чем вносить этот вопрос на рассмотрение Президиума РИКа, нужно

было внимательнее прочесть постановление Президиума Окрисполкома от 2/VI-30 г. за № 51 § 40, в котором ясно сказано, что тем хозяйствам, о которых РИК поднимает вопрос – отказано»²⁹⁶.

Действительно, большую часть жалоб крестьян окружная власть отклоняла. Какие для этого у неё были основания, рассмотрим на примере характеристик крестьян села Васильевки Верхне-Карачанского района, содержащихся в протоколах заседаний окружной комиссии.

Мандрусов Василий Андреевич служил с 1922 года в РККА 9 месяцев, лишён избирательных прав с 1925 года как лесопромышленник, сельхозналог платил в 1928 г. 6 р. 20 к., в 1929 г. 9 р. 75 к., в 1930 г. 10 р. 65 к., торговал по патенту 1-го разряда с корзинки. Имущественное положение: дом, корова. До революции отец был помещиком, имел 100 десятин земли, механическую, водяную и ветряную мельницы, скупал хлеб, эксплуатировал до 100 человек. В жалобе Мандрусов указывает, что он при службе в Красной Армии стал инвалидом, был оставлен при эвакуации как больной в лагере белых, но участия никакого не принимал. Им были приложены документы о болезни и непринятия его в ряды белых войск по инвалидности. С отцом он не имеет ни какой связи, ведёт хозяйство только своим трудом с 1922 года.

Рошупкин Алексей Петрович лишён избирательных прав с 1924 года как торговец. Сельхозналог платил в 1928 г. 3 р. 60 к., в 1929 г. 2 р. 68 к., в 1930 г. 4 р. 85 к. Торговал по 3-му разряду и по 2-му разряду бакалейным и галантерейным товаром с 1923 по 1926 год. Имущественное положение: изба о 2-х комнатах. Один из членов семьи находится под арестом как «вредный элемент коллективизации»²⁹⁷.

Глазычев Григорий Степанович лишён с 1927 года избирательных прав как торговец по патенту 5-го разряда, торговлей занимался с 1920 г. по 1927 г. Сельхозналог платил в 1928 г. 13 р. 80 к., в 1929 г. 4 р. 84 к. Имел паровую маслособойку с 8-ми сильным двигателем. Судим за неуплату подоходного налога. Имущественное положение: изба, корова. Всего имущества отчуждено на 344 р. 30 к. До революции занимался сельским хозяйством. В жалобе Глазычев

подтверждает торговлю до 1926 года скобяным товаром, а остальное отрицает²⁹⁸.

Рыжов Пётр Андриянович до и после революции владелец ветряных мельниц, конной молотилки, сельхозналогом облагался индивидуально в размере 131 р. 65 коп.

Клоков Яков Фёдорович до революции крупный торговец мануфактурой и бакалейной торговлей, имел трактир, занимался ростовщичеством, эксплуатировал чужой труд. После революции занимался спекуляцией и бакалейной торговлей, привлекался за контрреволюцию. Церковный староста, «лишенец». Сдавал в аренду своё торговое помещение.

Нырков Андрей Тихонович до революции с братьями имел 2 отруба в 24 десятины собственной земли, арендную землю, ветряную мельницу и просорушку. Лесопромышленники, снимали по 5–6 десяток в год, рубили срубы на продажу, эксплуатировали чужой труд, имели постоянных рабочих до 10 человек, сезонных рабочих по несколько десятков. После революции имел ветряную мельницу, просорушку, арендную землю, нанимал 2 постоянных рабочих, сельхозналогом облагался индивидуально в 311 руб. Срывал собрания, противник всех мероприятий соввласти, находится в ИТД (исправительно-трудовом доме – *Е.Т.*) за контрреволюционные действия, судим во время хлебозаготовки, «лишенец»²⁹⁹.

Константинов Григорий Петрович до революции имел отруб земли, постоянных наёмных рабочих, занимался мануфактурной и бакалейной торговлей, бывший земский чиновник и волостной судья. После революции организатор восстания, бежал с белыми, занимался спекуляцией и вредительством. Привлечён ОГПУ. Сын служил в Красной Армии и отозван досрочно³⁰⁰.

Шкуров Матвей Алексеевич до революции имел ветряную мельницу, использовал наёмный труд. Лишён избирательных прав. В феврале 1930 г. РИКом восстановлена одна дочь Пелагея. Шкуров в заявлении указывает, что он имел ¼ часть паровой крупорушки, налогом облагался в 187 р. 4 к. Можно раскула-

чить в части, т.е. взять просорушку, т.к. дочь восстановлена, и он лишён избирательных прав только во время раскулачивания³⁰¹.

Афрешин Иван Петрович раскулачен как занимающийся сельским хозяйством и торговлей. В заявлении Афрешин не отрицает того, что он занимался торговлей³⁰².

Рыжов Андреян Иванович, 60 лет. Семья состоит из 5 человек. Сын Иван призван в РККА в 1918 г., где и пропал без вести. Лишён избирательных прав как владелец ветряной мельницы. Сельхозналог платил в 1927/28 г. 19 р. 65 к., в 1928/29 г. 65 р. 29 к., в 1929/30 г. 263 р. 25 к. и обложен индивидуально на 187 р. 7 к. С 1915 г. имел ветряную мельницу английского типа. Имущественное положение при раскулачивании: изба с сенями, ветхая, 1/2 ветряной мельницы и 1 корова. Отобрано имущества на 452 р. 50 к. О раскулачивании имеется постановление проверочной комиссии с участием бедноты от 28/II-30 г. и РИКа за № 65. До революции занимался сельским хозяйством и работал на мельнице. В жалобе своей Рыжов признаёт раскулачивание неправильным потому, что сын Иван был в рядах Красной Армии и во время гражданской войны погиб у белых. Имеющаяся у него ветряная мельница ветхая и молотильная машина негодная, чужого труда он не эксплуатировал. Просит восстановить его в правах гражданских и вернуть отобранное имущество.

Шкуров Никонор Михайлович, семья из 5 человек. Сын Пётр находился в рядах Красной Армии с 1924 по 1926 год. Лишён избирательного права с февраля 1930 г. как владелец ветряной мельницы и обложен индивидуально, сельхозналог платил в 1927/28 г. 23 р. 48 к., в 1928/29 г. 50 р., в 1929/30 г. 226 р. 65 к. Ветряная мельница с 1875 г. Имел 3/4 той же мельницы и до 1921 г. 1/4 двигателя 12 сил. Имел при раскулачивании избу с сенями и надворную постройку. Имущество отобрано на 294 руб. Постановления сельсовета нет, а есть постановление Проверочной комиссии с участием бедноты от 28/II 1930 г., утверждённое РИКом 2/IV 1930 г. № 65. До революции занимался сельским хозяйством, имел ветряную мельницу, просорушку и 1/4 механического двигателя. В своей жалобе Шкуров не отрицает, что имел ветряную мельницу и объяснил,

что его сын служил в Красной Армии и Советских учреждениях, сам он в малолетстве пас скотину и затем занимался сельским хозяйством. Мельницу приобрёл в 1916 г. Отрубной и арендной земли не имел. Имущественное положение: 1 изба, рига, 1 амбар, 1 корова, 1 лошадь, ветряную мельницу передал в кооперацию. Торговлей никогда не занимался и батраков не имел, ныне живёт на квартире. Просит вернуть ему избу³⁰³.

Ермаков Алексей Сергеевич лишён прав гражданства в 1930 г. Платил сельхозналог в 1927/28 г. 75 р., в 1928/29 г. 570 р. 95 к., в 1929/30 г. 465 р. 15 к. Судим по ст. 61. Имущественное положение: дом пятистенок, надворная постройка, лошадь, корова, до революции имел ветряную мельницу, крупорушку, просорушку с 25 сил. двигателем, батраков постоянных 1–5 человек. Жалобщик отрицает, что он имел мельницу, просорушку и крупорушку.

Рошупкин Иван Петрович лишён прав гражданства в 1925 г. как торговец, судим за хулиганство, торговал до революции и после революции, имел бакалейную лавку, был в банде участником. Имущественное положение: изба с сеними, корова. Жалобщик не отрицает, что он имел лавку, патент 2 разряда³⁰⁴.

Основанием для отказа в восстановлении хозяйств служило, как видим, их имущественное состояние задолго до раскулачивания, например, наличие отрубной, арендной земли, мельниц до революции или в начале 1920-х годов, занятие торговлей, использование наёмных рабочих, когда это было ещё разрешено, а также лишение избирательных прав и критическое отношение к мероприятиям советской власти. Фактическое же положение многих хозяйств на момент раскулачивания было иным, на что указывают небольшие по размеру взимаемые сельхозналоги и стоимость отобранного имущества. Не учитывалась и служба хозяев и членов их семей в рядах Красной Армии. На формальный подход окружной власти при утверждении раскулачивания указывают, наряду с документами, и воспоминания родственников раскулаченных. Так, Раиса Ивановна Пименова рассказывала, что её мама Мария Тихоновна, сестра Ныркова Андрея Тихоновича и Фёдора Тихоновича, говорила: «У братьев весь горб в соли был. По два часа на кулаке спали. Рушалку пустят и по очереди спят. Братья

всегда помогали односельчанам, если кто умер или пожар, везли возами». По рассказам Людмилы Николаевны Пигаревой, её дедушка Никонор Михайлович Шкуров помогал сиротам, брал их из приюта в свою семью и растил. Об этом в селе помнят до сих пор. На фоне таких подробностей отчётливо виден безжалостный характер принимаемых властью решений.

Рассмотрение жалоб по распоряжению облисполкома должны были закончить к 1 июня 1930 г. Однако неоднократная неявка на заседание окружной комиссии выделенных от различных организаций работников срывало работу. В связи с этим 27 мая 1930 г. окрисполком указал руководителям окружных организаций Сильвестрову (Окрпрокуратура), Гуслияникову (ОкрКОВ), Костеву (Окрадмотдел), Нестерову (ОкрЗУ), Дамбергу (ОкрГПУ), Провоторову (Окрпрофбюро) обеспечить явку «ответственных представителей» на заседание к 10 часам 29 мая, предупредив их, что «в дальнейшем при неявке будет поставлен вопрос в соответствующих органах об ответственности»³⁰⁵.

29 мая 1930 г. председатель окрисполкома Клюев направил райисполкомам письмо, в котором отмечал, что в последнее время в окрисполком поступают заявления раскулаченных о том, что их выселяют из домов, в которых они до настоящего момента проживают. «Поскольку выселение подлежащих раскулачиванию граждан не произошло своевременно, т.е. в первоначальный момент вынесенного решения и они до сих пор являются фактическими владельцами домов, обжаловав решения РИКов в окрисполком», Клюев распорядился впредь до окончательного рассмотрения дел раскулаченных президиумом окрисполкома, выселение из домов подавших обжалование не производить³⁰⁶. Для ускорения рассмотрения дел в окрисполкоме он указал райисполкомам следующее:

- «а) оформлять направляемые нам дела в 48 часов;
- б) обязательно заполнять анкету, опись отчужденного имущества, давать заключение по вопросам жалобщика (при возможности документально);
- в) проверить проведение в жизнь с/советами решений и указаний, связанных с раскулачиванием;

г) информировать нас к 3 июня точно докладом по состоянию на 1 июня о числе раскулаченных и возвращенного имущества хозяйствам с определением суммы стоимости»³⁰⁷.

Пересмотр списков раскулаченных в Борисоглебском округе, начатый райисполкомами 9 апреля 1930 г., в основном закончился 20 мая 1930 г. В окрисполком к 30 мая 1930 г. поступило 1 470 жалоб. «Прохождение материалов» в окрисполкоме, как указывал в письме президиуму облисполкома Ключев, «имеет некоторую задержку» из-за несвоевременной присылки материалов с мест³⁰⁸. Учитывая, что «поступление материалов усиливается и что каждый раскулаченный гражданин стремится получить окончательное решение окрисполкома», и предвидя поступление жалоб «почти всех 100 % домохозяев, оставшихся по пересмотру РИКов раскулаченными», председатель окрисполкома заверил областное начальство, что все поступившие и оформленные по жалобам дела будут рассмотрены к 10 июня 1930 г. Остальные жалобы будут разрешены с 10 по 20 июня «выездом» на места окружной комиссии. Она проверит деятельность райисполкомов по пересмотру, учёту и использованию конфискованного имущества, а также по возвращению имущества неправильно раскулаченных³⁰⁹.

Какую работу проделала окружная комиссия на местах, покажем на примере Новохопёрского района. В течение 10 дней она проверяла жалобы раскулаченных хозяйств на решения райисполкома, выезжая в Краснянский, Каменка-Садовский и Богдановский сельсоветы. Там при участии бедноты и актива было разобрано 47 жалоб – около 30 % всех поданных жалоб. 101 жалобу комиссия рассмотрела непосредственно в райисполкоме, вызвав туда представителя или члена сельсовета, хорошо знающих раскулаченные хозяйства. «Безусловно, – как отмечалось в докладе окружной комиссии, – метод вызова предсельсовета или члена для участия в работе окр. комиссии по разбору жалоб раскулаченных хозяйств полной ясности в определении раскулаченных хозяйств, по сравнению с выездом на место, не давал, но тем не менее облегчал работу окр. комиссии»³¹⁰. Комиссия с участием членов президиума горсовета провери-

ла также 12 жалоб на решения горсовета. Всего по Новохопёрскому району и горсовету было рассмотрено 160 жалоб: Из них 18 хозяйств восстановили – 16 хозяйств значились по райисполкому и 2 – по горсовету и 142 хозяйствам в ходатайстве отказали.

Вот краткая характеристика некоторых восстановленных хозяйств. По Каменка-Садовскому сельсовету – Гуленин Фёдор Данилович, состав семьи 7 человек, до 1930 года избирательных прав не лишился, ЕСХН платил в 1927/28 году – 25 руб. 29 коп., в 1928/29 году – 32 руб. 70 коп., в 1929/30 году – 26 руб. 95 коп., до революции арендовал земли от 1 до 3 десятин, в 1927 году арендовал 3 десятины 10 сажень, при раскулачивании изъято имущества на сумму 578 р. 25 коп. По горсовету – «хозяйство Иванова Александра Алексеевича, как семья специалиста, сын землеустроитель и дочь – врач»³¹¹.

Окружная комиссия проверяла одновременно и правильность восстановления райисполкомом раскулаченных хозяйств. Сделать это «полностью и детально», однако, ей «не представилось возможным» «за краткостью времени», а также потому, что райисполкомом не было составлено анкет на восстановленных. Тем не менее комиссия установила, что в отдельных случаях были восстановлены кулацкие хозяйства. Например, по Пыховскому сельсовету – Фадьков Иван Ильич, с 1924 года по 1929 год торговал мясом по патенту II разряда, по горсовету – Серостанов Георгий Матвеевич, семья 6 человек, до революции имел аренду до 300 десятин, после революции занимался сельским хозяйством, в 1922/23 году занимался торговлей, арестован органами ГПУ. Кроме того, комиссией были выявлены и нераскулаченные хозяйства. Например, в Краснянском сельсовете оказался нераскулаченным Дыпенин Василий Иванович, который имел до революции мельницу, крупорушку, батраков, после революции до 1929 года мельницу 2-х поставов, батрака и перепродавал скот³¹².

Наглядное представление о результатах деятельности окружной комиссии даёт документ «Сведения о работе окружной комиссии по рассмотрению дел раскулаченных по состоянию на 5 июня 1930 г.»³¹³:

№ п/п	Наименование районов	Рассмотрено и подгот.	Из них		Рассм. комис. на месте	Из них	
			восст	отказ.		восст.	отказ.
1	Алешковский	35	11	24	31	10	21
2	Архангельский	168	21	147	107	14	93
3	Борисоглебский	83	15	68			
4	В. Карачанский	202	31	171			
5	Е-Коленовский	111	9	102	110	9	
6	Жердевский	42	9	33			
7	Новохопёрский	159	18	141	159	18	141
8	Песковский	25	2	23			
9	Русановский	24	-	24			
10	Таловский	2	1	1			
11	Токарёвский	123	20	103			
12	Щученский	207	92	115	207	92	115
	Всего	1 181	229	952	614	143	471

Как видно из этих данных, наибольшее количество жалоб было рассмотрено по Щученскому и Верхне-Карачанскому районам, а наименьшее – по Русановскому и Песковскому районам. Больше всех раскулачивание отменено, по нашим подсчётам, по Щученскому району (44 %), а меньше – по Песковскому и Елань-Коленовскому районам (8 %). 614 жалоб окружная комиссия разбирала на месте, выезжая в Алешковский, Архангельский, Елань-Коленовский, Новохопёрский и Щученский районы. В целом по округу только около 20 % крестьян, обратившихся с жалобами в окрисполком, были признаны неправильно раскулаченными. Для большинства же крестьян надежда на справедливое решение окружной власти не оправдалась.

В Алешковском районе, например, как докладывал 2 июля 1930 г. президиуму райисполкома уполномоченный окрисполкома по проверке восстановления раскулаченных Деменчук, комиссия просмотрела 118 жалоб. По мнению комиссии, только 27 хозяйств следовало восстановить. Кроме того, из поездок по некоторым сельсоветам ею были выявлены крепко-зажиточные хозяйства, которые по каким-то причинам оказались нераскулаченными. Комиссия также сочла, что восстановленные райисполкомом хозяйства на 70–80 % должны быть раскулачены. В связи с выводом комиссии о восстановлении Морозова, Черных, Ртищева Президиум райисполкома постановил немедленно поручить члену РИКа Жукову «в течение 24 часов проверить материал, говорящий за

восстановление», а также проверить по 3 Александровскому сельсовету хозяйства Пастушкова И.А., Тугарева Г.А. «на предмет раскулачивания их хозяйств и райфо обложение их в индивидуальном порядке с/х налогом». В связи с мнением комиссии, что восстановленные РИКом хозяйства на 70–80 % должны быть раскулаченными, Президиум райисполкома создал бригаду под председательством уполномоченного РККИ Бокового из члена РИКа Жукова и рабочего комбината № 38. Ей надлежало «в срочном порядке» выехать на места и проверить списки восстановленных по сельсоветам «на предмет правильности их постановлений». Закончить работу бригада должна была не позднее 20 июля 1930 г., доложив об этом Президиуму РИКа³¹⁴.

Президиум окрисполкома, рассмотрев 6 июля 1930 г. протоколы окружной комиссии от 12, 13, 24, 26, 28, 30 июня, 1, 4 июля 1930 г., утвердил постановления комиссии о восстановлении 106 человек как неправильно раскулаченных и об отклонении жалоб 706 человек³¹⁵. Было решено до 10 июля выслать комиссию в Песковский, Борисоглебский, Таловский, Жердевский и Токарёвский районы с тем, чтобы дела по жалобам раскулаченных были рассмотрены не позже 20 июля 1930 г.³¹⁶

Окружная комиссия должна была закончить рассмотрение жалоб на неправильное раскулачивание в июне 1930 г. в десятидневный срок. Отделы и организации обязывались пересылать в ОкрИК поступающие к ним жалобы. Для ускорения работы по их рассмотрению по решению президиума окрисполкома состав комиссии был расширен. Отметив «недопустимое» отношение начальника ГПУ, заведующего РКИ (рабоче-крестьянской инспекции – *Е.Т.*) и окружного прокурора к выполнению решения о выделении представителей для подготовки дел, президиум ОкрИКа указал им «в трёхдневный срок выделить своих представителей и выслать в орготдел окрисполкома»³¹⁷. Увеличение состава окружной комиссии за счёт включения в неё ответственных работников ряда учреждений, однако, не ускорило рассмотрение дел по обжалованию решений райисполкомов, а, напротив, даже затормозило. Это подтверждает письмо председателя окрисполкома К.Н. Клюева, адресованное 14 июля 1930 г. в гор-

совет, окружной суд, РКИ, прокуратуру, ГПУ, ОкрАО. В нём отмечается, что выделенные в состав окружной комиссии сотрудники, «на работу являлись чрезвычайно не регулярно, а работники по подготовке дел совершенно отказались вести возложенную на них работу», при посылке членов окружной комиссии «в командировку на места таковые отказались выехать (Окр. прокуратура, ОГПУ)»³¹⁸. В связи с этим работа «по разрешению дел раскулаченных и лишенцев» задерживалась и установленный облисполкомом срок её окончания срывался. Председатель окрисполкома, считая «такое явление недопустимым», предложил руководителям организаций «дать объяснение»³¹⁹.

Начальник окротдела ОГПУ Ж.И. Дамберг 15 июля 1930 г. сообщил К.Н. Ключеву, что неявка их сотрудника «объясняется проведением подготовительной работы к операции», а в связи с отпусками других сотрудников «недостаточным наличием работников для проведения самой операции», т.к. с 15 июля весь оперативный состав разъезжается в районы³²⁰. Временно исполняющий должность окружного прокурора Ковалёв написал председателю окрисполкома, что «Ваши требования» о введении в состав комиссии двух помощников прокурора (Старцева и Ковалёва) и посылка их на места в качестве уполномоченных, «равно и требования представить Вам объяснения» «лишены деловых оснований и мотивов»³²¹. Как считал Ковалёв, это «не вызывается особой надобностью, связанной с массовым явлением искривлений», кроме того, «выезд в комиссиях» лишит прокуратуру возможности осуществить правильный и постоянный надзор за работой окружной комиссии «путём систематического участия в заседаниях и принесения своевременно протестов, число которых за последнее время значительно увеличилось». В связи с проведением уборочной кампании работники прокуратуры «исключительно работают по прямому назначению, с постоянными выездами на места, имея главную цель – предостеречь органы и работников от допущения искривлений», и что «использование по Вашему предложению 2-х работников для посылки в районы явилось бы результатом повторения ведомственных обслуживаний помощниками не по их прямому назначению, и последующим игнорированием директив обкома от

12/III с/г. и распоряжений НКЮ и прокурора области». Ковалёв отмечал, что прокуратурой «ведётся неослабно работа, путём систематических участий в заседаниях комиссии, разбор жалоб, их проверка и принесения протестов, кроме того, принимаются решительные меры к органам и лицам, игнорирующим постановления окрисполкома и не возвращающим имущество восстановленным». Предупредив, что об этих необоснованных требованиях окрисполкома через прокурора области сообщит в облисполком, Ковалёв одновременно заверил, что «работа в комиссиях и РИКах будет обеспечена участием со стороны прокуратуры и на все недостатки комиссии и советов будут приноситься протесты в Президиум ОкРИК и ОбЛИК»³²².

Эта переписка прямо указывает на то, что задержка в рассмотрении жалоб была вызвана, прежде всего, недостаточной согласованностью в деятельности окружных органов власти. А расплачиваться за это пришлось крестьянам.

Итак, каковы же были итоги рассмотрения жалоб крестьян местными властями? Начальник информационного отдела полномочного представительства ОГПУ Зедин сообщал, что в Борисоглебском округе с 15 января по 24 апреля 1930 г. из 5 392 раскулаченных хозяйств было восстановлено 1 483 хозяйства³²³. В письме заведующего агитмассовым отделом окружкома ВКП(б) Зоркина указано, что на 1 мая 1930 г. количество раскулаченных и восстановленных хозяйств по районам и в целом по округу было следующим³²⁴:

Район	Раскулачено хозяйств	Восстановлено хозяйств
Алешковский	374	151
Архангельский	521	221
Борисоглебский	445	37
В-Карачанский	523	125
Е-Коленовский	273	64
Жердевский	340	151
Мордовский	387	112
Новохоперский	441	114
Песковский	568	68
Русановский	524	158

Таловский	240	79
Токаревский	428	138
Щученский	439	99
Всего	5 503	1 567

Как видим, по сравнению с информацией Зедина число раскулаченных хозяйств увеличилось на 111, а восстановленных хозяйств – на 84. Всего к началу мая 1930 г. в Борисоглебском округе отменили раскулачивание у 28,4 % хозяйств, при этом в шести районах: Русановском, Токаревском, Таловском, Алешковском, Архангельском и Жердевском – восстановили от 30 до 44,4 % хозяйств (см. приложение 10, 11). После проведенной районной властью проверки раскулаченными остались 3 936 хозяйств, т.е. почти столько, сколько числилось в округе кулацких хозяйств на 1 декабря 1929 г. (3 949), что составляло 2,4 % ко всему количеству крестьянских хозяйств. Для сравнительного анализа таких показателей по районам используем диаграмму (см. приложение 12). Как видим, в ряде районов: Песковском, Русановском, Верхне-Карачанском, Алешковском – власть сочла правильно раскулаченными значительно большее число хозяйств, чем было учтено кулацких хозяйств на 1 декабря 1929 г., а в некоторых районах: Токаревском, Таловском, Жердевском, Елань-Коленовском – напротив, раскулачивание утвердили гораздо меньшему числу хозяйств. В целом по Борисоглебскому округу превышения установленного центральной властью максимального количества раскулаченных хозяйств в 3-5 % от численности всех крестьянских хозяйств допущено не было.

По данным на 30 мая 1930 г., в Борисоглебском округе было раскулачено 5 517 хозяйств, постановлениями РИКов возвращено имущество 1 567 хозяйствам, выселено из пределов ЦЧО 609 хозяйств с 3 129 едоками, подлежало расселению внутри округа 4 908 хозяйств, отчуждено имущества на 3 163 145 руб., возвращено имущества неправильно раскулаченным на 793 186 руб. В среднем по округу было восстановлено 28,4 % хозяйств, подвергавшихся раскулачиванию, а по отдельным районам от 12 до 44 %³²⁵. Такая информация содержится в

письме председателя окрисполкома Ключева, адресованном 1 июня 1930 г. президиуму облисполкома. Этот документ, выявленный нами в фонде Государственного архива Воронежской области, позволяет уточнить сведения о раскулачивании и в целом по Центрально-Чернозёмной области.

В исторической литературе приводятся разные сведения о количестве раскулаченных и восстановленных хозяйств в ЦЧО. Так, П.В. Загоровский пишет, что в январе–апреле 1930 г. в области ликвидировали 76 222 кулацких хозяйства. По его подсчёту, было разорено не менее 419 тысяч сельских жителей (3,6 % всего населения области), восстановлено около 40 % пострадавших как «незаконно раскулаченные» (28 724 хозяйств)³²⁶. Согласно справке ИНФО ОГПУ от 17 мая 1930 г., в ЦЧО было раскулачено 77 243 хозяйств, восстановлено 31 605 хозяйств³²⁷. Этими цифрами оперируют ныне и современные историки³²⁸.

П.Н. Шарова в своё время отмечала, что по неполным данным, в 11 округах ЦЧО на 25 мая 1930 г. было восстановлено 32 583 неправильно раскулаченных середняцких хозяйств³²⁹. Действительно, в сводке сведений о раскулачивании по округам ЦЧО на 1 июня 1930 г., представленной облисполкомом областному прокурору 1 февраля 1931 г., на которую ссылается исследователь, отсутствуют данные по Борисоглебском округу, так как они не были получены областным руководством³³⁰. С учётом выявленных нами данных по Борисоглебскому округу, изменяются и сведения о раскулачивании в целом по области. На 1 июня 1930 г. в ЦЧО было раскулачено 72 664 хозяйства, выслано из ЦЧО 7 674 хозяйства, подлежало расселению 35 625 хозяйств, восстановлено 34 150 хозяйств, изъято средств производства на сумму 14 388 106 рублей. В сравнении с другими округами ЦЧО Борисоглебский округ по количеству раскулаченных хозяйств находился на 7-м месте, при этом по стоимости изъятого у кулаков имущества он лидировал (см. приложение 13).

Всего в Борисоглебском округе из 5 517 раскулаченных хозяйств, по нашим подсчётам, райисполкомами и окрисполкомом было восстановлено около 1 800 хозяйств (т.е. треть – 33 %). Это ли не наглядное свидетельство огромного масштаба народной трагедии.

Власть отменила раскулачивание части крестьянских хозяйств, опасаясь роста недовольства сельского населения, а также срыва плана весеннего сева и сплошной коллективизации. Однако эти меры были приняты с большим запозданием и уже не могли возродить былую экономическую мощь единоличных хозяйств. Кроме того, власть весной 1930 г. лишь временно приостановила раскулачивание, отказа же от политики ликвидации кулачества как класса не последовало. В связи с упразднением, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г., округов, в том числе и Борисоглебского, кампания по раскулачиванию продолжилась в рамках нового административного деления Центрально-Чернозёмной области.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. М., 2000. С. 229.

² Калинин М.И. На путях сплошной коллективизации. Воронеж, 1930. С. 16, 18.

³ Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963. С. 140.

⁴ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 220.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 149.

⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 26.

⁸ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 365. Л. 143.

⁹ Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929–1932 годы): монография. Рязань, 2006. С. 167.

¹⁰ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 124–125.

¹¹ Ивницкий Н.А. «Даёшь коллективизацию» // Молодой коммунист. 1988. № 4. С. 83; он же Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 130.

¹² Там же, с. 149; Кирьянова Е.А. Указ. соч. С. 168.

¹³ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 342. Л. 26.

¹⁴ Там же, с. 96.

¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 32.

¹⁶ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 342. Л. 26.

¹⁷ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 17 об.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 79.

²⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 95.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 94.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 304. Л. 42.

²⁵ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 84–84 об.

²⁶ Там же. Л. 84 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 296–296 об.

-
- ²⁹ Там же. Л. 300–300 об.
- ³⁰ Там же. Л. 300 об.
- ³¹ Там же. Л. 301.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Л. 661.
- ³⁴ Там же. Л. 388.
- ³⁵ Там же. Л. 296 об.–297.
- ³⁶ Там же. Л. 504 об.
- ³⁷ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 79.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 99, 100.
- ³⁹ Там же. Л. 150 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 84.
- ⁴¹ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 28.
- ⁴² ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 64–64 об.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 86.
- ⁴⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 133 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 67–67 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 659.
- ⁴⁷ Там же. Л. 67 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 659.
- ⁴⁹ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 57.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 150.
- ⁵¹ Там же. Л. 150 об.
- ⁵² Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 276.
- ⁵³ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 41.
- ⁵⁴ Там же. Л. 48–49.
- ⁵⁵ Там же. Л. 26.
- ⁵⁶ Там же. Л. 49.
- ⁵⁷ Там же. Л. 41.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 86 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 87.
- ⁶⁰ Там же. Д. 970. Л. 57.
- ⁶¹ Там же. Л. 57–57 об.
- ⁶² «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8, ч. 2 : 1930 г. М., 2008. С. 853.
- ⁶³ Трагедия советской деревни ... Т. 2. С. 320.
- ⁶⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. : В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 228.
- ⁶⁵ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления [пер. с англ. А.В. Бардина]. М., 2010. С. 209.
- ⁶⁶ Трагедия советской деревни ... Т. 2. С. 320.
- ⁶⁷ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области : 1928–1934. Воронеж, 1995, С. 76; Плаксин В.Н. Сталинизм и агрономическая интеллигенция : как делались дела. Ч. 1. Воронеж, 2003.
- ⁶⁸ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 18 об.–19.
- ⁶⁹ Там же. Д. 109. Л. 15.
- ⁷⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18204. Л. 3 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 8 об.
- ⁷² Там же. Л. 3 об.
- ⁷³ Там же.

-
- ⁷⁴ Там же. Л. 12 об.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 15 об.
⁷⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18204. Л. 8 об.
⁷⁸ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 19 об.
⁷⁹ Там же.
⁸⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18204. Л. 20.
⁸¹ Там же. Л. 8 об.
⁸² ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 15 об.
⁸³ Там же. Д. 136. Л. 19 об.
⁸⁴ Там же. Д. 109. Л. 15 об.
⁸⁵ Там же.
⁸⁶ Там же. Д. 136. Л. 19 об.
⁸⁷ Там же. Д. 109. Л. 16.
⁸⁸ Там же. Д. 136. Л. 21.
⁸⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 503.
⁹⁰ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 21 об.
⁹¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 503 об.
⁹² ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 21 об.
⁹³ Там же. Л. 22.
⁹⁴ Там же. Л. 23.
⁹⁵ Там же.
⁹⁶ Там же.
⁹⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 196.
⁹⁸ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 67.
⁹⁹ Там же. Л. 67 об., 68.
¹⁰⁰ Там же. Л. 84.
¹⁰¹ Там же.
¹⁰² Там же. Л. 84–85.
¹⁰³ Там же. Л. 82.
¹⁰⁴ Там же. Л. 82–82 об.
¹⁰⁵ Там же. Д. 391. Л. 74.
¹⁰⁶ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 46.
¹⁰⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 59 об.
¹⁰⁸ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 811.
¹⁰⁹ Там же, с. 209–210.
¹¹⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 178.
¹¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 12 об.
¹¹² Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 168.
¹¹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 12 об.
¹¹⁴ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 171, 214, 246, 246 об.
¹¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 12 об.
¹¹⁶ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 168 об.
¹¹⁷ Там же. Л. 260 об.
¹¹⁸ Там же. Л. 270 об.
¹¹⁹ Там же. Л. 168 об.
¹²⁰ Там же. Л. 168 об.–169.
¹²¹ Там же. Л. 244.
¹²² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 59 об.
¹²³ Там же. Л. 13.
¹²⁴ Там же. Л. 59 об.

- ¹²⁵ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 91.
- ¹²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43 а. Д. 1798. Л. 76.
- ¹²⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 505.
- ¹²⁸ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 20.
- ¹²⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 505 об.
- ¹³⁰ Там же. Л. 505 об.–506.
- ¹³¹ Там же. Л. 646.
- ¹³² Там же. Л. 506–506 об.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43 а. Д. 1798. Л. 76 об.
- ¹³⁴ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 20–20 об.
- ¹³⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 91.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 68–68 об.
- ¹³⁷ Там же. Л. 388–388 об.
- ¹³⁸ Там же. Л. 663.
- ¹³⁹ Там же. Л. 353 об.–354.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 85.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же. Л. 657.
- ¹⁴³ Там же. Л. 85.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 102.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 85 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 87.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 85 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 659.
- ¹⁴⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 211.
- ¹⁵⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18128. Л. 85 об.
- ¹⁵¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 970. Л. 28–29.
- ¹⁵² Там же. Л. 29–30.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-18204. Л. 233–238.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. П-18128. Л. 658.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 661–667, 670.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 647–657.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 102.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 58.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 45.
- ¹⁶² Там же. Л. 49.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 970. Л. 57 об.
- ¹⁶⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 10083. Т. 9. Л. 220–221.
- ¹⁶⁶ Зеленин И.Е. Осуществление политики «Ликвидация кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 35.
- ¹⁶⁷ Трагедия советской деревни ... Т. 2. С. 127.
- ¹⁶⁸ Там же, с. 231.
- ¹⁶⁹ Там же, с. 276.
- ¹⁷⁰ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 327.
- ¹⁷¹ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 131.
- ¹⁷² ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 229 об.
- ¹⁷³ Там же.

-
- 174 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 10.
175 Там же.
176 Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.
177 Там же.
178 Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.
179 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 340. Л. 7.
180 Там же. Д. 304. Л. 79 об.
181 Там же. Д. 349. Л. 54.
182 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 11 об.
183 ГАОПИ ВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
184 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 80.
185 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 109. Л. 18.
186 Колхозная правда. 1930. 5 март.
187 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 79–79 об.
188 Колхозная правда. 1930. 5 апр.
189 Колхозная правда. 1930. 12 февр.
190 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 347. Л. 10.
191 Колхозная правда. 1930. 12 апр.
192 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 342. Л. 94.
193 Там же. Д. 391. Л. 50.
194 Колхозная правда. 1930. 19 март.
195 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 80.
196 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 92.
197 Колхозная правда. 1930. 5 март.
198 Колхозная правда. 1930. 26 март.
199 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 79.
200 Коммуна. 1930. 11 март.
201 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 48.
202 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 351. Л. 94–95.
203 Там же. Л. 95.
204 Колхозная правда, 1930. 12 март.
205 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 340. Л. 7.
206 Там же.
207 Там же. Д. 337. Л. 21.
208 Там же.
209 Там же. Л. 35.
210 ГАВО. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 136. Л. 15.
211 Колхозная правда. 1930. 21 февр.
212 ГАОПИ ВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 21. Л. 31–31 об.
213 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 40.
214 Там же. Ф. Р-1988. Оп. 1. Д. 135. Л. 20.
215 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 341. Л. 23.
216 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 603. Л. 25.
217 Там же. Л. 50.
218 Колхозная правда. 1930. 9 март.
219 Там же.
220 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 344. Л. 58.
221 Там же. Д. 349. Л. 56.
222 Там же.
223 Там же. Л. 55.
224 Там же. Л. 61.

-
- 225 Там же.
- 226 Там же. Д. 337. Л. 43.
- 227 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 46.
- 228 Там же. Л. 49.
- 229 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 391. Л. 32.
- 230 Там же. Л. 33; Известия обкома ВКП(б). 1930. № 5. С. 20.
- 231 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 876. Л. 59.
- 232 Там же. Д. 974. Л. 94.
- 233 Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 226.
- 234 Трагедия советской деревни ... Т. 2. С. 293.
- 235 Там же, с. 295–296.
- 236 Там же, с. 296.
- 237 Там же, с. 303, 304.
- 238 Правда. 1930. 15 март.
- 239 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 47.
- 240 Там же. Л. 48.
- 241 Там же. Д. 342. Л. 106.
- 242 Там же. Д. 344. Л. 116–117.
- 243 Там же. Л. 119.
- 244 Там же. Д. 350. Л. 40.
- 245 ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 95.
- 246 Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 27.
- 247 Там же.
- 248 Там же. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 499. Л. 223 об.. Л. 224.
- 249 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 86.
- 250 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 93.
- 251 Там же.
- 252 Там же. Л. 94.
- 253 Там же. Л. 93, 94.
- 254 Там же. Л. 96.
- 255 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 304. Л. 132–132 об.
- 256 Там же. Л. 133 об.
- 257 Там же. Л. 13–13 об.
- 258 Там же. Д. 347. Л. 19–19 об.
- 259 Там же. Д. 341. Л. 33.
- 260 Там же. Д. 342. Л. 114.
- 261 Там же. Л. 57.
- 262 Там же. Д. 304. Л. 79 об.
- 263 Там же. Л. 79.
- 264 Там же.
- 265 Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. С. 138.
- 266 ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 337. Л. 74.
- 267 Там же. Д. 344. Л. 110.
- 268 Там же. Д. 337. Л. 82.
- 269 Новые документы о коллективизации // Агитатор. 1989. № 13. С. 40.
- 270 ГАВО. Ф. Р-2016. Оп. 1. Д. 283. Л. 86.
- 271 Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963. С. 162.

-
- ²⁷² Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 12.
- ²⁷³ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 80.
- ²⁷⁴ Там же. Оп. 1. Д. 483. Л. 46.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 6–6 об.
- ²⁷⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 341. Л. 40.
- ²⁷⁷ Там же. Д. 340. Л. 39.
- ²⁷⁸ Там же. Д. 349. Л. 88.
- ²⁷⁹ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 105. Л. 13.
- ²⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 572. Л. 540.
- ²⁸¹ Колхозная правда. 1930. 16 апреля.
- ²⁸² ГАВО. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 499. Л. 238 об.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 240.
- ²⁸⁵ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 483. Л. 48.
- ²⁸⁶ Там же. Л. 47.
- ²⁸⁷ Там же.
- ²⁸⁸ Там же.
- ²⁸⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 126.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 143.
- ²⁹¹ Там же. Л. 147.
- ²⁹² Там же. Л. 147 об.
- ²⁹³ Там же. Д. 355. Л. 179–184.
- ²⁹⁴ Там же. Д. 337. Л. 139.
- ²⁹⁵ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 603. Л. 55.
- ²⁹⁶ Там же. Л. 54.
- ²⁹⁷ Там же. Л. 46.
- ²⁹⁸ Там же. Л. 47.
- ²⁹⁹ Там же. Д. 572. Л. 84–85.
- ³⁰⁰ Там же. Л. 91 об.
- ³⁰¹ Там же. Л. 145.
- ³⁰² Там же. Л. 150.
- ³⁰³ Там же. Оп. 3. Д. 87. Л. 17–17 об.
- ³⁰⁴ Там же. Л. 32 об.
- ³⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 483. Л. 86.
- ³⁰⁶ Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 97 а.
- ³⁰⁷ Там же.
- ³⁰⁸ Там же. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 98.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ Там же. Д. 105. Л. 14.
- ³¹¹ Там же. Л. 14–15.
- ³¹² Там же. Л. 15.
- ³¹³ Там же. Л. 55.
- ³¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 572. Л. 304.
- ³¹⁵ Там же. Д. 603. Л. 56.
- ³¹⁶ Там же. Л. 57.
- ³¹⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 355. Л. 184.
- ³¹⁸ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 603. Л. 63.
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 107.
- ³²¹ Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 65.

³²² Там же.

³²³ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области : 1928–1934. Воронеж, 1995. С. 72.

³²⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24. Л. 249.

³²⁵ ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 98.

³²⁶ Загоровский П.В. Указ. соч. С. 72.

³²⁷ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 347.

³²⁸ Есиков С.А., Олиферовская И.В. Начальный этап сплошной коллективизации и раскулачивания в Центральном Черноземье (конец 1929–1930 гг.) // Гуманитарные науки : проблемы и решения. Выпуск II. Межвузовский сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2004. С. 169.

³²⁹ Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области (1928–1932 гг.). М., 1963. С. 165.

³³⁰ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 3. Д. 40. Л. 64–66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале 1930 г. в СССР развернулась крупномасштабная государственная кампания по ликвидации кулачества как класса, трагические последствия которой и ныне нельзя воспринимать равнодушно. Взяв курс на модернизацию страны и, учитывая её аграрное перенаселение, партийно-государственное руководство решает для обеспечения рабочей силой растущей индустрии отстранить от труда на земле наиболее экономически крепких крестьян – кулаков. По мнению власти, они являлись главной помехой для социалистических преобразований в деревне, поэтому их следовало подвергнуть экономическому разорению и даже физическому уничтожению. Экономическая целесообразность приносилась в жертву идеологии.

К массовому раскулачиванию в Борисоглебском округе приступили одними из первых в Центральном Черноземье, в начале третьей декады января 1930 г., т.е. ещё до принятия соответствующих директив центральной и областной властью. Организацией раскулачивания занимались различные структуры и органы местной власти: окружком ВКП(б), окрисполком, райкомы партии, райисполкомы, партийные ячейки, сельсоветы. На местах были созданы комиссии, «тройки», штабы, которые наметили и провели ряд конкретных мероприятий. Руководство раскулачиванием осуществляли посланные в районы и сельсоветы уполномоченные окружкома ВКП(б), окрисполкома, райкомов ВКП(б), райисполкомов, ОГПУ. Результативность кампании и быстроту её проведения обеспечивали органы ОГПУ, милиция, прокуратура и суды.

Для ликвидации кулацких хозяйств в Борисоглебском округе, как и в других регионах страны, применялись установленные центральными директивами репрессивные меры: конфискация имущества, аресты, выселение в отдалённые края страны, расселение в специальные посёлки, организованные на участках земли плохого качества. Конфискацию имущества проводили специальные бригады, созданные из бедноты, батраков, партийцев, комсомольцев, членов сельсовета и членов колхоза. Они составляли описи изымаемого имущества, отбирали вещи, уводили скот, выгоняли раскулаченных из домов.

Раскулачивание в Борисоглебском округе было проведено за короткий срок. К 20 февраля 1930 г. раскулачили 4 649 хозяйств (4,6 % от всего количества крестьянских хозяйств в округе). По данным на конец апреля 1930 г. было раскулачено 5 498 хозяйств, конфисковано имущества на сумму более чем в 2 916 890 руб. К 30 мая 1930 г. раскулаченными считались 5 517 хозяйств. У них было изъято имущества стоимостью в 3 163 145 рублей.

Проведённое исследование позволило установить численность раскулаченных, выселенных из Борисоглебского округа в Северный край (в настоящее время это территория Архангельской, Вологодской областей и Коми-Пермятского автономного округа Российской Федерации), и сроки осуществления этой операции. Подробно показана деятельность местной власти по организации и проведению выселения кулаков. Руководили операцией работники ОГПУ, повсеместную помощь им оказывала милиция. Для принудительного вывоза раскулаченных было мобилизовано необходимое количество людей, выделены подводы, установлены маршруты следования, оборудованы четыре сборных пункта: Борисоглебский, Новохопёрский, Жердевский, Мордовский. Подлежащих выселению кулаков доставляли в эти пункты с 21 по 26 марта 1930 г., а 1 и 3 апреля 1930 г. их двумя эшелонами вывезли в Архангельск. Всего было выселено более трёх тысяч крестьян Борисоглебского округа, т.е. более 7 % всех выселенных кулаков в 1930 г. из ЦЧО. Из них мужчины старше 18 лет составляли менее трети, большинство же – это женщины, дети, старики. Местной власти удалось осуществить вывоз большого количества крестьян в намеченные центральным руководством сроки. Это было достигнуто в результате особого положения органов ОГПУ в системе государственного управления и пресечения всех попыток крестьянского населения оказать сопротивление выселению односельчан.

Расселению в пределах округа подлежало 4 140 раскулаченных хозяйств. Были определены земельные участки, которые местное руководство намечало использовать для этой цели. Однако создания посёлков не произошло. Опасаясь срыва весеннего сева, местная власть вынуждена была отказаться от заплани-

рованного переселения раскулаченных. Они остались жить в родных краях, получая необходимую помощь и поддержку от своих родственников и односельчан.

Анализ форм и методов раскулачивания подтверждает бесчеловечную сущность всей кампании. Издевательства, насилие, жестокость, произвол представителей власти были массовыми явлениями при проведении раскулачивания в Борисоглебском округе. Отбиралось не только то имущество, которое подрывало экономическую мощь хозяйства, но и вообще всё имущество, не оставлялось необходимого минимума для жизни, при этом дело доходило до абсурда, когда изымались вещи, не имеющие никакой ценности: старые тряпки, грязное бельё, сушёные яблоки и т.д. Раскулаченные, в семьях которых были и малые дети, и немощные старики, выгонялись зимой из своих домов.

Конфискованному у кулаков имуществу не вёлся должный учёт, оно зачастую сваливалось в кучу, портилось и растаскивалось. Особенно в плохих условиях содержался изъятый скот, а отобранные дома долгое время оставались пустыми. Участники раскулачивания использовали конфискацию имущества для личного обогащения. На примере Борисоглебского округа обстоятельно освещено это негативное явление. Показаны проявления бесхозяйственного отношения к имуществу раскулаченных. Бесхозяйственность, на наш взгляд, была неизбежной, поскольку она порождалась как быстрыми темпами раскулачивания, так и большим объёмом «в одночасье» изъятого имущества. В итоге часть средств производства была безвозвратно утрачена, что привело к сокращению объёма сельскохозяйственной продукции.

Распространённые в историографии выводы о значительном вкладе конфискованного имущества в укрепление материальной базы колхозов материалами данной местности на подтверждается. Результатом конфискации было, прежде всего, разорение крепких единоличных крестьянских хозяйств и как следствие – экономический спад. Потери в экономике и расстройство хозяйства вызвали вскоре голод.

Источники опровергают утверждение, преобладавшее в советской историографии, что середняцко-бедняцкие слои крестьянства активно помогали власти проводить раскулачивание, так как были заинтересованы в получении отобранного имущества. На конкретных примерах показано противодействие крестьянского населения конфискации имущества, арестам и выселению раскулаченных. Подробно освещены массовые волнения крестьян, произошедшие в ряде сёл Таловского района в январе-феврале 1930 г. Анализ документов позволил сделать вывод, что столь упорное сопротивление крестьянства было вызвано именно насильственными мерами власти в отношении зажиточных хозяев и являлось выражением крестьянской взаимопомощи. Социально-политическая позиция крестьян объясняется осознанием ими необходимости сплочения всего сельского населения для сохранения крестьянских хозяйств как основы своего существования. Эти выступления отражают противоположность позиций по отношению к наиболее предприимчивой части крестьянства со стороны государства и со стороны сельского населения. Для власти крепкий хозяин был потенциально опасным «контрреволюционным антисоветским элементом», а для трудового крестьянства – чаще всего уважаемым односельчанином. На отсутствие у власти широкой поддержки среди крестьянства проводимой ею политики ликвидации кулачества как класса указывает и использование вооруженной силы для подавления этих выступлений и жесточайшие репрессии к её участникам, среди которых были и середняки, и бедняки. Установлены имена более двух сотен сельских жителей Борисоглебского округа, приговорённых к лишению свободы на срок от трёх до десяти лет, имена более семидесяти человек, приговорённых к высшей мере наказания – расстрелу. Это были одни из первых невинных жертв политических репрессий 1930-х гг. Спустя шесть десятилетий все они реабилитированы.

Объективный анализ документальных материалов показывает, что для ликвидации кулацких хозяйств местной властью чаще всего использовался «административный метод», без привлечения бедняцко-середняцкой массы крестьянства. Это явилось причиной многочисленных «перегибов». Раскулачиванию

подвергли не только кулаков, а и середняков и даже бедняков. В начале 1930 г. в округе насчитывалось 3 949 кулацких хозяйств (2,4 % всего количества крестьянских хозяйств), раскулачено же было 5 517 хозяйств. «Перегибы» не являлись случайными. Они были обусловлены самой политикой ликвидации кулачества как класса. Широкий перечень признаков кулацких хозяйств позволял местным властям подвести под раскулачивание и середняков, и бедняков. К кулакам могли причислить и по политическим мотивам тех, кто был не согласен с проводимыми в деревне преобразованиями. Именно этим, а не «головотяпством» местных руководителей, можно объяснить массовый характер «перегибов» в Борисоглебском округе. Привлечение к ответственности, партийной, уголовной, отдельных работников за допущенные ими нарушения и произвол не сказалось на улучшении правового положения крестьян, не устранило возможность совершать подобные действия в последующие годы.

Опасаясь роста недовольства крестьян, власть с началом весеннего сева приостановила раскулачивание и приступила к проверке правильности раскулачивания. В Борисоглебском округе пересматривать списки раскулаченных стали ещё в начале февраля 1930 г., т.е. до соответствующей установки центральной власти в марте 1930 г., но работа эта затянулась на несколько месяцев. Жалобы крестьян на неправильное раскулачивание представители районной власти подолгу не рассматривали, большинству хозяйств отказывали в восстановлении. Крестьяне добивались отмены раскулачивания, обращаясь с жалобами в высшие инстанции. Это свидетельствует об их социальной активности и стремлении преодоления конфронтации с властью законными способами. Между тем, для многих сельских тружеников желание восстановить справедливость и вернуть конфискованное имущество оказалось несбыточным.

Анализ документальных материалов позволил установить количество хозяйств, признанных властью неправильно раскулаченными. Из 5 517 хозяйств райисполкомы отменили раскулачивание 1 567 хозяйствам. В среднем по округу было восстановлено 28,4 % хозяйств, подвергшихся раскулачиванию, а по отдельным районам от 12 до 44 %. Окрисполком отменил раскулачивание более

200 хозяйствам. Всего в округе было восстановлено около трети раскулаченных хозяйств. С учётом этого, определяется итоговое число хозяйств, раскулаченных в Борисоглебском округе – около 3 800 хозяйств, т.е. почти столько, сколько по официальным данным было кулаков в округе в конце 1929 г. Это составляет 2,3 % от всего количества крестьянских хозяйств. Таким образом, в Борисоглебском округе не было шокирующего процента раскулачивания, но это несколько не уменьшает масштаба народной трагедии. Следует учесть, что хозяйства, которые власть признала раскулаченными неправильно и восстановила, были уже разорены и навсегда утратили свою былую мощь.

Проведённое исследование позволяет уточнить сведения о раскулачивании и в целом по Центрально-Чернозёмной области. Так, с учётом данных по Борисоглебскому округу, на 1 июня 1930 г. в ЦЧО было раскулачено 72 661 хозяйство, выслано из ЦЧО 9 592 хозяйства, подлежало расселению 35 625 хозяйств, было восстановлено 34 150 хозяйств, изъято средств производства на сумму 14 388 106 рублей.

Проанализированные в диссертации факты свидетельствуют о том, что при осуществлении политики ликвидации кулачества как класса преобладала стихийность. На местах стали раскулачивать, не дожидаясь нормативных документов вышестоящих инстанций. В ходе кампании власть корректировала свою политику. Материалы исследования также доказывают, что раскулачивание не содействовало ускорению коллективизации крестьянских хозяйств, а, напротив, снизило её темп. Среди крестьянского населения повсеместно отмечался рост антиколхозных настроений. Начался массовый выход из колхозов, разбор обобществлённых скота, семян.

На примере Борисоглебского округа Центрально-Чернозёмной области – одного из типичного земледельческого района России, как через увеличительное стекло, виден весь процесс практической реализации политики ликвидации кулачества как класса, начавшийся в январе 1930 г. Процесс этот был сложным и неоднозначным как для самой власти, и центральной, и местной, так и для крестьянства. В ходе раскулачивания власть меняла установки, но неизменным

оставался провозглашённый ею курс на ликвидацию кулацких хозяйств, на уничтожение наиболее трудолюбивой и успешной части крестьянства. Введённые в научный оборот документы со всей убедительностью показывают, что раскулачивание нанесло большой урон экономике Борисоглебского округа и для его населения имело трагические последствия. Это горький урок доктринального экспериментирования во имя социальной утопии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Архивные материалы и документы

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

Фонд Р-1172 Исполнительный комитет Борисоглебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрально-Чернозёмной области. Окрисполком. Оп. 1. Д. 76, 107, 151, 357, 358, 457, 483, 487, 558, 572, 603, 604, 639; Оп. 3. Д. 4, 80, 87, 91, 94, 105, 107.

Фонд Р-819 Финансовый отдел исполнительного комитета Борисоглебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 499, 760.

Фонд Р-2016 Земельный отдел Борисоглебского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.. Оп. 1. Д. 61, 62, 283.

Фонд Р-1992 Отдел народного образования исполнительного комитета Борисоглебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. окрисполкома. Оп. 1. Д. 86.

Фонд Р-2235 Отдел здравоохранения Борисоглебского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 31.

Фонд Р-938 Борисоглебский окружной колхозный полеводческий союз сельхоз. кооперации «Окрколхозполеводсоюз»). Оп. 1. Д. 3.

Фонд Р-1988 Административный отдел исполнительного комитета Борисоглебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 109, 135, 136.

Фонд Р-1439 Исполнительный комитет Центрально-Чернозёмного областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 3. Д. 40.

Фонд Р-1013 Центрально-Чернозёмная областная контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция. Оп. 1. Д. 311; Оп. 3. Д. 7.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО)

Фонд 2 Областной комитет ВКП(б) ЦЧО. Оп. 1. Д. 670, 876, 946, 970, 971, 974, 975, 1036.

Фонд 37 Борисоглебский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 107, 304, 337, 340, 341, 342, 343, 343 том 2, 344, 347, 348, 349, 350, 351, 355, 365, 391, 603.

Фонд 20 Алешковский районный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 21.

Фонд 50 Верхне-Карачанский районный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 17, 18, 19.

Фонд 113 Таловский районный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 24.

Фонд 9353 Архивно-следственные дела. Оп. 2. Д. П-18128, П-18204, П-10083.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 393 Народный комиссариат внутренних дел. Оп. 43 а. Д. 1798.

2. Опубликованные источники

1. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 328 с.

2. Документы свидетельствуют : из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. : сборник / под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – Москва : Политиздат, 1989. – 525 с.

3. Изгнанники в своей стране : письма из советской ссылки 1921–1930-х годов : по документам фонда «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключённым» / сост. О.Л. Милова. – Москва : Наука, 2008. – 552 с.

4. Коллективизация сельского хозяйства : важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935 гг. – Москва : Изд. АН СССР, 1957. – 575 с.

5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5 : 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. – Москва : Политиздат, 1984. – 446 с.

6. Крестьянские истории : российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С. Крюкова. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 232 с.

7. Лубянка : ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960 : справочник / сост. : А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – Москва : МФД, 1997. – 348 с.
8. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина : документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. : В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – Москва : МФД, 2003. – 910 с.
9. Лубянка : органы ВЧК–ОГПУ–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991 : справочник / сост. : А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – Москва : Материк, 2003. – 766 с.
10. Неизвестная Россия. XX век : альманах / сост. : В.А. Козлов, С.М. Завьялов. – Москва : Ист. наследие, 1992. – 351 с.
11. Общество и власть : 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 352 с.
12. Письма во власть. 1928–1939 : заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. : А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 2002. – с. 528.
13. Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение, 1930–1940 : в 2 кн. / отв. ред. Н.Н. Покровский. – Москва : РОССПЭН, 2005. – Кн. 1. – 909 с.
14. Рязанская деревня в 1929–1930 гг. : хроника головокружения : документы и материалы. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 704 с.
15. Советская деревня глазами ВЧК–ОПТУ–НКВД. 1918–1939 : документы и материалы. В 4 томах / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – Москва : РОССПЭН, 2000. – Т. 3, кн. 1 : 1930–31 гг. – 860 с.
16. «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). – Москва : Изд. центр ИРИ РАН, 2008. – Т. 8, ч. 2 : 1930. – с. 864.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. : сб. док. / отв. ред. В.П. Данилов, А. Красильников. – Новосибирск : Наука, 1992. – 285 с.
18. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 927 с.

3. Справочные издания

1. Центрально-Чернозёмная область. Справочная книга / под общ. ред. В. Алексеева, Е. Малаховского, Ал. Швера. – Воронеж : Изд-во Коммуна, 1929. – 532 с.
2. Центрально-Чернозёмная область. – Москва : Моск. рабочий, 1930.–112 с.
3. ЦЧО в диаграммах. – Воронеж : Изд-е обплана ЦЧО, 1929–1930. – 100 с.

4. Материалы периодической печати

1. Правда. Москва. 1930.
2. Красная Звезда. Москва. 1930.
3. Коммуна. Воронеж. 1930.
4. Колхозная правда. Борисоглебск. 1930.
5. Известия обкома ВКП(б) ЦЧО. Воронеж. 1930.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Монографии, сборники статей, статьи

а) на русском языке

1. Абрамов Б.А. Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества класса / Б.А. Абрамов. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 136 с.
2. Абрамов Б.А. Организационная работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана / Б.А. Абрамов. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 164 с.
3. Абрамов Б.А. Коллективизация сельского хозяйства – великая революция в социально-экономических отношениях и во всем укладе жизни крестьянства / Б.А. Абрамов. – Москва : Высшая школа, 1967. – 95 с.
4. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. / отв. ред. : В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2011. – 608 с.
5. Айзенштадт А.Л. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни / А.Л. Айзенштадт // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 206–208.
6. Анисимов Н. Советское крестьянство / Н. Анисимов. – 2-е изд., доп. – Москва : Молодая гвардия, 1947. – 181 с.

7. Ахиезер А.С. Россия : критика исторического опыта : [в 3 т.] / А.С. Ахиезер. – Москва : Философ. о-во СССР, 1991. – Т. 1. – 378 с.
8. Безгин В.Б. История российского крестьянства : учеб. пособие / В.Б. Безгин. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2011. 106 с.
9. Безнин М.А. Аграрный строй России в 1930–1980-х гг. (новый подход) / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 23–44.
10. Безруков Г.Н. Приезд Сталина на Алтай (январь 1928 г.) / Г.Н. Безруков. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1997. – 15 с.
11. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х–1930-е годы) / Л.П. Белковец. – Москва : IVDK, 1995. – 317 с.
12. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России / В.А. Бердинских. – Москва : Аграф, 2001. – 427 с.
13. Богденко М.Л. История коллективизации сельского хозяйства в современной советской историко-экономической литературе / М.Л. Богденко, И.Е. Зеленгин // История СССР. – 1962. – № 4. – С. 133–151.
14. Богденко М.Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации / М.Л. Богденко // Вопросы истории. – 1963. – № 5. – С. 19–35.
15. Бордюгов Г.А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 8. – С. 15–33.
16. Бордюгов Г.А. История и конъюнктура : субъективные заметки об истории советского общества / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – Москва : Политиздат, 1992. – 352 с.
17. Боффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. : [пер. с итал.] / Дж. Боффа. – Москва : Междунар. отношения, 1994. – Т. 1 : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917–1941. – 628 с.
18. Булдаков В.П. Красная смута : Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 373 с.
19. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика после-революционного времени : Россия, 1920–1930 гг. / В.П. Булдаков. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 756 с.

20. Бухарин Н.И. Заметки экономиста (К началу нового хозяйственного года) / Н.И. Бухарин // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – Москва : Экономика, 1990. – С. 460–487.
21. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода / Н.И. Бухарин // Бухарин Н.И. Избранные произведения. – Москва : Экономика, 1990. – С. 81–207.
22. Ваганов Ф.М. КПСС в борьбе за ускорение темпов социалистического строительства (1927–1929 гг.) / Ф.М. Ваганов. – Москва : Просвещение, 1967. – 116 с.
23. Великий незнакомец : крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия : [пер. с англ.] / сост. Т. Шанин. – Москва : Прогресс-Академия, 1992. – 430 с.
24. Вербицкая О.М. Российское крестьянство : от Сталина к Хрущёву / О.М. Вербицкая. – Москва : Наука, 1992. – 224 с.
25. Верт Н. История советского государства / Н. Верт. – Москва : Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
26. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт ; [пер. с фр. А.И. Пигалева]. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 444 с.
27. Виола Л. ОПТУ, раскулачивание и спецпереселенцы / Л. Виола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. – Москва, 1999. – С. 114–162.
28. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола; [пер. с англ. А.В. Бардина]. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 366 с.
29. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ : мир сталинских спецпоселений / Л. Виола; [пер. с англ. Е. Осокиной]. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 333 с.
30. Власов В.А. Коллективизация и раскулачивание в Пензенском крае : [монография] / В.А. Власов, О.В. Степанова, А.В. Тишкина. – Пенза : Пензенский гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2009. – 499 с.
31. Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х – 1930-х гг. : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Д. Надькин. – Саранск : Мордовский гос. пед. ин-т, 2013. – 220 с.

32. Воронович А.А. Ленинская аграрная программа и её осуществление в СССР / А.А. Воронович. – Москва : Соцэкгиз, 1961. – 555 с.
33. Вылцан М.А. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР / М.А. Вылцан, Н.А. Ивницкий, Ю.А. Поляков // Вопросы истории. – 1965. – № 3. – С. 3–25.
34. Гамаюнов М.В. Большие перемены. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР / М.В. Гамаюнов. – Москва : Московский рабочий, 1968. – 360 с.
35. Генкина Э.Б. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, 1930–1934 / Э.Б. Генкина. – Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1952. – 176 с.
36. Герман Е.Н. Советская и российская историография «раскулачивания» : этапы и тенденции, 1930–1990-е годы / Е.Н. Герман // Гуманитарный ежегодник : сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Вып. 1. – Новосибирск, 2002. – С. 60–73.
37. Гинцберг Л.И. Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условия их существования в северных краях (по материалам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) и «комиссии Андреева») / Л.И. Гинцберг // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 190–196.
38. Глезерман Г.Е. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР / Г.Е. Глезерман. – Москва : Госполитиздат, 1949. – 492 с.
39. Гордон Л.А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – Москва : Политиздат, 1989. – 318 с.
40. Государственный террор в Советском Союзе, 1917–1984 : сборник материалов / сост. Е.Л. Магеровский. – Нью-Йорк : Assoc. of Russ.-Amer. scholars in the U.S.A., 2011. – 610 с.
41. Гончаренко Ю.И. Под прессом «великого перелома» / Ю.И. Гончаренко, А.П. Чиченков // Русская провинция. Записки краеведов / сост. : Р.В. Андреева, Р.В. Воротникова. – Воронеж, 1992. – С. 180–207.

42. Горинов М.М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов / М.М. Горинов // Вопросы истории. – 1990. – № 11. – С. 31–47.
43. Горошко С.И. Перелом 1929 года : отступление от Ленина / С.И. Горошко // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 8. – С. 40–44.
44. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР : большевики и крестьяне. 1917–1933 / А. Грациози ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 96 с.
45. Грегори П. Ещё раз о коллективизации / П. Грегори // Экономические науки. – 1990. – № 12. – С. 79–88.
46. Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.) / Н.Я. Гушин. – Новосибирск : НГУ, 1972. – 289 с.
47. Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.) : методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н.Я. Гушин. – Новосибирск : ЭКОР, 1996. – 157 с.
48. Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – Москва : Мол. гвардия, 1991. – 445 с.
49. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня : население, землепользование, хозяйство / В.П. Данилов. – Москва : Наука, 1977. – 318 с.
50. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня : социальная структура, социальные отношения / В.П. Данилов. – Москва : Наука, 1979. – 359 с.
51. Данилов В.П. Коллективизация : как это было / В.П. Данилов // Урок даёт история / сост. А.А. Ильин. – Москва, 1989. – С. 138–182.
52. Данилов В.П. Коллективизация / В.П. Данилов // Переписка на исторические темы : диалог ведёт читатель / сост. В.А. Иванов. – Москва, 1989. – С. 355–400.
53. Данилов В.П. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации / В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий // Документы свидетельствуют : из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. – Москва, 1989. – С. 45–78.

54. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР / В.П. Данилов // История СССР. – 1990. – № 5. – С. 7–30.
55. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. / В.П. Данилов ; сост. : М.А. Вылцан, Л.В. Данилова, Е.В. Данилова. – Москва : РОССПЭН, ч. 1. 2011. – 831 с.
56. Демчик Е.В. «Новые русские», годы 20-е / Е.В. Демчик // Родина. – 2000. – № 5. – С. 146–149.
57. Доброноженко Г.Ф. Коми деревня в 30-е годы XX века : политические репрессии и раскулачивание / Г.Ф. Доброноженко. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2007. – 323 с.
58. Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии / Г.Ф. Доброноженко // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 86–94.
59. Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы / Р.У. Дэвис // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 198–210.
60. Дэвис Р. Вторая пятилетка : механизм смены экономической политики / Р.У. Дэвис, О.В. Хлевнюк // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 92–108.
61. Елизаров Н.В. Ликвидация кулачества как класса / Н.В. Елизаров. – Москва – Ленинград : Госиздат, 1930. – 96 с.
62. Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПа (1921–1928 гг.) / С.А. Есиков. – Тамбов : Изд-во ТТГУ, 2004. – 118 с.
63. Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье : предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.) / С.А. Есиков.–Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2005.– 122 с.
64. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа : к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации : по материалам Центрального Черноземья / С.А. Есиков. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 244 с.
65. Есиков С.А. Начальный этап сплошной коллективизации и раскулачивания в Центральном Черноземье (конец 1929–1930 гг.) / С.А. Есиков, И.В. Олифе-

- ровская // Гуманитарные науки : проблемы и решения. Выпуск II. Межвузовский сб. науч. ст. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 159–173.
66. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 279 с.
67. Журавский Д. Террор / Д. Журавский // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 125–146.
68. Журов Ю.В. Четверть века страны Советов / Ю.В. Журов. – Брянск : Изд-во БГУ, 2004. – 460 с.
69. Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области, 1928–1934 / П.В. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 148 с.
70. Загоровский П.В. История Центрально-Чернозёмной области (1928–1934 гг.) : источники и историография / П.В. Загоровский. – Москва : Изд-во РУДН, 1997. – 112 с.
71. Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов / П.В. Загоровский. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 1998. – 132 с.
72. Загоровский П.В. Коллективизация сельского хозяйства в Центральном Черноземье : документы и материалы / П.В. Загоровский // Воронежский вестник архивиста : научно-информационный бюллетень. – Воронеж : Истоки, 2004. – Вып. 1. – С. 69–103.
73. Зак Л.М. Строительство социализма в СССР : историографический очерк / Л.М. Зак. – Москва : Мысль, 1971. – 318 с.
74. Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства в деревне / М.Я. Залесский. – Москва : Госфиниздат, 1940. – 120 с.
75. Зеленин И.Е. Проблемы коллективизации сельского хозяйства в СССР в новейшей советской историографии / И.Е. Зеленин // История СССР. – 1978. – № 1. – С. 74–91.
76. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа коллективизации / И.Е. Зеленин // История СССР. – 1989. – № 2. – С. 3–19.

77. Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 г.) / И.Е. Зеленин // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31–49.
78. Зеленин И.Е. «Революция сверху» : завершение и трагические последствия / И.Е. Зеленин // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 28–42.
79. Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революция сверху» / И.Е. Зеленин // Вопросы истории. – 1996. – № 7. – С. 14–31.
80. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939 : политика, осуществление, результаты / И.Е. Зеленин. – Москва : Наука, 2006. – 313 с.
81. Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) / В.Н. Земсков // СОЦИС. – 1990. – № 11. – С. 5–19.
82. Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД СССР) / В.Н. Земсков // СОЦИС. – 1991. – № 1. – С. 3–17.
83. Земсков В.Н. Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) / В.Н. Земсков // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165.
84. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» / В.Н. Земсков // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 118–147.
85. Земсков В.Н. Заключённые в 30-е годы (демографический аспект) / В.Н. Земсков // СОЦИС. – 1996. – № 7. – С. 3–14.
86. Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 1930-е годы : численность, расселение, состав / В.Н. Земсков // Население России в XX веке. – Москва, 2000.
87. Зима В. Ф. Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней / В.Ф. Зима // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 177–183.
88. Зырянов П.Н. Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование – Москва : Наука, 1995. – 415 с.
89. Иванова Г.М. ГУЛАГ : его строители, обитатели и герои : (раскулачивание и гонение на Православную Церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Иванова Г.М. [и др.]. – Москва : Междунар. о-во прав человека Франкфурт/Майн, 2001. – 453 с.

90. Ивницкий Н.А. О начальном этапе сплошной коллективизации (осень 1928 – зима 1930) / Н.А. Ивницкий // Вопросы истории КПСС. – 1962. – № 4. – С. 43–71.
91. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) / Н.А. Ивницкий. – Москва : Наука, 1972. – 360 с.
92. Ивницкий Н.А. «Даёшь коллективизацию!» Революционное переустройство векового уклада на селе. Приобретения и потери / Н.А. Ивницкий // Молодой коммунист. – 1988. – № 4. – С. 78 – 86.
93. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н.А. Ивницкий. – Москва : Магистр, 1996. – 285 с.
94. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933) / Н.А. Ивницкий. – Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 350 с.
95. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР / Н.А. Ивницкий. – Москва : Собрание, 2004. – 295 с.
96. Изменение социальной структуры народов СССР : вопросы истории и историографии социалистических преобразований 20–30-х годов : сборник / отв. ред. В.М. Селунская. – Москва : Изд-во МГУ, 1982 – 128 с.
97. Иконникова И.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство / И.П. Иконникова, А.П. Угроватов // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 1. – С. 68–81.
98. Ильиных В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в современный период : к постановке вопроса / В.А. Ильиных // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 42–48.
99. Историография крестьянства Центрального Черноземья 1917–1980 гг. / под ред. А.В. Лосева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 181 с.
100. Историография сталинизма : сборник статей / под ред. Н.А. Симония. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 480 с.
101. Исторические исследования в России : тенденции последних лет / под ред. Г.А. Бордюгова. – Москва : АИРО-XX, 1996. – 464 с.

102. Исторические исследования в России-II : семь лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. – Москва : АИРО-XX, 2003. – 560 с.
103. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : краткий курс. – Москва : Госполитиздат, 1938. – 352 с.
104. История Коммунистической партии Советского Союза / [учебник]. Изд. 2, доп. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 784 с.
105. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. В пяти томах / Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / ответ. ред. И.Е. Зеленин. – Москва : Наука, 1986. – 448 с.
106. История народного хозяйства СССР. (1917–1959 гг.) : [учебное пособие для экономических вузов] / под ред. проф. А.П. Погребинского. – Москва : Высш. школа, 1960. – 260 с.
107. История Отечества : люди, идеи, свершения : очерки истории Советского государства. – Москва : Политиздат, 1991. – 366 с.
108. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии / отв. ред. М.П. Ким. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 448 с.
109. История России с древнейших времен до наших дней. / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков. – Москва : Проспект, 2012. – 768 с.
110. Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке / В.В. Кабанов // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 34–46.
111. Калинин М.И. Статьи и речи. 1919–1935 / М.И. Калинин. – Москва : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 463 с.
112. Каревский Ф.А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье / Ф.А. Каревский // Исторические записки. Т. 80. – Москва, 1967. – С. 82–103.
113. Карлов В. К вопросу о ликвидации кулачества в Хакасии / С.В. Карлов // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2000. – С. 212–216.
114. Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 : [пер. с англ.] / Э.Х. Карр. – Москва : Интер-Версо, 1990. – 206 с.

115. Кирьянова Е.А. Авторитарная политическая система и колхозное крестьянство в 1930-е годы / Е.А. Кирьянова // Российская государственность : этапы становления и развития : тезисы и материалы научной конференции. Ч. III. – Кострома, 1993. – С. 67–72.
116. Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства Центра России в начале 1930-х годов / Е.А. Кирьянова // Вопросы истории. – 2006. – № 5. – С. 146–152.
117. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни центра России (1929–1932 годы) : монография / Е.А. Кирьянова. – Рязань : РИЦ РГУ, 2006. – 264 с.
118. Климин И.И. Российское крестьянство в первый период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1930–1932 гг.) / И.И. Климин. – Санкт-Петербург : ВВМ, 2011. – 545 с.
119. Клямкин И.М. Была ли альтернатива административной системе? / И.М. Клямкин // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2 : сборник. – Москва : Моск. рабочий, 1990. – С. 19–39.
120. Кодин Е.В. Репрессивная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. / Е.В. Кодин. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 269 с.
121. Козлов В.А. Начинается с человека : человеческий фактор в социалистическом строительстве : итоги и уроки 30-х годов / В.А. Козлов, О.В. Хлевнюк. – Москва : Политиздат, 1988. – 251 с.
122. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства / И.Е. Кознова. – Москва : ИФРАН, 2000. – 205 с.
123. Колганов А.И. Путь к социализму : трагедия и подвиг / А.И. Колганов. – Москва : Экономик, 1990. – 171 с.
124. Коллективизация : истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. – 1989. – № 3. – С. 3–62.
125. Коллективизация сельского хозяйства в СССР : пути, формы, достижения : краткий очерк истории / М.А. Вылцан [и др.]. – Москва : Колос, 1982. – 399 с.
126. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов : трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – Москва : Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 518 с.

127. Конквест Р. Большой террор / Р. Конквест ; пер. с англ. Л. Владимирова. – Firenze : Aurora, 1974. – 1064 с.
128. Конквест Р. Жатва скорби / Р. Конквест // Вопросы истории. – 1990. – № 4. – С. 83–100.
129. Косиор В. О массовой коллективизации, ликвидации кулака как класса и очередных задачах партии / С.В. Косиор.– Харьков : Гос. изд-во Украины, 1930.– 40 с.
130. Кошелев Ф.П. Ликвидация кулачества как класса / Ф.П. Кошелев. – Москва–Ленинград : Сельхозгиз, 1930. – 43 с.
131. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР / М.А. Краев. – Москва : Госполитиздат, 1954. – 720 с.
132. Красильников С. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 285 с.
133. Крестьяноведение : Теория. История. Современность : ежегодник / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – Москва : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 1997. – 380 с.
134. Крестьянские дети в детских домах Коми области в 1930-е годы : исследование, документы, воспоминания / авт.-сост. : Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2008. – 763 с.
135. Крестьянская жизнь на страницах местной советской прессы периода коллективизации // Живая старина. – 1997. – № 1. – С. 38–39.
136. Крестьянство в исторической судьбе России / В.П. Агафонов, Е.А. Антонов, Г.И. Баздырев и [др.]. – Москва : Изд-во МСХА, 2001. – 674 с.
137. Крестьянство и индустриальная цивилизация / отв. ред. Ю.Г. Александров. – Москва : Наука, 1993. – 272 с.
138. Кудюкина М. «Мужик вам наплюёт на вашу политику...» : отношение крестьян к власти во второй половине 20-х годов / М. Кудюкина // Россия XXI век. – 1997. – № 3–4. – С. 160–180.

139. Кузин К.И. Липовское восстание 1930 г. : из истории крестьянского движения / К.И. Кузин // Из истории воронежского края : сб. ст. –2004. – Вып. 12. – С. 182–196.
140. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.) / Ю.С. Кукушкин. – Москва : Изд-во МГУ, 1968. – 294 с.
141. Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века / А.А. Куреньшев. – Москва : Гос. ист. музей, 2000. – 222 с.
142. Курицын В. Советская политическая система 30-х годов / В. Курицын // Коммунист. – 1991. – № 2. – С. 115–118.
143. Лаговьер Н. Социалистическое наступление и кулацкий террор / Н. Лаговьер, А. Роднянский. – Москва-Ленинград, 1930. – 167 с.
144. Лаптев И.Д. Советское крестьянство / И.Д. Лаптев. – Москва : Сельхозгиз, 1939. – 176 с.
145. Левин М. О Сталине / М. Левин // Политическая наука современной России : тенденции развития : проблем.-темат. сб. – Москва, 2000. – С. 123–145.
146. Левин М. Советский век / М. Левин ; пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской. – Москва : Европа, 2008. – 675 с.
147. Легошин Л.И. Большевики и крестьянство / Л.И. Легошин // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 7. – С. 34–50.
148. Ленин В.И. О современном положении и ближайших задачах советской власти / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1963. – Т. 39. – С. 30–43.
149. Ленин В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1958. – Т. 3. – 791 с.
150. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание : (очевидцы и документы свидетельствуют) / Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. – Кемерово : Аксиома, 2009. – 445 с.
151. Лурье Д. Политика партии в деревне / Д. Лурье, Я. Никулихин. – Москва-Ленинград : Сельхозгиз, 1934. – 420 с.

152. Малиа М. Советская трагедия : история социализма в России. 1917–1991 / М. Малиа. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 584 с.
153. Милосердов В.В. Крестьянство России в глобальном мире / В.В. Милосердов. – Москва : Росинформагротех, 2009. – 391 с.
154. Максудов С. Некоторые документы Смоленского архива о раскулачивании и высылке кулаков / С. Максудов // Минувшее : исторический альманах. № 4. – Москва, 1991. – 214 с.
155. Малышева М.П. Голод на юге Сибири в 1930 г. / М.П. Малышева // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 1. – С. 84–87.
156. Медведев В.К. Ликвидации кулачества в Нижне-Волжском крае / В.К. Медведев // История СССР. – 1958. – № 6. – С. 9–19.
157. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме / Р.А. Медведев. – Москва : Прогресс, 1990. – 483 с.
158. Мигущенко О.Н. Антисталинские течения в период коллективизации в Центрально-Чернозёмном крае / О.Н. Мигущенко // Воронежское краеведение : опыт и перспективы развития. – Воронеж, 1994. – С. 20–22.
159. Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Чернозёмной области (1928–1934 гг.) : монография / О.Н. Мигущенко. – Москва : Юрист, 2008. – 247 с.
160. Милов Л.В. Исторические судьбы некоторых форм собственности / Л.В. Милов // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 134–145.
161. Миронова Т.П. Тоталитарное государство и крестьянство в 20-х–начале 30-х годов / Т.П. Миронова // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994. – С. 28–30.
162. Михайлов Н. «Черезвычайщина» / Н. Михайлов, Н. Тепцов // Родина. – 1989. – № 8. – С. 28–35.
163. Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х – начале 1930-х годов / В.И. Михеев // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 77–93.

164. Морозов Л.Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития / Л.Ф. Морозов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 6. – С. 101–115.
165. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.) / Ю.А. Мошков. – Москва : Изд-во МГУ, 1966. – 231 с.
166. Мухачев Ю.В. Классы и классовая борьба в СССР, 1920–1930-е гг. / Ю.В. Мухачев. – Москва : Прогресс, 1987. – 149 с.
167. Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в начале 1930-х годов : коллективизация, репрессии, голод / Т.Д. Надькин. – Саранск : Морд. Гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2004. – 77 с.
168. Надькин Т.Д. Сталинская аграрная революция и крестьянство : (на материалах Мордовии) / Т.Д. Надькин. – Саранск : Курьер-С, 2006. – 158 с.
169. Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы) / О.А. Никитина. – Петрозаводск : КНЦ РАН, 1997. – 131 с.
170. Никулихин Я. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке / Я. Никулихин. – Москва : Партиздат, 1934. – 144 с.
171. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года : сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е.А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.
172. Осокина Е.А. СССР в конце 20-х – первой половине 30-х годов (Торговля? – Распределение : экономическое развитие) / Е.А. Осокина // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 42–59.
173. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия» : распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е.А. Осокина. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 271 с.
174. Очерки истории Воронежской области. Т. 2. Эпоха социализма / под ред. Е.Г. Шуляковского. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1967. – 677 с.
175. Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) / И.В. Павлова // Отечественная история. – 1998. – № 5. – С. 107–121.

176. Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы / И.В. Павлова // Вопросы истории. – 1998. – № 11–12. – С. 49–66.
177. Пайпс Р. Россия при большевиках : [пер. с англ.] / Р. Пайпс. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 670 с.
178. Папков А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / А. Папков. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1997. – 272 с.
179. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства. 1917–1977 гг. // науч. ред. А.В. Лосев, В.И. Логунов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 311 с.
180. Песцов С.К. Коллективизация : замыслы и результаты / С.К. Песцов // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 8. – С. 44–48.
181. Погудин В.И. Проблема ликвидации кулачества как класса в советской историографии / В.И. Погудин // Вопросы истории. – 1965. – № 4. – С. 142–149.
182. Политика раскрестьянивания в Сибири : сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. – Новосибирск : Изд-во Ин-та дискретной матем. и информат., 2000. – Вып. 1 : Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства, 1930–1940 гг. – 210 с.
183. Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) / В.П. Попов // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 20–32.
184. Плаксин В.Н. Сталинизм и агрономическая интеллигенция : как делались дела... Ч. 1 / В.Н. Плаксин. – Воронеж : Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 2003. – 312 с.
185. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н.И. Платунов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1976. – С. 66–67.
186. Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале / И.Е. Плотников // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 159–167.

187. Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х – начале 30-х годов / И.Е. Плотников // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 74–92.
188. Разумов В.А. «Раскрестьянивание» – термин и содержание, временные рамки / В.А. Разумов // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 10. – С. 64–71.
189. Раков А.А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала) / А.А. Раков // Российская история. – № 5. – 2009. – С. 94–100.
190. Раков А.А. «Деревню опустошают» : сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-годах / А.А. Раков. – Москва : РОССПЭН, 2013. – 326 с.
191. Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей : исследования, воспоминания, документы / авт.-сост. : Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар : СыктГУ, 2005. – 294 с.
192. Растягаева Д.А. Социальный портрет «лишенца» в новейшей отечественной историографии / Д.А. Растягаева // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2000. – С. 66–71.
193. Реабилитация : политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А.Н. Яковлева. – Москва : Политиздат, 1991. – 461 с.
194. Рефлексивное крестьяноведение : десятилетие исследования сёл России / Д. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 588 с.
195. Рогалина Н.Л. Коллективизация : уроки пройденного пути / Н.Л. Рогалина. – Москва : Изд-во МГУ, 1989. – 222 с.
196. Рогалина Н. В поисках меры (некоторые уроки российских аграрных реформ в XX в.) / Н. Рогалина // Вопросы экономики. – 1996. – № 7. – С. 112–121.
197. Рогалина Н.Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX века / Н.Л. Рогалина // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 3–13.
198. Савельев С.И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае / С.И. Савельев. – Саратов : Саратов. гос. с.-х. акад., 1994. – 149 с.

199. Самосудов В.М. Современная отечественная историография коллективизации : (1980-е – середина 90-х гг.) / В.М. Самодуров. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. – 141 с.
200. Саран А.Ю. Центральное черноземье на рубеже 1920–1930-х годов : оппозиция и повстанчество / А.Ю. Саран // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 29–45.
201. Сахаров А.Н. 1930 : год «коренного перелома» и начало Большого террора / А.Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 40–69.
202. Селунская В.М. Коллективизация в СССР : правда и вымыслы / В.М. Селунская, В. Тетюшев. – Москва : Изд-во АПН, 1982. – 104 с.
203. Селунская В.М. Социальная структура советского общества : история и современность / В.М. Селунская. – Москва : Политиздат, 1987. – 286 с.
204. Семернин П.В. О ликвидации кулачества как класса / П.В. Семернин // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 4. – С. 72–85.
205. Сидоров В.А. «Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков» / В.А. Сидоров // Вопросы истории. – 1964. – № 11. – С. 53–64.
206. Симонов Н.С. В преддверии «великого перелома» (причины «свёртывания» новой экономической политики) / Н.С. Симонов // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 3. – С. 56–72.
207. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале, 1930–1936 / Т.И. Славко. – Москва : Мосгосархив, 1995. – 173 с.
208. Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 20-е годы (К истории предпосылок перегибов в деревне) / А.Н. Солопов // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 10. – С. 59–71.
209. Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917–1967) / отв. ред. А.В. Лосев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. – 343 с.
210. Сталин И.В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса / И.В. Сталин // Сочинения. – Москва : Госполитиздат, 1949. – Т. 12. – С. 178–190.

211. Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчёту ЦК XVI съезду ВКП(б) / И.В. Сталин // Сочинения. – Москва : Госполитиздат, 1951. – Т. 13. – С. 1–16.
212. Сталинизм в российской провинции : смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков : [сборник] / под общ. ред. Е.В. Кодина. – Смоленск : СГПУ, 1999. – 309 с.
213. Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – Москва : РГГУ, 1996. – 595 с.
214. Суни Р.Г. Сталин и сталинизм, власть и авторитет в Советском Союзе, 1930–1953 // Политическая наука современной России : тенденции развития : проблемно-тематический сборник. – Москва, 2000. – С. 32–48.
215. Таранин А.Б. Дума о кулаке : кулачество в общественном сознании и политике 20-х годов / А.Б. Таранин, А.П. Угроватов // ЭКО. – 1997. – № 1. – С. 186–197.
216. Татарчуков А.И. Центрально-Чернозёмная область : экономический очерк / А.И. Татарчуков. 2-е доп. изд-е. – Воронеж : Изд-во Воронеж. Коммуны, 1928. – 107 с.
217. Тепцов Н.В. Аграрная политика на крутых поворотах 20–30-х годов / Н.В. Тепцов. – Москва : Знание, 1990. – 64 с.
218. Тепцов Н. Хлебный кризис. Коллективизация. Колхозы / Н.В. Тепцов // Коммунист. – 1991. – № 2. – С. 113–115.
219. Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании (документальный очерк) / Н.В. Тепцов // Кентавр. – 1992. – № 3/4. – С. 46–62.
220. Тепцов Н.В. В дни великого перелома : история коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям, 1929–1930 годы / Н.В. Тепцов. – Москва : Звонница. 2002.– 413 с.
221. Тимошечкина Е.М. Выселение кулаков в Борисоглебском округе ЦЧО в период проведения сплошной коллективизации / Е.М. Тимошечкина // Из истории Воронежского края : сб. ст. – Воронеж, 2008. – Вып. 15. – С. 85–94.

222. Тимошечкина Е.М. Противодействие крестьянского населения конфискациям имущества в период сплошной коллективизации (на материалах Борисоглебского округа ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Государство и его подданные : века сотрудничества и противостояния : материалы Третьей регион. науч. конф. (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.). – Воронеж, 2009. – С. 128–132.
223. Тимошечкина Е.М. Массовые выступления крестьян в селе Новая Чигла Борисоглебского округа ЦЧО в феврале 1930 г. / Е.М. Тимошечкина // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века : сб. ст. к международной научно-практической конференции. – Коломна, 2009. – С. 257–261.
224. Тимошечкина Е.М. Конфискация имущества у кулацких хозяйств в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Из истории Воронежского края : сб. ст. – Воронеж, 2009. – Вып. 16. – С. 173–191.
225. Тимошечкина Е.М. Присвоение имущества раскулаченных в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1930 гг. / Е.М. Тимошечкина // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 71–77.
226. Тимошечкина Е.М. Неповиновение власти крестьян села Тройня в феврале 1930 г. / Е.М. Тимошечкина // Власть и народ в условиях войн и социальных конфликтов : материалы Четвёртой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 2 февр. 2010 г.). – Воронеж, 2010. – С. 213–217.
227. Тимошечкина Е.М. «У нас нет кулаков!» : крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении / Е.М. Тимошечкина // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 19–25.
228. Тимошечкина Е.М. Восставшая Тишанка / Е.М. Тимошечкина // Родина. – 2010. – № 4. – С. 83–85.
229. Тимошечкина Е.М. Сводки районных административных отделений и окружного административного отдела как источник для исследования противодействия крестьянства проведению политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. : источники и методы исследо-

вания. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тезисы докладов и сообщений. – Рязань, 2010 г. – С. 121–123.

230. Тимошечкина Е.М. Об имуществе раскулаченных в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Из истории Воронежского края : сб. ст. – Воронеж, 2010. – Вып. 17. – С. 193–214.

231. Тимошечкина Е.М. Жалобы крестьян на раскулачивание и реакция власти (на материалах Борисоглебского округа ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Власть и общество : взаимодействия и конфликты : материалы Пятой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 26 марта 2011 г.). – Воронеж, 2011. – С. 149–154.

232. Тимошечкина Е.М. Архивные документы о расселении кулацких хозяйств в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Общество и власть в России : проблемы взаимодействия. XV – начало XX в. : межвуз. сб. науч. работ. – Воронеж, 2011. – С. 194–205.

233. Тимошечкина Е.М. Устранение перегибов, допущенных при раскулачивании (на материалах Борисоглебского округа ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Столица и провинция : история взаимоотношений : материалы Шестой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 3 февраля 2012 г.). – Воронеж, 2012 г. – С. 178–183.

234. Тимошечкина Е.М. Сводки районных административных отделений и окружного административного отдела как источник для исследования противодействия крестьянства проведению политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО / Е.М. Тимошечкина // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. : источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. – Рязань, 2012. – С. 320–326.

235. Тимошечкина Е.М. Противостояние власти и крестьянства в период проведения сплошной коллективизации и раскулачивания (на материалах Таловского района ЦЧО) / Е.М. Тимошечкина // Государство и общество : взаимодействие и противостояние : материалы Седьмой регион. науч. конф. (г. Воронеж, 2 февраля 2013 г.). – Воронеж, 2013. – С. 206–212.

236. Трапезников С.П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки / С.П. Трапезников. – Москва, 1951. – 241 с.
237. Трапезников С.П. Исторический опыт колхозного строительства в СССР и его международное значение / С.П. Трапезников // Коммунист. – 1958. – № 5.
238. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2-х т. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана / С.П. Трапезников. – Москва : Прогресс, – 629 с.
239. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР / И.Я. Трифонов. – Москва : Политиздат, 1975. – 406 с.
240. Уиткрофт Г. Кризис в советском сельском хозяйстве 1931–1933 / Г. Уиткрофт, Р.У. Дэвис // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 95–132.
241. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере : 1919–1953 годы : монография / Н.В. Упадышев. – Архангельск : Помор. ун-т, 2004. – 209 с.
242. Филимонов В.Я. История крестьянства Западного региона России. 1917–1941 / В.Я. Филимонов, Ю.В. Журов. Д.И. Будаев. – Калуга : Изд-во Н. Бочкаревой, 2002. – 335 с.
243. Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и судьбе бывших кулаков в СССР : материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / А.П. Финаров. – Москва : [Б. и.], 1961. – 13 с.
244. Фицпатрик Ш. Классы и проблема классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 16–31.
245. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне : социальная история советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик.–Москва : РОССПЭН. – 2001. – 422 с.
246. Хатаевич М. О ликвидации кулачества как класса / М. Хатаевич. – Самара : Гос. изд-во Средневожское краев. отд-ние, 1930. – 32 с.
247. Центральное Черноземье за годы Советской власти : краткий историко-экономический очерк / под ред. А.А. Глухова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. – 248 с.

248. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации / А.В. Чаянов. – Москва : Кн. Палата, 1989. – 78 с.
249. Чаянов А.В. Экономическое наследие А.В. Чаянова / А.В. Чаянов. – Москва : Издат. Дом ТОНЧУ, 2006. – 662 с.
250. Чвикалов И.М. Советская деревня : партийные организации, Советы, комсомол / И.М. Чвикалов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 173 с.
251. Чемоданов И.В. Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации? / И.В. Чемоданов // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С. 156–162.
252. Чинчиков А.М. Советская историография социалистических преобразований сельского хозяйства СССР. (1917–1969 гг.) / А.М. Чинчиков. – Москва : Мысль, 1971. – 222 с.
253. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. : [пер. с англ.] / Т. Шанин. – Москва : Весь Мир, 1997. – 554 с.
254. Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Чернозёмной области. 1928–1932 гг. / П.Н. Шарова. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 288 с.
255. Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–1933 г. / В.Я. Шашков // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 150–156.
256. Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев, 1930–1954 гг. / В.Я. Шашков. – Мурманск : МГПИ, 1996. – 279 с.
257. Шевцов А.В. Сельские советы России и ЦЧО в преддверии и ходе коллективизации (вторая половина 1920-х – начало 1930-х годов) / А.В. Шевцов // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : межвузовский сборник научных трудов. Вып. VI. – Воронеж, 1996. – С. 44–46.
258. Шекшеев А.П. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918–1932 гг. / А.П. Шекшеев // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С. 103–112.
259. Экономика и политика в уроках «Великого перелома» (круглый стол) // Коммунист. – 1989. – № 5. – С. 96–103.

б) на иностранных языках

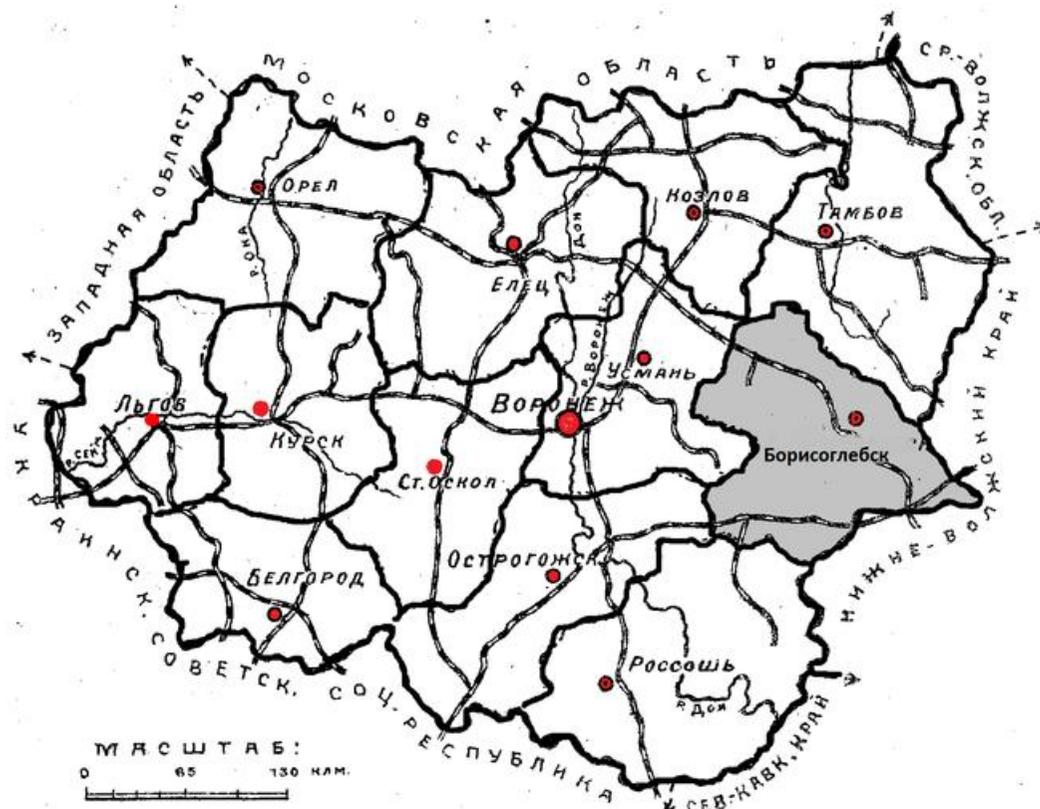
1. Altrichter H. Die Bauern von Tver : vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung / H. Altrichter. – Munchen : Oldenbourg, 1984. – 373 p.
2. Davies R.W. The Soviet collective farm, 1929–1930, / R.W. Davies. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1980. – 216 p.
3. Davies R.W. The Soviet offensive : The collectivization of Soviet agriculture 1929–1930 / R.W. Davies. – Macmillan, 1989. – 491 p.
4. Davies R.W. The Soviet economy in turmoil, 1929–1930 / R.W. Davies. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1989. – 601 p.
5. Farnsworth B. Russian peasant women / B. Farnsworth, L. Viola. – N-Y., 1992. – 304 p.
6. Hindus M. Red bread : collectivization in a Russian village / M. Hindus. – Bloomington and Indianapolis, 1988. – 372 p.
7. Kühnrich H. Stalinismus : Der Aut. im Gespräch mit Jürgen Weidlich / H. Kühnrich. – Berlin : Dietz, Cop. 1990. – 96 p.
8. Lewin M. Russian peasants and Soviet Power a study of Collectivization / Lewin M. – N-Y, 1967. – 541 p.
9. Nove A.A. Soviet Economic System / A.A. Nove. – London, 1977.
10. Nove A. An Economic History of the USSR 1917–1991. Third edition 1992. Penquin books. – 473 p.
11. Scott J.C. Weapons of the Weak. Everyday forms of Peasant Resistance / J.C. Scott. – Publisher Yale University Press, 2008. – 389 p.
12. Stalinismus : neue Forschungen und Konzepte / Stefan Plaggenborg (Hrsg). – Berlin : Berlin Verl. A. Spitz, 1998. – 452 p.
13. Viola L. The best Sons of the Fatherland : workers in the vanguard of Soviet Collectivization. / L. Viola. – N-Y., 1987. – 285 p.
14. Viola L. Peasant Rebels Under Stalin : Collectivization and the Culture of Peasant Resistance / L. Viola. – New York, 1996.

2. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Воронков Б.О. Восприятие крестьянством Центрального Черноземья политики партийно-государственного руководства СССР во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.О. Воронков. – Воронеж, 2003. – 23 с.
2. Кедров Н.Г. Политическое сознание крестьянства русского севера в 1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Г.Кедров. – Санкт-Петербург, 2010. – 23 с.
3. Кротова Т.А. Раскулачивание тамбовского крестьянства (1929–1934 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.А. Кротова. – Тамбов, 2005. – 24 с.
4. Лобченко Л.Н. Вклад спецпереселенцев в развитие экономики и социально-культурной сферы Северного края 1929–1946 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Л.Н. Лобченко. – Москва, 2006. – 245 с.
5. Михеев В.И. Сопrotивление курского крестьянства политике большевиков в 1918–1933 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В.И. Михеев. – Курск, 1998. – 254 с.
6. Никулин Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации, 1929–1930 гг. : на материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО : дис. ... канд. ист. наук / Р.Л. Никулин. – Тамбов, 2003. – 227 с.
7. Олиферовская И.В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации : 1927–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.В. Олиферовская. – Саратов, 2006. – 22 с.
8. Панова Е.А. Политика «ликвидации кулачества как класса» и её проведение в Центрально-Чернозёмной области в 1929–1932 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.А. Панова. – Липецк, 2007. – 21 с.
9. Шашкова О.Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 г.г. и её последствия (на материалах Центрального Черноземья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Л. Шашкова. – Курск, 2000. – 27 с.

Приложение

Центрально-Чернозёмная область на 1 октября 1929 г.
(Административная карта)

(ЦЧО в диаграммах. Воронеж 1929-1830. С. 1.)

Состав округов ЦЧО на 1-е января 1930 г.

№/№ п/п	Округа на 1/1 1930 г. наименов.	Число районов	Число сельсоветов	Число населённых пунктов	Территория (в кв. км.)	Население по пер. 1926 г.
1	Белгородский	13	448	1 475	11 480,9	8 455, 82
2	Борисоглебский	13	281	1 673	16 506,6	815 911
3	Елецкий	20	507	2 947	18 155,0	1 123 626
4	Козловский	16	390	1 862	13 720,0	897 604
5	Курский	9	391	2 333	14 714,2	965 089
6	Льговский	11	389	1 726	11 129,3	729 812
7	Орловский	16	367	5 205	17 777,3	1 073 049
8	Острогожский	14	323	1 387	16 266,2	803 440
9	Россошанский	16	310	1 255	21 024,5	873 402
10	Старо-Оскольский	13	440	1 453	13 018,1	76 400
11	Тамбовский	17	447	2 845	1 084,3	1 293 938
12	Усманский	15	316	1 648	15 355, 9	846 269
	г. Воронеж				13,0	114 831
	По области	173	4 600	25 799	192 050,8	11 138 459

(ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 1–2.)

Борисоглебский округ ЦЧО. Административная карта. 1928 г.

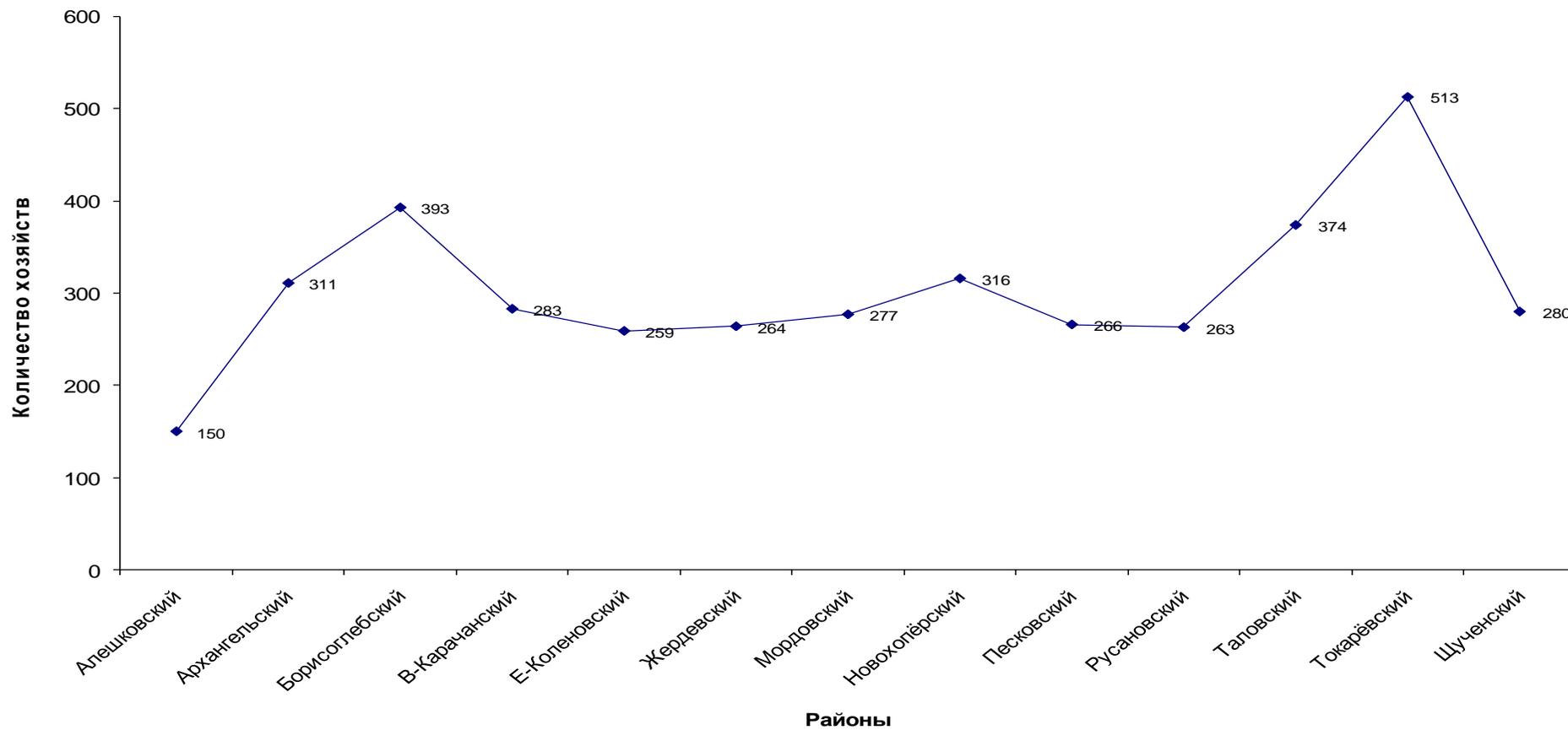
(ГАВО. Ф. Р-2016. Д. 54. Л. 57.)

Состав Борисоглебского округа на 1-е января 1930 г.

№/№ п/п	Округа на 1/1 1930 г. наименов.	Число районов	Число сельсоветов	Число населённых пунктов	Наименование района	Территория (в кв. км.)	Население по пер. 1926 г.
	Борисоглебский	13					
			21	146	Алешковский	1 093,9	46 991
			18	125	Архангельский	1 081,5	58 501
			23	121	Борисоглебский	1 873,8	90 861
			16	98	В-Карачанский	1 011,5	57 805
			18	168	Е-Коленовский	1 670,9	45 052
			20	106	Жердевский	897,3	49 539
			22	121	Мордовский	1 022,0	62 040
			17	92	Новохопёрский	1 134,3	52 508
			18	74	Песковский	1 241,5	60 701
			22	101	Русановский	1 084,3	64 657
			27	235	Таловский	1 590,0	59 808
			30	174	Токарёвский	1 463,0	84 124
			28	111	Щученский	1 342,6	56 157
					г. Борисоглебск		27 167
			281	1 673	Итого	16 586,6	815 911

(ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 1.)

Количество хозяйств, учтённых в Борисоглебском округе на 01.12.1929 г. как кулацкие

Неполные сведения о раскулачивании хозяйств по Борисоглебскому округу по состоянию на 20 февраля 1930 г.

Перечень изъятого имущества

	Число раскулач. хоз.	Домов	Хоз. построек	Предприятий	Лошадей	Круп. рог. скота	Свиней	Молодняк и мелкий скот	Сложный с.х. инвентарь	Плугов	Телег и саней	Всего на сумму
Алешковский	287	122	289	5	150	145	20	729	98	77	163	127 230
Архангельский	555	133	324	6	125	117	20	384	32	46	74	83 547
Борисоглебский	379	126	100	10	105	89	12	414	30	120	110	120 000
В-Карачанский	531	347	200	25	327	362	-	917	35	80	250	155 000
Е-Коленовский	273	220	301	5	152	197	78	617	152	131	193	164 764
Жердевский	366	262	532	4	194	207	47	908	15	132	255	169 060
Мордовский	343	123	198	32	232	202	25	805	22	110	230	172 535
Новохопёрский	208	202	500	15	151	145	-	344	28	120	130	92 000
Песковский	568	229	693	15	480	576	70	1611	116	273	736	235 024
Русановский	485	450	540	41	362	375	-	621	280	150	380	190 658
Таловский	135	127	95	8	100	150	-	165	20	56	120	75 000
Токарёвский	328	240	639	32	340	247	35	794	213	136	306	150 107
Щученский	191	140	115	7	140	170	5	250	19	140	110	95 000
Итого	4 649	2 721	4 526	205	2 868	2 982	344	8 559	1 060	1 571	2 975	1 829 915

(ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 1. Д. 603. Л. 2.)

Сведения о раскулачивании в округах ЦЧО по состоянию на апрель 1930 г.

№/№ п/п	Наименование округа	Колич. кулац. хоз. у котор. произв. конф. им.	В % к общему числ. хоз.	Общая стоим. конф. имущ	Общая стоим. конф. имущ. передан в колхозы	Конфиск. ценности на сумму			
						Облигаций	Денег	Проч. ценн.	Итого
1	Белгородский								
2	Борисоглебский	3 878	2,36	2 083 369	943 541	12 701,25	26 609	1 698	41 008
3	Елецкий	4 465	1,96	1 972 196	782 500	6 331	2 106		8 437
4	Козловский	2 474	1,39	581 202	212 421	1 622	1 438	5 247	8 307
5	Курский	4 102	2,45	1 291 608	722 957	6 189	2 357	307	8 853
6	Львовский	2 625	1,90	1 356 516	1 355 616	590	6 344	1 635	8 569
7	Орловский	6 003	3,15	1 466 140	1 172 912	1 425	48		1 473
8	Острогожский								
9	Россошанский	2 120	1,25	918 318	751 845	2 120	19 145		21 265
10	Старо-Оскольский	7 198	4,98	1 959 250	157 575		8 494		8 404
11	Тамбовский	3 769	1,53	1 081 461	589 462		6 416		6 416
12	Усманский	3 707	2,12	1 454 559	1 173 073	405			405
	Итого	40 341	2,24	14 164 619	7 861 902	31 383	36 796	8 887	113 137

(ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 3. Д. 40. Л. 11.)

Сводная ведомость

к плану РИКа по проводимой работе по выселению кулацких хозяйств с семьями из Песковского района

№/№ п/п	Наименование сельсоветов	Всего кулацких хоз.-в прив. к облож. в 29/30 г. по 28 ст.	Подлежит к выселению		Резерв		Состав ударных групп	Подвод	Вещевое довольствие				Продовольствие в пудах		
			Хоз.	Едок.	Хоз.	Едок.			тулуп	шубы	валенки	Белье	муки	пшено	карт.
1.	1-й Песковский	64	12	55	4	22	15	50	3	3	1	3 п	24	13	96
2.	2-й Песковский	32	7	32	2	18	10	28	3	1	3	3 п	14	7	66
3.	Танцыреевский	17	11	46	-	-	15	40	3	1	3	2 п	22	11	80
4.	Третьяковский	32	8	33	-	-	10	30	2	2	2	4	16	8	64
5.	Тюковский	23	10	26	-	-	15	30	3	2	3	4	20	10	80
6.	Губарёвский	37	11	35	3	27	15	35	2	2	3	4	22	11	88
7.	Воскресеновский	1	1	5	-	-	3	4	-	-	-	-	2	1	8
8.	Горельский	14	6	25	-	-	10	22	3	2	3	3	12	6	48
9.	Макашевский	30	6	30	-	-	10	25	5	2	5	15	12	6	48
10.	Мазурский	12	4	16	1	2	5	14	2	1	2	-	8	4	32
	Итого	262	76	303	10	69	108	278	26	14	27	38	152	76	608

(ГАВО. Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 107. Л. 286.)

**Выписка из протокола заседания Президиума Токарёвского РИК
от 15/III–30 г.**

Слушали:

Дополнительное распоряжение ОкрИКа об образовании посёлков для кулацких хозяйств размером по 15–20 дворов вместо 50–100 дворов, а также о месте образования этих посёлков.

Постановили:

Во изменение постановления Президиума РИК от 10/III – с. г. применительно к дополнительному распоряжению ОкрИК об образовании посёлков для кулацких хоз-в размером 15–20 дворов, райисполком, ознакомившись с картой района, находит наиболее целесообразным произвести выдел земли для кулацких посёлков в нижеследующих двадцати четырёх пунктах:

1. В районе дер. Сергиевки на 20 дворов, 101 едок, куда имеют быть выселены из Сергиевского об-ва 15 дворов, 90 едоков, из с. Карловки 5 дворов, 11 едоков. Выделяемая земля плохого качества, от ж/д около 30 километров.

2. В районе дер. Кулешовки поселок на 23 двора, 72 едока. Имеют быть выселены на данный участок из с. Кулешовки 11 дворов, 31 едок, д. Калиновки 12 дворов, 41 едок. Выделяется земля плохого качества и вдали от жел. дороги.

3. В районе дер. Девятки на 20 дворов, 90 едоков, куда предполагено выселить из дер. Девятки 11 дворов, 32 едока, д. Кулешовки 1 двор, 3 едока, Ново-Никольского 3 двора, 21 едок и с. Токарёвки 5 дворов, 34 едока. Выделяемая земля плохого качества. от железной дороги около 20 километров.

4. В районе с. Полетаево 1 колония на 20 дворов, 77 едоков. Предположено выселить из с. Полетаево 13 дворов, 43 едока, из с. Токарёвки – 7 дворов, 34 едока. Выделяемая земля плохого качества, расстояние от ж. д. 12–15 километров.

5. В районе Полетаево 2-я колония на 21 двор, 101 едок. Предполагается выселить в данную колонию из: с. Тр.-Росляй 21 двор, 101 едок. Отводимая земля плохого качества на границе полеводческих участков, расстояние от железной дороги 8–10 километров.

6. В районе дер. Харевки на 20 дворов, 103 едока. Предполагается выселить из д. Росляй 20 дворов, 103 едока. Земля плохого качества. Расстояние от железной дороги 7–8 километров.

7. В районе дер. Николаевки и Княже-Верятино на 22 двора, 128 едоков. Предполагается выселить на данный участок из дер. Б.-Добринского сельсовета. Земля на границе полеводческих участков плохого качества, от железной дороги на расстоянии около 10 километров, от сахзавода 10 клм.

8. При Павловском полеводческом участке отводится посёлок на 22 двора при 109 едоках, куда имеют быть выселены кулацкие хозяйства из Павловского полеводческого участка. Земля эта плохого качества, в 12 километрах от железной дороги и сахарного завода.

9. В М. Даниловском полеводческом участке отводится колония на 20 дворов при 138 едоках, куда имеют быть выселены кулацкие хозяйства из Малого-Даниловского сельсовета – 13 дворов, 89 едоков, с. Токарёвки – 7 дворов, 49 едоков. Земля эта плохого качества, от железной дороги 10 километров.

10-11. В Остроуховском полеводческом участке отводятся два посёлка: первый на 22 двора при 127 едоках, куда имеют быть выселены кулацкие хоз. из села Остроухова и второй на 20 дворов при 87 едоках, куда имеют быть выселены кулацкие дворы из с. Токарёвки. Земля эта плохого качества, расположена от железной дороги в 8-10 километрах.

12. В Больше-Лазовском полеводческом участке имеют быть выделен 1 посёлок на 19 дворов при 85 едоках, куда предполагается выселить кулацкие дворы из Лазовского участка 13 дворов при 44 едоках и из Гр. Двориковского 6 дворов при 41 едоке. Земля плохого качества, от ж. д. удалено в 18–20 километров.

13. В Мамонтовском полеводческом участке выделяются посёлок на 22 двора при 122 едоках, куда будут выселены кулацкие дворы из того же полеводческого участка. Земля плохого качества, от ж. д. отдалена до 6 клм.

14-15. Во Львовском полеводческом участке выделяются два посёлка: первый на 20 дворов при 96 едоках, куда будут выселены дворы из селений Львовского сельсовета, а второй на 18 дворов при 107 едоках, на который будут выселены 16 дворов при 98 едоках из селений Львовского сельсовета, а 2 двора при 19 едоках из Васильевского. Земля эта плохого качества и отдалена от железной дороги в 18–20 километров.

16. В Зверьяевском полеводческом участке отводится колония на 21 двор при 129 едоках, куда предполагено выселить из Зверьево 2 двора, 7 едоков и с. Красивки 16 дворов, 111 едоков и из Фёдоровско-Виноградовского 3 двора, 11 едоков. Посёлок расположен на плохой земле, от жел. дороги 20–25 километров.

17-18-19. В Фёдоровском или Виноградовском полеводческом участке выделяются три посёлка. Один посёлок на 20 дворов при 128 едоках, куда будут выселены кулацкие хозяйства из Воронцовского сельсовета. Второй посёлок на 20 дворов при 96 едоках, куда будут выселены кулацкие дворы из с. Токарёвки, а третий посёлок на 25 дворов при 142 едоках, куда будут выселены из села Токарёвки 13 дворов при 63 едоках, из Тр.-Росляй 12 дворов при 79 едоках. Земля плохого качества, отдалена от железной дороги в 20–25 километров.

20. В Абакумовском полеводческом участке выделяется один посёлок на 24 двора при 133 едоках, куда предполагено выселить кулацкие хозяйства из селений Абакумовского сельсовета 17 дворов при 107 едоках и из села Токарёвки 7 дворов, 26 едоков.

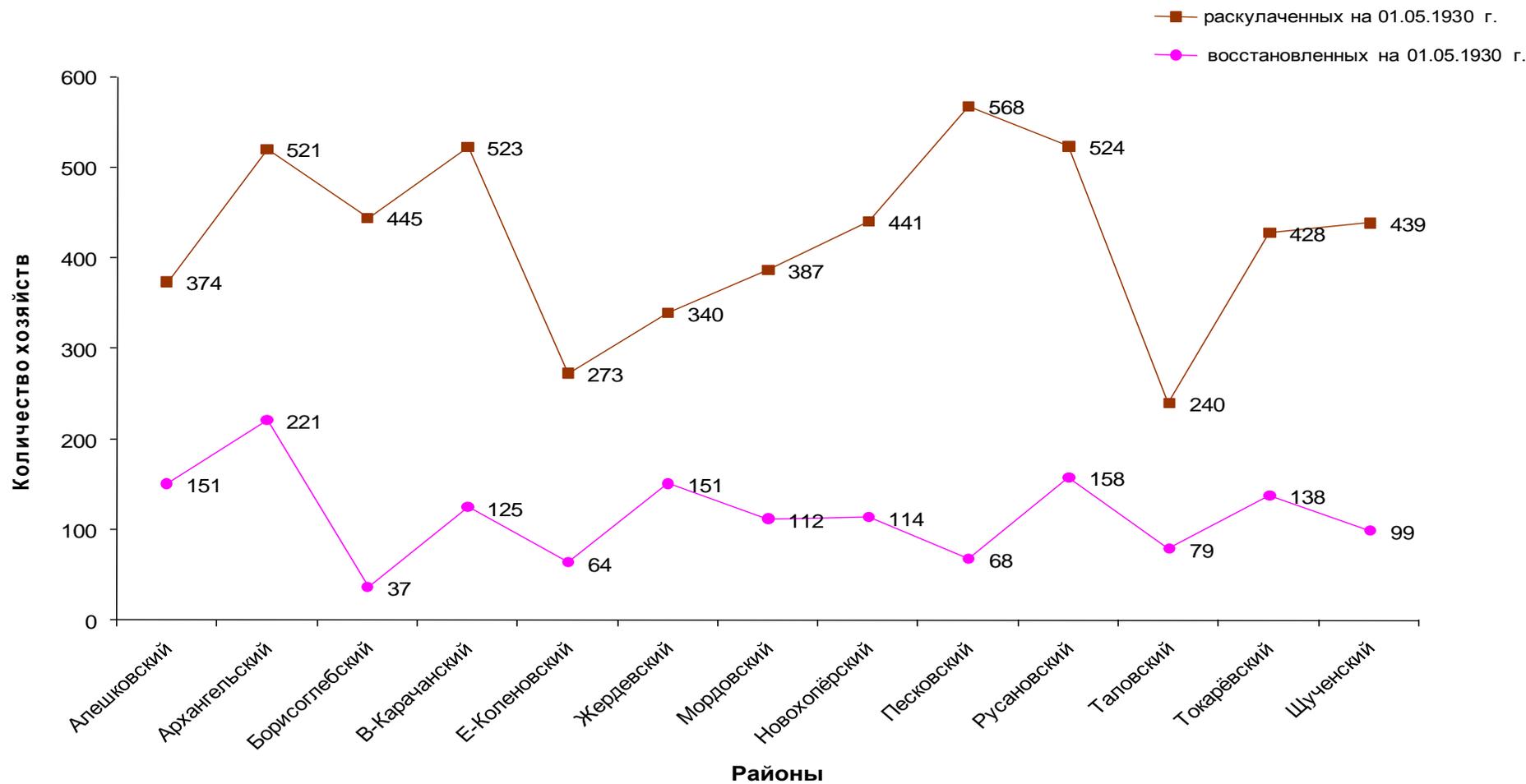
21-22. В Семёновском или Воронцовском полеводческом участке выделяются два посёлка. Первый на 17 дворов при 106 едоках, куда предполагено выселить из селений Кочетовского сельсовета 17 дворов, 106

едоков, а второй посёлок на 20 дворов, 101 едока, куда будут выселены кулацкие хозяйства из Токарёвки.

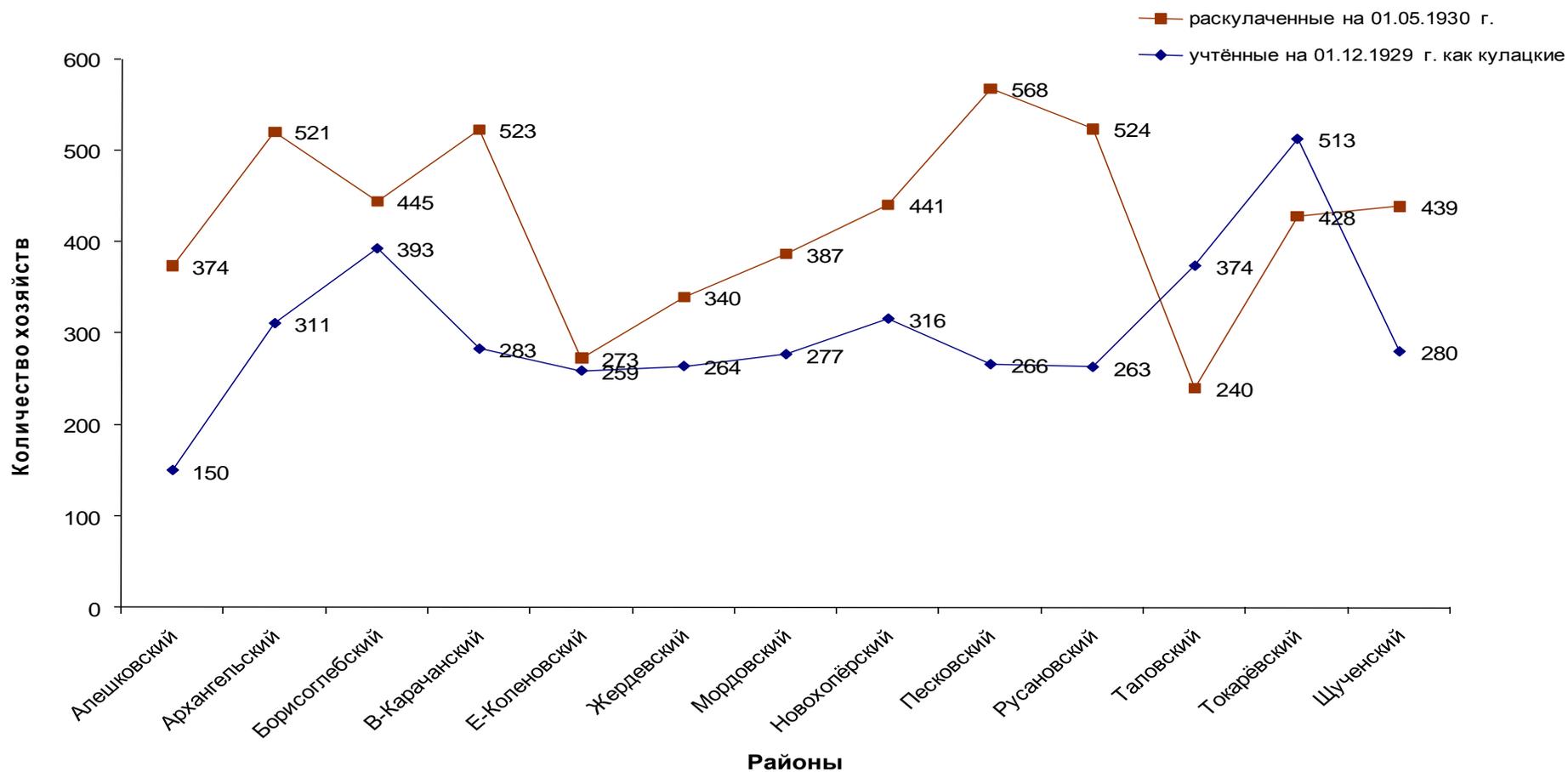
23-24. В Гладышевском полеводческом участке выделяются два посёлка. Первый на 20 дворов при 80 едоках, а второй на 13 дворов при 83 едоках, куда предполагено выселить кулацкие хозяйства из селений Гладышевского сельсовета. Земля эта плохого качества и отдалена от железной дороги в 12–14 километров, от границы землепользования совхоза Мордовского района 2–3 километра.

(ГАОПИ ВО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 107. Л. 222–223.)

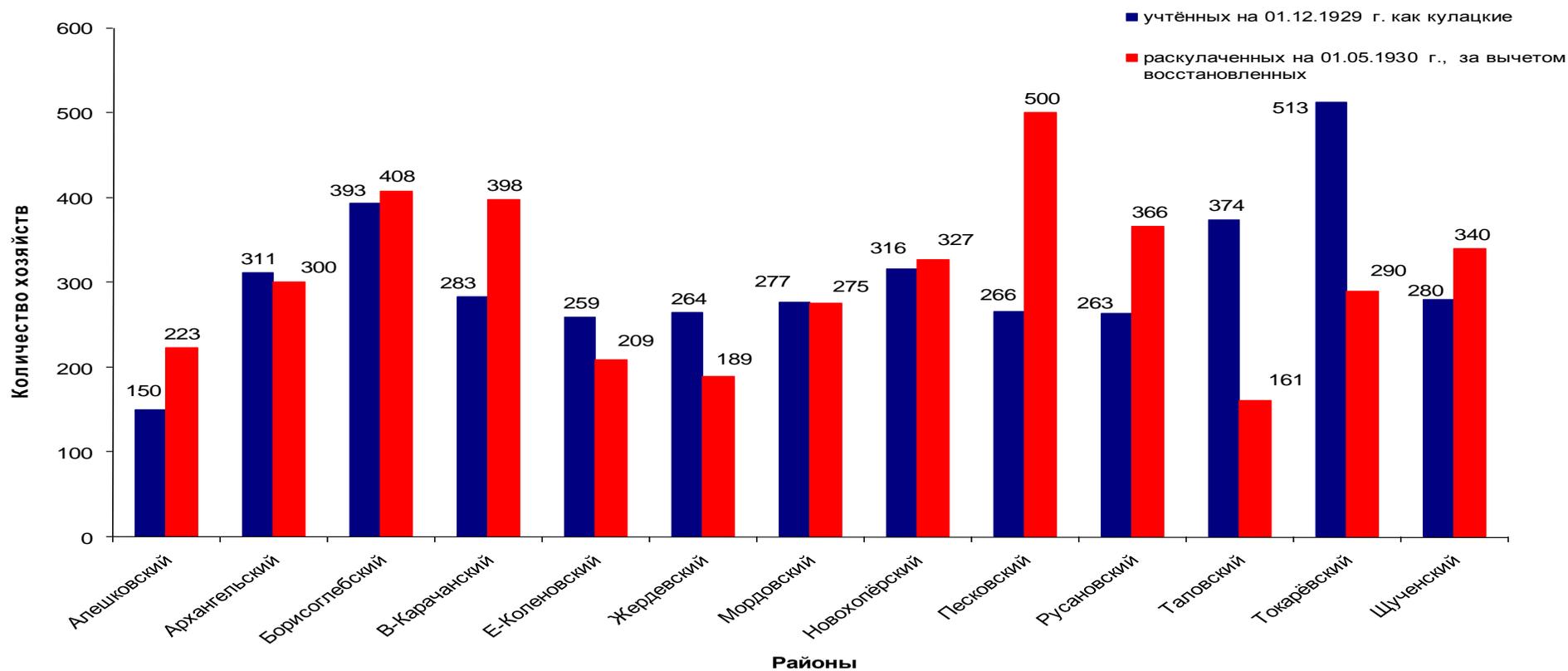
Итоги проверки райисполкомами списков раскулаченных на 01.05.1930 г.

Итоги первоначального раскулачивания в Борисоглебском округе на 01.05.1930 г.

Итоги окончательного раскулачивания в Борисоглебском округе на 01.05.1930 г.

Сводка

сведений о раскулаченных по округам ЦЧО по состоянию на 1 июня 1930 г.

Наименование округа	Количество раскулаченных хозяйств	Выслано из пределов ЦЧО	Восстановлено	Подлежит расселению внутри округа	Сумма средств производства, изъят. у кулацких хозяйств
Старо-Оскольский	7 518	2 405	4 003	2 836	2 148 335
Усманский	6 880	481	2 225	3 174	579 500
Елецкий	3 352	432	1 420	2 920	
Курский	5 399	445	3 609	1 345	331 000
Козловский	2 420	572	2 010	1 848	175 000
Белгородский	4 674	750	1 472	2 339	1 549 105
Орловский	6 010	616	3 185	933	301 050
Тамбовский	7 068	947	2 988	3 995	1 351 877
Острогожский	8 488	873	3 903	4 585	1 897 000
Львовский	4 487	704	2 390		946 978
Россошь	11 848	758	5 378	6 742	1 945 116
Итого	67 144	8 983	32 583	30 717	11 224 961
Борисоглебский	5 517	609	1 567	4 908	3 163 145
Итого с учетом Борисоглебского округа	72 661	9 592	34 150	35 625	14 388 106

(Таблица составлена на основе данных: ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 3. Д. 40. Л. 66; Ф. Р-1172. Оп. 3. Д. 94. Л. 98.)